

М. А. АЛДАНОВЪ

**ПУНШЕВАЯ
ВОДКА**

ДОМЪ КНИГИ — ПАРИЖЪ

М. А. АЛДАНОВЪ

ПУНШЕВАЯ ВОДКА

И

МОГИЛА ВОИНА

« ДОМЪ КНИГИ »

И

« СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ »

ПАРИЖЪ

Tous droits réservés pour tous pays
Copyright 1940 by the author.

ПУНШЕВАЯ ВОДКА

СКАЗКА О ВСѢХЪ ПЯТИ СЧАСТЬЯХЪ

О Т Ъ   А В Т О Р А

«Пуншевая Водка» и «Могила Воина», разумеется, не историческіе романы, а «философскія сказки». Не слѣдуетъ ли напомнить, что у этого литературнаго рода должны быть свои законы ?

I.

Въ канцеляріи курьеру Михайлову было велѣно скакать въ двѣ упряжки въ день, а гдѣ можно, то и ночью. Подорожная была составлена такъ, что отказа въ лошадяхъ нигдѣ быть не могло. Михайловъ, крупный, широкоплечій, лысый человѣкъ лѣтъ сорока, съ умнымъ, хитрымъ, выразительнымъ лицомъ, выслушалъ эти слова молча съ угрюмой усмѣшкой, ясно говорившей: «зачѣмъ всякій разъ повторять тотъ же вздоръ?» Онъ ѣздилъ по Россіи лѣтъ пятнадцать и зналъ по опыту, что такіе приказы никакого значенія не имѣютъ: ѣхать будетъ какъ Богъ дастъ, иногда въ самомъ дѣлѣ днемъ и ночью, а иной разъ придется просидѣть на станціи недѣлю. Прогонныя и кормовыя были выданы ему въ размѣрѣ, повышенномъ противъ правила, такъ какъ дорога была очень тяжелая: въ Пелымъ, тысячи три версть.

До отъѣзда оставались сутки. Михайловъ привыкъ къ своей бездомной жизни, но въ Сибирь его еще никогда не отправляли. Эта поѣздка означала по меньшей мѣрѣ два мѣсяца скачки при лютой стужѣ, по странѣ дикой, ему неизвѣстной и опасной: долгіе дни и ночи безрадостнаго существованія, безъ развлеченій, безъ столичныхъ кабаковъ, почти навѣрное безъ женщинъ. Въ канцеляріи понимали его чувства, считали ихъ естественными и заранѣе знали, что онъ сегодня напьется: не можетъ не напиться. Но знали также, что за пакетами Михайловъ завтра явится въ полной готовности, въ точно указанное время: онъ считался однимъ изъ лучшѣ

курьеровъ; его умъ, исполнительность и честность очень цѣнили, поэтому и назначили его въ такую поѣздку. Все же, изъ предосторожности, денегъ на руки дали только три рубля: остальное при отъѣздѣ. Михайловъ поворчалъ, но не очень торговался: понималъ, что и канцелярія права.

Отправился онъ вечеромъ въ кабачокъ на петергофской дорогѣ, въ которомъ торговали его любимой пуншевой водкой. Тамъ во вторую комнату допускались простые люди, и для нихъ тамъ была простая ѣда. Въ первой же, большой, комнатѣ постоянно бывали господа, кто проѣздомъ въ Петергофъ или въ Ораніенбаумъ, кто такъ, цѣня кухню и развлеченія: въ послѣднее время въ кабачкѣ играли на гитарахъ, пѣли и плясали невиданные еще въ Петербургѣ *лаеши* (1), которымъ при покойной государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ было строжайше запрещено показываться въ Россію. Михайлову очень нравились ихъ пѣніе и они сами, бездомные, какъ онъ, необыкновенные, ни на кого не похожіе люди. Водилъ съ ними знакомство и у молодого лаеша Хапило выучился плясать, адски хлопая себя по сапогу, — у нихъ и сапоги были необыкновенные: красные, зеленые, желтые. Старался и пѣть какъ они: одновременно голосомъ, улыбкой, выраженіемъ лица, плечами, подтаптываніемъ. Впрочемъ, лаеши хохотали, глядя и слушая, какъ онъ пляшетъ и поетъ по ихнему; онъ самъ чувствовалъ: то да не то.

У подъѣзда передъ кабачкомъ стояли великолѣпныя сани, запряженныя цугомъ четверкой вороныхъ лошадей съ красными бантами, съ красной сафьянной сбруей, съ золоченымъ наборомъ. Михайловъ прошелъ со двора, черезъ кухню, во вторую комнату. Тамъ закусывали люди, очевидно, изъ этой кареты: бритый, пудренный, съ косою, кучеръ въ бархатномъ кафтанѣ, гайдукъ, одѣтый гусаромъ, бѣгунъ, въ бархатной шапочкѣ съ кистями и, какъ лошади, съ бантомъ на головѣ. Ихъ госпо-

---

1) Цыгане.

дамъ все носили въ залу дорогія блюда: похлебку изъ рябцевъ, кронштадтскихъ ершей съ пуре, сладкое ягнячье мясо, а также бутылки замороженнаго шипучаго французскаго вина.

Михайловъ сквозь пріотворенную дверь заглянулъ сочувственно въ господскую комнату. За уставленнымъ бутылками столомъ ужинали молодые офицеры, всѣ, какъ на подборъ, огромнаго роста и красавцы. Они были похожи другъ на друга, какъ братья, но и среди нихъ выдѣлялся одинъ: совершенный великанъ, необыкновенно грознаго вида, съ лицомъ настолько страшнымъ, что людямъ невольно хотѣлось поскорѣе отойти отъ него подальше. Онъ пилъ бокаль за бокаломъ, видимо, не пьянѣя. Противъ него саженьяхъ въ трехъ, у стѣны, скрестивъ руки, болѣе темныя, чѣмъ лицо, неподвижно, какъ столбъ, стоялъ старый большой лаешъ въ бѣлой рубахѣ съ золотымъ позументомъ, въ зеленыхъ сапсгахъ, безъ гитары, ничего не дѣлавшій, даже какъ будто ни на что не смотрѣвшій, и все же совершенно необходимый другимъ; два лаеша вполголоса пѣли, глядя не на публику, а другъ на друга, точно сообщая одинъ другому о чемъ-то, — и вдругъ въ ихъ напѣвный разговоръ врывалась красивая горбоносная лаешка, и все переходило въ общій дикій хоръ. Хапило, не прекращая ни на секунду игры, ловко перебрасывалъ и ловилъ свою отдѣланную накладкой гитару. Великанъ за столомъ, безъ слѣдовъ улыбки, хлопалъ въ тактъ огромными страшными руками, не спуская неподвижныхъ глазъ съ молодой лаешки. На лицѣ у него былъ большой рубецъ.

Закусывая, Михайловъ разговорился съ людьми. Узналъ, что офицеры въ самомъ дѣлѣ братья; фамилія у нихъ была обыкновенная, не княжеская, неизвѣстная. Бѣгунъ вполголоса добавилъ, что господа пускаютъ пыль въ глаза: имѣнья мало, а денегъ, бываетъ, и совсѣмъ нѣтъ.

Лаеши пѣли до поздней ночи, и до поздней ночи въ

господскую залу носили вино. Михайловъ вначалѣ пилъ пуншевую водку. Она стоила дорого, и ею онъ новыхъ знакомыхъ не угощалъ. Хотѣлъ было купить въ дорогу хоть одну бутылку, — зналъ, что этой водки нигдѣ, кромѣ столицъ, не найти, — но раздумалъ: что-жъ одну бутылку брать съ собой? Все равно до первой станціи. Съ полуночи онъ сталъ пить дешевый *взварецъ* изъ вина, пива и меду съ кореньями, потчевалъ имъ другихъ и часамъ къ двумъ уже былъ почти пьянъ: подъ доносившееся изъ залы дикое пѣніе, хлопанье, топотъ, обнимался съ бѣгуномъ, плакалъ и говорилъ, что уѣзжаетъ надолго, а можетъ, и совсѣмъ не вернется: посылаютъ очень далеко, къ ссыльному. На вопросъ же бѣгуна, какой-такой ссыльный и гдѣ живетъ, Михайловъ отвѣчалъ загадочно, отчасти, чтобы придать себѣ интереса, отчасти изъ любви къ присказкамъ и къ образной рѣчи: «На морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, какъ быкъ печеной, ѣсть чеснокъ толченой».... Въ дѣйствительности, онъ и самъ не зналъ толкомъ, что за ссыльный живетъ въ Пелымѣ. Содержаніе пакетовъ всегда держалось въ секретѣ, но почти всегда, изъ канцелярскихъ разговоровъ, курьерамъ было смутно извѣстно, съ чѣмъ ихъ посылаютъ. На этотъ разъ Михайловъ зналъ только, что пакеты пріятные: царская милость.

Часа въ четыре ночи пѣніе и пляска кончились. Братья офицеры поднялись, расплатились щедро, — это было видно по лицамъ вернувшихся лакеевъ, — и уѣхали; бѣгуна послали куда-то пѣшкомъ, о чемъ-то между собой пошептавшись: скороходы при господахъ замѣняли почту. И у всѣхъ въ обѣихъ комнатахъ была мысль, что вѣрно бѣгунъ посланъ за женщинами. Горбоносая лаешка приняла видъ достойный и оскорбленный.

Послѣ отъѣзда офицеровъ въ кабачкѣ стало скучно. Необыкновенные люди убирали гитары, дѣловито, разговаривая на непонятномъ языкѣ, считали деньги, стараясь, чтобы никто не видѣлъ сколько, и какъ будто изъ за денегъ переругивались, впрочемъ безъ злобы:

вдругъ стали обыкновенными. Это разстроило Михайлова. Его три рубля были на исходѣ; онъ о нихъ не жалѣлъ: деньги вообще берегъ, но, когда проводилъ ночь хорошо, не огорчался, что много истратилъ. Вещей же своихъ онъ не продалъ и даже въ долгъ не влѣзъ, хотя пользовался у кабатчика кредитомъ, съ осени повышеннымъ до сорока копѣекъ.

На разсвѣтѣ онъ былъ дома, проспалъ два часа, окатился водой и безъ единой минуты опозданія, совершенно трезвый, ничего не забывъ, ни валенокъ, ни мѣшка съ провизіей, ни пистолета, явился въ канцелярію. Получилъ отъ расходчика пакеты въ казенной шкатулкѣ, спряталъ деньги въ мѣшочекъ за пазуху, сказавъ: «Держи дѣвку въ тѣснотѣ, а деньги въ темнотѣ», и съ тѣмъ же угрюмо-насмѣшливымъ видомъ выслушалъ тѣ же наставленія: скакать во всю мочь, нигдѣ не останавливаясь, въ двѣ упряжки. Затѣмъ ему пожелали счастливаго возвращенія, а онъ мрачно отвѣтилъ: «Со счастьемъ на кладъ набредешь, безъ счастья гриба не найдешь». Канцеляристъ еще намекнулъ, что отъ помилованныхъ ссыльныхъ бываетъ иногда немалая награда. На это Михайловъ ничего не сказалъ: не очень вѣрилъ, да и не вспомнилъ присказки на такой случай.

II.

Чѣмъ дальше отъ Петербурга, тѣмъ больше вниманія оказывалось курьеру. О смерти государыни и о восшествіи на престолъ императора Петра III уже было извѣстно вездѣ. Но пріѣзжихъ изъ столицы въ далекихъ городахъ еще было очень мало. О новомъ государѣ почти никто ничего не зналъ. Знали только, что онъ приходился племянникомъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и внукомъ Петру Великому. Но о семьѣ его отца, нѣмецкаго принца, о родствѣ новой государыни было въ глуши немного свѣдѣній, а о событіяхъ, о духѣ, о прочности новаго царствованія еще того меньше. Поговаривали втихомолку, что можетъ вернуться на престолъ потомство царя Ивана Алексѣевича.

Обо всемъ этомъ Михайловъ не зналъ рѣшительно ничего. Но свое ремесло онъ зналъ отлично и на станціяхъ придавалъ себѣ таинственный видъ. На вопросы отвѣчалъ: «тайна грудью крыта, а грудь подоплекой», или что-нибудь въ такомъ родѣ. Если же раззадоренные любопытствомъ люди давали на водку, описывалъ наружность царя и царицы, хоть ни разу ихъ не видалъ. Спрашивавшимъ о новыхъ порядкахъ и о слухахъ не отвѣчалъ ничего, такъ какъ опасался тайныхъ подсылщиковъ, но къ вопросамъ прислушивался внимательно и становился по мѣрѣ удаленія отъ Петербурга все освѣдомленнѣе о столичныхъ событіяхъ.

Онъ благополучно проѣхалъ черезъ Засурскій лѣсъ, пользовавшійся худой славой. Зналъ, что разбойниковъ въ Россіи много меньше, чѣмъ рассказовъ о разбойникахъ, однако пистолетъ держалъ наготовѣ. Ъхалъ за совѣсть, дѣлая иногда по полтора и по двѣ-

сти версть въ сутки. Отдохнулъ немного на Суксунскихъ демидовскихъ зводахъ, гдѣ всѣхъ проѣзжихъ, и дворянъ, и купцовъ, и подлыхъ, содержали бесплатно сколько угодно времени. За Кунгуромъ начиналъ подниматься Уральскій хребетъ. Курьера стало приглашать и начальство: приказывало накормить какъ слѣдуетъ, давало начай, гдѣ пятакъ, гдѣ гривенникъ, и спрашивало, какъ и что въ Петербургѣ. Онъ отвѣчалъ отрывисто, таинственно и держалъ себя какъ власть съ властью. О пакетахъ, которые онъ везъ, его не спрашивали: это не полагалось, да и никого особенно не интересовали пакеты, адресованные другому начальству.

Дни становились все холоднѣе, мѣста все пустыннѣе, на трактѣ случалось проѣзжать версть восемьдесятъ, не видя станціи. Михайловъ ночевалъ въ сторожкахъ, или, съѣзжая съ тракта, въ крестьянскихъ избахъ. Тамъ отъ денегъ за ѣду и ночлегъ почти всегда отказывались. Это было пріятно, но разговаривать съ мужиками ему было неинтересно по ихъ невѣжеству и безразличію къ столичной жизни. Впрочемъ, говорилъ и съ ними: сначала грубо и презрительно, потомъ смягчался отъ водки и общаго почтенія и рассказывалъ, что посланъ къ одному ссыльному, который на морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, какъ быкъ печеной ѣстъ чеснокъ толченой. Но на темныхъ мужиковъ красная рѣчь не производила должнаго впечатлѣнія.

За Яикомъ дорога стала еще тяжелѣе изъ-за свирѣпыхъ холодовъ, скуки и безлюдья. Нелегко было доставать и продовольствіе. Водка была вездѣ, — не пуншевая, конечно, а простая, — но все дорожала съ приближеніемъ къ Сибирской губерніи. Появилась растительность, неизвѣстная курьеру ни по виду, ни по названію: крушина, боярка, черный тополь, сибирскій кедръ. Показались глубокія пропасти, грозные, въ полдень темные, лѣса, называвшіеся здѣсь «кондовыми». Изрѣдка съ адскимъ топотомъ и ржаньемъ, вызывавшимъ невольный ужасъ, проходили по тракту перегоняемые *косяки* безчисленныхъ коней. Появились инородцы,

по всей видимости некрещеные, а среди русских — люди со звѣрскими клейменными лицами и рваными ноздрями. Край был страшный.

Михайлову велѣно было сообщить объ указѣ первымъ же властямъ туринскаго округа. Въ небольшомъ городѣ на трактѣ онъ явился по начальству и вручилъ свой пакетъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, полицейскій капитанъ измѣнился въ лицѣ. Прочелъ бумагу, перечелъ ее, вытаращенными глазами посмотрѣлъ на почтительно вытянувшася курьера, затѣмъ подошелъ къ двери.

— Миниху вышло помилованіе! — сказалъ онъ съ такимъ видомъ, точно ждалъ, что тамъ вскрикнуть и всплеснуть руками. Отклика онъ однако не нашелъ.

— Миниху? Ну, и слава Богу, — отвѣтилъ за дверью равнодушный старческій голосъ. Капитанъ пожалъ плечами, вернулся къ курьеру и сталъ было его расспрашивать. Но, какъ опытный человѣкъ, скоро понялъ, что курьеръ ровно ничего не знаетъ. Услышавъ, что есть къ ссыльному и личное письмо, которое приказано отдать въ собственныя руки, — подумалъ, сѣлъ за столъ и очинилъ перо.

— Пакетъ отдашь самому генералу. Я тебѣ и отъ себя дамъ записку. Отъ генерала проѣдешь въ Пелымъ, къ его *высокопревосходительству*. Ну, а здѣсь отдохни до завтрашняго утра. На кухнѣ тебѣ дадутъ пообѣдать. И вотъ тебѣ, братецъ, отъ меня двугривенный.

Михайловъ не сразу догадался, что его высокопревосходительство это ссыльный, къ которому онъ ѣдетъ. Имя Миниха ему было неизвѣстно, хоть въ Петербургѣ, когда его произнесли въ канцеляріи, оно показалось ему знакомымъ: какъ будто слышалъ, когда былъ мальчишкой. Накормили его на кухнѣ такъ, какъ онъ очень давно не ѣлъ. Изъ окна онъ видѣлъ, что куда-то понеслись верховые. Понялъ, что его хотятъ опередить; по этому и по другимъ признакамъ курьеръ сообразилъ, что для здѣшнихъ властей привезенный имъ указъ

имѣеть очень большое значеніе. Ему показалось также, что онѣ не очень имѣ довольны.

Это впечатлѣніе еще укрѣпилось въ слѣдующемъ, главномъ городѣ. Не успѣлъ онѣ показать на заставѣ подорожную караульному офицеру, какъ получилъ приказъ, несмотря на поздній, неприсутственный часъ, никуда не заѣзжая, ѣхать прямо на гору, къ генеральскому дому.

Домъ былъ большой, двухэтажный, съ будками для часовыхъ. Въ чистыхъ уже полутемныхъ сѣняхъ не было ни соринки. Михайлова тотчасъ ввели въ генеральскій кабинетъ. Такого кабинета онѣ никогда не видалъ у начальства и въ Россіи. Глаза у него разбѣжались: диваны и кресла изъ черной кожи съ мѣдными гвоздями, синяя печь на столбахъ, коричневая шпалера съ зелеными человѣчьими лицами, на стѣнѣ полуголая женщина съ огромной змѣей, впившейся въ румяныя груди — сразу въ обѣ, — огромный столъ, а за столомъ самъ генераль, невысокаго роста старый человѣкъ, въ наплечникахъ и при кавалеріяхъ. Изъ сосѣдней комнаты доносилась музыка. Михайловъ подалъ пакетъ и остановился, вытянувшись до предѣловъ возможнаго.

Генераль читалъ бумагу очень долго, точно хотѣлъ заучить ее наизусть. Затѣмъ въ раздумьи положилъ ее на столъ и велѣлъ подать второй пакетъ. Михайловъ не осмѣлился возразить, хотя ему было велѣно вручить письмо въ собственныя руки ссыльнаго. Повертѣвъ нерѣшительно пакетъ въ рукахъ, генераль, не вскрывая, вернулъ его курьеру и сказалъ:

— Такъ сейчасъ же въ полную притѣ скакай въ Пелымъ и скажи его сіятельству, что я самъ въ Пелымъ тотчасъ пріѣзжать буду, и что все по желанію графа дѣлано будетъ. И вотъ тебѣ одинъ полтинникъ...

Онѣ оглянулся на дверь. Вошла пожилая очень толстая дама со свѣчкой въ серебряномъ подсвѣчникѣ. Она бросила недовольный взглядъ на монету, которую отдавалъ курьеру генераль, отъ своей свѣчи зажгла свѣчи на столѣ, поставивъ подъ фитилекъ лодочкой

ладонь, чтобы воскъ не капнулъ на черную кожу, и заговорила съ генераломъ не по-русски.

— Das hat nur gefehlt! — отпустивъ курьера, сказалъ женѣ генераль. Онъ не могъ справиться съ досадой. Ему, однако, тотчасъ стало совѣстно. — Разумѣется, за него я очень радъ, но...

— Что же онъ можетъ противъ насъ имѣть? — спокойно замѣтила генеральша, уточняя мысль мужа. Мысль эта приблизительно заключалась въ томъ, что возвращеніе въ милость ссыльнаго не можетъ обѣщать ничего хорошаго тѣмъ, у кого онъ въ теченіе многихъ лѣтъ находился въ поднадзорной ссылкѣ. — Кажется, никакого зла онъ отъ насъ не видѣлъ. И наша ли вина, если...

— Все таки странная страна! — въ сердцахъ прервалъ ее генераль. — Держать человѣка двадцать лѣтъ въ ссылкѣ, и вдругъ... Ему возвращено все: онъ снова графъ, фельдмаршалъ и генераль-фельдцейгмейстеръ. Еще, быть можетъ, станетъ опять первымъ министромъ!

— Но вѣдь ему, кажется, восемьдесятъ лѣтъ?

— Если не больше. И какихъ лѣтъ! Но онъ, говорятъ, свѣжъ, какъ молодой человѣкъ!

Музыка въ сосѣдней комнатѣ прекратилась, въ комнату вошла молоденькая, очень хорошенькая блондинка.

— Папа, кто это молодой человѣкъ? — по-русски спросила она и, узнавъ, что рѣчь идетъ о Минихѣ, засмѣялась. Послушала разговоръ родителей, который интересовалъ ее очень мало. «Кончатъ ли? Сейчасъ кончаютъ», — подумала она, — «папа въ плохомъ настроеніи: не позволить»...

— Я сейчасъ же послѣ обѣда выѣду въ Пелымъ, — продолжалъ по-нѣмецки генераль. — Пусть мнѣ приготовятъ все, что нужно.

— Господи! Въ такой морозъ, въ Пелымъ!

— Что же дѣлать! Все это очень серьезно... Я говорилъ, что нужно было послать ему шубу. Все-таки

это былъ бы знакъ вниманія. Если онъ пожелаетъ мстить, мы еще сами окажемся...

Онъ взглянулъ на дочь и замолчалъ.

— Папа, гдѣ мы окажемся? — по русски спросила барышня.

— Тамъ, гдѣ Макаръ гонялъ свои теленки, — сказалъ, улыбаясь, генераль, переходя на русскій языкъ. Барышня весело засмѣялась.

— Ахъ, какъ это будетъ интересно! Папа, а за что былъ сосланъ Минихъ? Вы мнѣ рассказывали, но я забыла, извините.

Генераль обстоятельно объяснилъ, что графъ фонъ-Мюнихъ, родомъ не то нѣмецъ, не то датчанинъ, состоялъ сначала на французской, потомъ на гессенъ-дармштадской, на англійской, на голландской, на саксонской службѣ, затѣмъ сдѣлалъ блестящій карьеръ въ Россіи при Петрѣ Великомъ, при Екатеринѣ, при Аннѣ Иоанновнѣ; онъ былъ очень талантливымъ полководцемъ, одержалъ много побѣдъ и въ сущности создалъ русскую армію, — Петръ Великій, а потомъ онъ. Затѣмъ онъ произвелъ переворотъ, арестовалъ своего врага Бирона, сослалъ его въ Пелымъ, сталъ первымъ министромъ и полновластнымъ правителемъ Россіи. Позднѣе онъ ушелъ въ отставку, а когда императрица Елисавета арестовала Анну Леопольдовну, Мюнихъ былъ приговоренъ къ четвертованію. Императрица замѣнила ему смертную казнь пожизненной ссылкой въ тотъ самый Пелымъ, куда онъ сослалъ Бирона: онъ и поселился въ Пелымѣ, въ домѣ, который имъ же былъ отведенъ Бирону. Говорятъ, что при его отправкѣ въ ссылку и при возвращеніи Бирона въ Россію они встрѣтились на какой-то станціи и раскланялись.

— Въ общемъ и цѣломъ это одинъ авантюристъ, — закончилъ свой рассказъ генераль. — Ein Abenteuerer! Но очень умный и образованный человѣкъ къ тому. Такъ онъ есть.

— Какъ жаль, что ему восемьдесятъ лѣтъ! Я вышла бы за него замужъ, — сказала Валя. Она подумала,

что было бы хорошо, если-бъ Володя продѣлалъ такой же карьеръ; представила себѣ, какъ ихъ обоихъ сослали въ Пелымъ, и замерла отъ счастья: всегда съ нимъ неразлучно, онъ и она!... Вотъ только четвертованія не надо, хотя бы и съ помилованіемъ въ послѣднюю минуту. — Онъ женатъ, папа?

— Женатъ съ баронессой Мальцанъ, которая жена оберъ-гофмаршала Салтыкова была. Но сама и въ себѣ есть она никакая интересная женщина.

Генераль снова озабоченно заговорилъ съ женой по-нѣмецки о приготовленіяхъ къ своей поѣздкѣ въ Пелымъ. «Ежели папа уѣзжаетъ послѣ обѣда, то надо отложить», — подумала Валя, — «папа денегъ дастъ, но не позволитъ, мама позволитъ, но не дастъ денегъ. Все-таки это лучше»... Ей надо было получить разрѣшеніе родителей на участіе въ любительскомъ спектаклѣ и деньги на платье. — «Ежели папа уѣдетъ въ Пелымъ, то потомъ запретить будетъ невозможно»... Она внимательно смотрѣла на родителей, но не слушала ихъ разговора. Думала, что мама, вѣрно, двадцать лѣтъ тому назадъ была похожа на Клеопатру, висѣвшую на стѣнѣ кабинета. «Право, ужъ лучше, когда папа говоритъ по-нѣмецки, передъ чужими не совѣстно. Володя тогда, я видѣла, давился отъ смѣха»...

— ... Ахъ, я всегда говорилъ! Я два раза говорилъ въ прошломъ году, что нужно послать ему хотя бы мою старую бѣличью шубу! Но развѣ въ этомъ домѣ слушаютъ то, что я говорю!

— Ты забываешь, что эта старая шуба очень можетъ пригодиться, черезъ годъ я себѣ сдѣлаю изъ нея шлафрокъ. Кромѣ того, удобно ли дѣлать подарки, если человекъ — ссыльный! Это ты тоже забылъ!

— Ссыльный, ссыльный! Вотъ и ссыльный! *Sonderbares Land, verrücktes Land!* — сердито сказалъ генераль.

Но, взглянувъ на жену, онъ смягчился: очень любилъ свою генеральшу, не вѣрилъ ходившимъ о ней

когда-то сплетнямъ и считалъ ее неоцѣненной женщиной.

— Я тебѣ сдѣлаю новый шлафрокъ, не изъ старой шубы, — сказалъ онъ. — И у самаго лучшаго портного! Но пусть сейчасъ же все приготовятъ къ моему отъѣзду.

Онъ подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ. Валя съ удивленной улыбкой на нихъ смотрѣла.

III.

Валя вернулась въ свою комнату, все обдумывая планъ. «Какъ только папа уѣдетъ, обратится къ мамѣ, сказать, что трагедія не какая-нибудь гадкая, французская, что сочинитель состоитъ въ Санктъ-Петербургѣ при императорской Академіи Наукъ (такъ было написано на обложкѣ трагедіи), что его сочиненія ставили при покойной государынѣ на театрѣ въ шляхетскомъ корпусѣ. Мама согласится. Тогда потребовать денегъ три рубли, меньше нельзя: атласу зеленаго шесть аршинъ и алой камлотовой платокъ. «Не дастъ!»—со вздохомъ подумала Валя, — «скажетъ, что можно безъ костюма, или велитъ перешить бабушкинъ робронъ!.. Это чтобы Маруська хохотала! Ну, хорошо, тогда согласится: главное, чтобы позволили. А потомъ, когда папа вернется изъ Пелыма, попросить денегъ у него. Если этотъ злющій старикъ тамъ не очень раскричится, папа пріѣдетъ веселый, немного поворчитъ и дастъ деньги»... Она представила себѣ рѣчь отца: «сіе есть не ошень прилишно, штопъ одна молоденькая дѣвица»... и засмѣялась.

Въ ней ничего нѣмецкаго не было. Въ городѣ злые языки говорили, что ея отцомъ былъ русскій офицеръ, извѣстный повѣса, съ которымъ нынѣшняя генеральша когда-то въ Петербургѣ часто ѣздила на *Крештофскій*. Слухи это доходили и до Вали; они были и неприятны ей, и порою не совсѣмъ неприятны. Она себя считала русской и сибирячкой. Ей было и смѣшно, и немного стыдно, что ея родители — нѣмцы, плохо владѣющіе русскимъ языкомъ.

На любительскомъ театрѣ ставилась трагедія Михайлы Ломоносова: «Тамира и Селимъ». Роль Селима,

царевича багдатскаго, была сразу, почти безъ споровъ, отведена Володѣ Кривцову. Онъ былъ студентъ недавно основаннаго въ Москвѣ университета, носилъ студенческій мундиръ, не столь красивый, сколь рѣдкій, впрочемъ, пожалуй, даже красивый. И самъ онъ былъ очень красивъ; въ него были влюблены всѣ барышни города, въ ихъ числѣ, и больше всѣхъ, Валя. Ни одинъ изъ мѣстныхъ захудалыхъ офицеровъ съ нимъ и въ сравненіе не могъ идти. Володя это зналъ и что-то не очень спѣшилъ въ Москву учиться, затянувъ до зимы свой вакаціонный отпускъ. За роль Тамиры, царевны крымской, дочери Муметовой и возлюбленной Селимовой, шла жестокая борьба между Валею и Марусей Полуяровой, дочерью бывшаго рентмейстера. Валя одержала верхъ и по положенію, какъ дочь генерала, и по наружности, хотя Маруся указывала на то, что блондинка не должна играть крымскую царевну, которая навѣрное была претемная брюнетка. Этотъ доводъ былъ отвергнутъ всѣми участниками спектакля, и Марусѣ съ зубовнымъ скрежетомъ пришлось довольствоваться ролью Клеоны, мамки Тамириной.

Съ родителями были нелады и у Маруси, и репетиціи пока шли въ тайнѣ. Къ нимъ всѣ актеры дома въ одиночку разучивали свои роли. Валя стала передъ большимъ венеційскимъ трюмо, и принялась читать, — по тоненькой, хорошо изданной на комментарной заморской бумагѣ книжкѣ. Читала она и за Селима; это ей доставляло еще больше удовольствія, чѣмъ ея собственная роль; однако учить наизусть всю селимову роль было незачѣмъ. Селимъ съ жаромъ, голосомъ Володи, говорилъ:

... Пріятностей твоихъ вездѣ мнѣ блескъ сіяетъ;
Тобой исполненъ я и въ явѣ, и во снѣ.
Недвижимый мой духъ и крѣпость оставляетъ,
Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Повѣрь, что мой животъ въ любезной сей рукѣ!

Въ этихъ послѣднихъ стихахъ Володя и громовымъ голосомъ, и сильными жестами, и отчаяннымъ выраженіемъ лица вызывалъ дружныя рукоплесканія почти у всѣхъ участниковъ спектакля. Шипѣлъ только его давній недоброжелатель, поручикъ Шепелевъ, игравшій роль гордаго Мамаю, царя Татарскаго. Да еще исподтишка шипѣла, впрочемъ, восторгаясь, Клеона, мамка Тамирина: слова Селима относились къ Тамиръ. Ясно было, что наибольшій успѣхъ достанется Володѣ. Онъ, если не вралъ, былъ знакомъ и съ сочинителемъ трагедіи, котораго видѣлъ въ Москвѣ въ ихъ университетѣ. Володя вообще зналъ много извѣстныхъ людей, и самъ былъ человѣкъ вполне столичный. Валя сдѣлала паузу и прочла страдальческимъ шопотомъ, съ *швермереей*, свой отвѣтъ:

Какое дать могу тебѣ я облегченье,
Въ лютѣйшей будучи погружена тоскѣ?

Она взглянула на себя въ зеркало. Швермерея ей удавалась, но ея румяное личико съ трудомъ выражало лютѣйшую тоску. Если бъ не этотъ глупый румянецъ, если бъ лицо было *матово-блѣдное*, роль Тамиры вышла бы иначе, — да и многое другое въ жизни! Валя, замирая, подумала, что дерзкій Володька грозилъ въ той сценѣ, гдѣ Тамира пытается заколоться кинжаломъ, поцѣловать ее «прямо въ губки, не взирая ни на какой скандалъ». Въ губы они еще никогда не цѣловались... «Ежели мама денегъ не дастъ, что жъ дѣлать, обойдусь безъ алаго платка. Своихъ есть семьдесятъ копѣекъ, рубль дастъ няня, на атласъ хватить, а роброна, хоть убей, не возьму!... И сердце Володѣ отдать разъ на всю жизнь, чтобы любить другъ друга пребезмѣрно... Алый платокъ могъ быть все же очень для этого полезенъ. Она погрузилась въ расчеты.

IV.

Въ генеральскомъ домѣ Михайлова не накормили и не предложили ему переночевать. Напротивъ, велѣно было выѣхать въ Пелымъ черезъ два часа, — обѣщали за него сговориться съ ямщикомъ-вогуломъ. Михайловъ погулялъ по городу, презрительно поглядывая на дома, лавки, женскіе наряды. Не рассчитывая получить на генеральской кухнѣ провизіи въ дорогу, онъ купилъ калачей, жареной дичи, пироговъ, чего-то еще, а на водку истратилъ весь данный ему генераломъ полтинникъ и не мало доложилъ изъ кормовыхъ. О пуншевой здѣсь мечтать не приходилось, но и обыкновенная кизлярская стоила дорого. Зато дичь была дешева.

Его предупредили, что путешествовать въ Пелымъ придется на собакахъ; онъ все не могъ этому повѣрить. Однако, у крыльца службъ генеральскаго дома уже стояли деревянные, съ березовыми полозьями, сани, запряженные десятью похожими на волковъ собаками, привязанными попарно къ ремню далеко впереди саней. Низкорослый, красноглазый человѣкъ съ бородкой, съ выдающимися скулами, въ оленьей шкурѣ, съ большимъ коломъ въ рукѣ, низко въ поясъ поклонился курьеру. Поклонъ доставилъ Михайлову удовольствіе, но видъ ямщика довѣрія ему не внушилъ: ежели заснешь, можетъ зарѣзать очень просто. Пошептался съ провожавшимъ его сторожемъ, тотъ расхохотался и сказалъ, что честнѣе и добрѣе вогула на свѣтѣ не сыщешь человѣка: не то, что не убьетъ, а мухи не обидитъ.

Ямщикъ, говорившій на ломаномъ русскомъ языкѣ, усадилъ Михайлова въ сани и сложилъ туда его

пожитки. Въ саняхъ лежало и добро ямщика: пицаль, одинъ мѣшокъ съ сырой рыбой, другой съ морожеными пельменями, постукивавшими въ мѣшкѣ, какъ по-гремушки. Затѣмъ онъ ловко отрѣзалъ отъ своей оленьей шкуры небольшой кусокъ, вырвалъ по шерстинкѣ у каждой собаки и прикрѣпилъ все къ дереву. Сторожъ объяснилъ, что вогуль такъ поручаетъ себя своему богу, Воршуду.

Курьеръ смотрѣлъ на ямщика съ испугомъ. Сосѣдство съ некрещенымъ человѣкомъ было непріятно Михайлову, но, къ его удивленію, ямщикъ съ нимъ не сѣлъ. Никакихъ возжей на собакахъ не было. Вогуль сталъ одной ногой на полозъ, оттолкнулся отъ земли коломъ и прикрикнулъ на собакъ. Сани тронулись, выѣхали за заставу и понеслись. Михайловъ не сразу понялъ, что вогуль такъ всю дорогу и простоить на полозѣ. Онъ то отталкивался коломъ отъ земли, то имъ же тормозилъ сани, то бросалъ имъ въ лѣнивую собаку, ловко нагибался и ловилъ на землѣ колъ. Время отъ времени онъ необыкновенно похоже рычалъ по-звѣриному (Михайловъ всякій разъ вздрагивалъ и съ ужасомъ оглядывался) или выкрикивалъ непонятныя слова, — собачій вой послѣ этого становился совершенно изступленнымъ: ямщикъ обманывалъ собакъ, пугая ихъ близостью звѣря или обѣщая имъ впереди отдыхъ и ѣду. Михайлову казалось, что онъ несется на взбѣсившихся животныхъ, которыми править сошедшій съ ума звѣроподобный человѣкъ.

Послѣ пятидесятиверстнаго пробѣга, они остановились у *поварни*. Вогуль соскочилъ съ полоза, опять поклонился въ поясъ и помогъ выйти окоченѣвшему, несмотря на ситцевое бѣлье, кожаную куртку, шубу и валенки, одурѣвшему отъ крика, лая, визга Михайлову. Юрта была наполовину завалена дровами. Вогуль вытащилъ изъ саней мѣшки, развелъ огонь тоже какъ-то не по человѣчески, растопилъ снѣгъ въ котелкѣ и бросилъ въ мутноватую воду большую горсть пельменей. Затѣмъ вышелъ къ отчаянно лаявшимъ собакамъ,

накормилъ ихъ сырой, мороженой рыбой и вернулся въ юрту, изъ трубы которой уже валилъ бѣлый дымъ съ искрами.

Михайловъ предложилъ вогулу своей ѣды и водки. Отъ калачей ямщикъ отказался, а стаканъ водки выпилъ залпомъ. «Ничего пьеть», — подумалъ сочувственно курьеръ. Его вниманіе заняла вынутая изъ мѣшка съ пельменями фляжка. «Ежели простая, то зачѣмъ вытаскивать, когда угощаютъ!»... На мгновенье у него шевельнулась дикая мысль: что, если во фляжкѣ пуншевая? Вогуль налилъ въ жестяной стаканъ странно-знакомо пахнувшей жидкости и угостилъ курьера. Михайловъ осторожно попробовалъ и сплюнулъ съ отвращеніемъ: это былъ скипидаръ.

Они поѣли супа, мороженой дичи, поговорили. Отвѣчая на вопросы Михайлова, ямщикъ сказалъ, что онъ собственно и не вогуль, что отцы его пришли сюда изъ другой земли, а изъ какой, не могъ объяснить; поселились они сначала у вотяковъ, потомъ у вогуловъ, — у нихъ не принято долго жить на одной землѣ, это приноситъ несчастье, мреть скотина. Михайловъ выразилъ недоумѣніе, зачѣмъ ямщикъ пьеть дрянъ, когда есть водка. «Чѣмъ скипидаръ, ужъ лучше пить воду!...» Выяснилось, что воды вогуль никогда не пьеть, такъ какъ въ водѣ живетъ очень важный богъ, — онъ назвалъ имя этого бога. — «Ну, а мыться какъ? Въ баню ежели сходить?» — насмѣшливо спросилъ Михайловъ и узналъ, что ямщикъ никогда не моется: пачкать воду грѣхъ большой. «То-то отъ него такой духъ», — подумалъ курьеръ и съ любопытствомъ продолжалъ спрашивать. Но услышавъ, что умершая сестра ямщика превратилась на томъ свѣтѣ въ лихорадку, такъ какъ въ этой жизни была старой дѣвой, прекратилъ расспросы. «Совсѣмъ дуракъ!» — подумалъ онъ.

Юрта быстро обогрѣлась. Ямщикъ, не выносившій тепла, вышелъ къ собакамъ и заговорилъ съ ними; повидимому, они хорошо понимали другъ друга. Когда собаки отдохнули, дикій бѣгъ возобновился.

Въ послѣдней юртѣ передъ Пелымомъ Михайловъ допилъ остатокъ водки, хотъ передъ отъѣздомъ казалось, что ее должно хватить на мѣсяць пути. Послѣ этого онъ задремалъ въ саняхъ. Когда ямщикъ его разбудилъ, сани стояли передъ острокольнымъ бревенчатымъ заборомъ. У воротъ была караульня. Изъ нея вышелъ дежурный. Ямщикъ поклонился ему въ поясъ и помогъ выйти изъ саней курьеру, у котораго одеревенѣли ноги.

Черезъ нѣсколько минутъ Михайловъ отошелъ. Въ караульномъ домикѣ было тепло. На столѣ кипѣлъ самоваръ. Дежурный освѣдомился о подорожной, но не потребовалъ ея сразу. Узнавъ, что курьеръ привезъ изъ Петербурга пакетъ, разговорился и предложилъ выпить чаю. Порядки въ этой крѣпости, видимо не опасавшейся нападенія ниоткуда, были нестрогіе. Михайловъ отвѣчалъ на вопросы дежурнаго безъ таинственности и важности. Съ наслажденіемъ чувствовалъ, что ничего не отморозилъ, что впереди долгій отдыхъ, тепло, настоящій обѣдъ. Все же отъ отвѣта на вопросъ, съ чѣмъ пріѣхалъ, уклонился, понимая, что такое извѣстіе надо сообщить первымъ. Разспрашивая о крѣпости, о комендантѣ, о порядкахъ, вскользь освѣдомился, гдѣ же тутъ помѣщается *ссылный Минихъ*. Дежурный отвѣчалъ безъ интереса: Минихъ былъ достопримѣчательностью Пелыма, но былъ ею уже двадцать лѣтъ, и здѣсь всѣ къ нему давнымъ-давно привыкли.

— Что жъ, онъ теперь дома?

— Сейчасъ вѣрно дѣтей учить. Онъ у нашего купца въ учителяхъ. А можетъ, уже и вернулся. Тебѣ зачѣмъ?

— Дѣло есть, — небрежно отвѣтилъ курьеръ, преодолевая желаніе огорошить дежурнаго своимъ извѣстіемъ. Дежурный посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Съ дѣломъ къ нему не полагается, — сказалъ онъ, насторожившись.

Курьеръ улыбнулся, допилъ чай, всталъ съ лавки, поблагодарилъ и вышелъ къ вогулу, который бесѣдовалъ съ собаками: не счелъ нужнымъ зайти въ караульную погрѣться. Сани тронулись. «Городишка, какъ будто, дрянной, не лучше большого села», — подумалъ Михайловъ. Показались худые дворы, дома съ заваленными снѣгомъ берестовыми крышами. Пелымскія собаки отвѣтили бѣшенымъ лаемъ на вой собакъ ямщика. Стали выбѣгать ребята. «Сенацкій кульеръ!» — прокричалъ чей-то испуганный голосъ. Мальчишки бѣжали за санями. Курьеръ спросилъ у нихъ, гдѣ тутъ живетъ ссыльный Минихъ. — «Да вотъ гдѣ», — указали они. Михайловъ удивился: ужъ очень небогатъ былъ этотъ домъ для человѣка, котораго именовали его высокопревосходительствомъ, графомъ и господиномъ фельдмаршаломъ.

Курьеръ велѣлъ вогулу остановиться, не доѣзжая до дома, вышелъ изъ саней, поднялся на грубо сколоченное бревенчатое крыльцо и постучалъ въ дверь. Отворила женщина, какъ будто не совсѣмъ барыня, но какъ будто и не баба. «Кухарка-сударка», — рѣшилъ Михайловъ и неувѣренно поклонился не какъ барынѣ, но и не какъ бабѣ. Съ недоумѣніемъ на него глядя, она его впустила въ небольшія сѣни съ некрашенымъ деревяннымъ поломъ. Образовъ не было. Михайловъ вынулъ пакетъ и громко, отчетливо произнесъ заранѣе, еще въ дорогѣ, приготовленную фразу:

— Его сіятельству, графу Миниху!

Въ сѣняхъ появился осанистый красивый человѣкъ съ пудреной головой, высокаго роста, державшійся прямо, несмотря на свою глубокую старость. На немъ былъ французскій кафтанъ малиноваго цвѣта, съ камзолomъ. Михайловъ тотчасъ понялъ, что это и есть фельдмаршалъ. Онъ молча поклонился въ поясъ и вручилъ пакетъ старику. Минихъ кивнулъ головой, сказалъ: «здравствуй, братецъ», и неторопливо распечаталъ пакетъ. Руки у него немного дрожали. — «Ты, вѣрно,

омябъ?» — спросилъ онъ и прочиталъ документъ. Въ сѣняхъ было не очень свѣтло. Всѣ молчали: и фельд-маршалъ, и курьеръ, и женщина, застывшая съ выпученными глазами. Лицо Миниха было блѣдно. Онъ подвинулся поближе къ окошку и снова прочелъ бумагу. Затѣмъ протянулъ ее женщинѣ, которая, видимо, не могла выговорить ни слова.

— Такъ, такъ, — сказалъ онъ самымъ обыкновеннымъ тономъ и обратился къ курьеру. — Ну, спасибо, братецъ. Ты, вѣрно, озябъ и проголодался? У насъ сегодня уха. — Онъ вздохнулъ, засмѣялся, снова повторилъ: «такъ, такъ», и направился въ сосѣдную комнату. У двери на секунду было остановился и какъ-то неестественно взялся рукой за ручку, — точно тяжело оперся. Курьеръ хотѣлъ было къ нему подбѣжать, но не успѣлъ. Минихъ отворилъ дверь и вышелъ.

V.

Черезъ часъ стали приходять гости, видные пелымскіе люди, говорившіе волжскимъ говоркомъ: потомки угличанъ, переселенныхъ въ Пелымъ Борисомъ Годуновымъ въ наказаніе за убійство царевича Димитрія. Почти всѣ, кланяясь и прося не побрезговать, подносили подарки: кто бѣличій мѣхъ, кто банку икры, кто боченокъ кедроваго масла. Явился, въ мундирѣ, при орденахъ, комендантъ крѣпости, но войти не рѣшился и лишь просилъ передать его сіятельству, что хотѣлъ засвидѣтельствовать нижайшее почтеніе, а обезпокоить не осмѣлился, думая, что его сіятельство, быть можетъ, почиваетъ.

Михайлову предлагали ночлегъ въ крѣпости, но онъ предпочелъ остаться у фельдмаршала: при домѣ была большая баня, ему отвели предбанникъ. Немного тревожило его, что награды пока не дали никакой. Мѣстные люди, правда, ему сказали, чтобы онъ былъ покоенъ: сейчасъ и дать-то не изъ чего, ихъ сіятельству комендантомъ выдается по рублю кормовыхъ денегъ въ день. — «А потомъ въ обидѣ не останешься! Хочешь, за двадцать пять рублей откупаю у тебя награду?» — сказалъ купецъ, сыну котораго Минихъ давалъ уроки математики. Михайловъ слушалъ внимательно и не то, чтобы не вѣрилъ, но предпочелъ бы получить хоть пятнадцать рублей наличными сейчасъ, — господа ненадежный народъ: «пиши долгъ на двери, а получать будешь въ Твери».

Гости, видимо, вначалѣ не знали, какъ себя теперь держать и какъ ихъ примутъ. Но принимали ихъ хорошо, хоть фельдмаршалъ не показывался: только велѣлъ всѣхъ душевно благодарить. О немъ шопотомъ говорили,

что онъ заперся въ своей комнатѣ и чувствуетъ себя худо. «Какъ бы не померъ», — подумалъ Михайловъ, успѣвшій слегка закусить: онъ видѣлъ, что готовится большое угощеніе.

Дѣйствительно, подъ вечеръ, въ предбанникѣ и на кухнѣ начался пиръ. Отъ хозяевъ дали лучшее, что было въ домѣ: икру, бѣлужью тешку, рыбу изъ тумана на Тавдѣ, щи съ завитками. Купецъ притащилъ боченокъ кизлярской водки, множество бутылокъ разныхъ винъ: въ лавкѣ нашлось и цымлянское, и даже венгерское.

Погода все ухудшалась. Ямщикъ, котораго по долгу гостепріимства нехотя пригласили въ баню, сказалъ, что будетъ метель. Онъ оставался въ домѣ недолго: чувствовалъ себя лишнимъ, да ему было и тяжело въ нагрѣтомъ помѣщеніи; устроился съ собаками въ берестовомъ шалашѣ, саженьхъ въ двадцати отъ дома. Купецъ на радостяхъ далъ ему икры и бутылку вина. Вогуль сходилъ въ лавку, обмѣнялъ вино и икру на скипидаръ, вернулся въ шалашъ, доѣлъ пельмени, запилъ скипидаромъ и завалился спать: собирался завтра же съ зарей выѣхать назадъ въ городъ.

Пѣли «обнимай сосѣдъ сосѣда, подливай сосѣдъ сосѣду»... Пьяный, ошалѣвшій отъ восторга купецъ обнялъ Михайлова, подарилъ ему рубль и сказалъ довѣрительно, какъ другу, что теперь надѣется получить чинъ коллежскаго совѣтника. Въ это время дверь открылась и въ предбанникъ неожиданно вошелъ старый фельдмаршалъ. Всѣ вскочили. Купецъ хотѣлъ было поцѣловать ручку, но Минихъ не далъ, только, смѣясь, потрепалъ купца по плечу. «Эхъ, осанка какая! А вчера училъ дѣтей!» — подумалъ Михайловъ. Графъ Минихъ всѣхъ благодарилъ, выпилъ за общее здоровье рюмку вина и удалился. Послѣ его ухода довольнымъ честью гостямъ стало еще веселѣе.

VI.

Нѣмецъ-генераль прибыль вечеромъ, измученный поѣздкой и весьма разстроенный: догадывался, что встрѣча и разговоръ будутъ непріятные. Онъ сначала заѣхалъ къ коменданту, привелъ себя въ порядокъ, затѣмъ отправился въ домъ Миниха. Его заставили прождать въ сѣняхъ минутъ пять, хозяинъ къ нему не вышелъ, прислалъ просить въ кабинетъ. Но и въ кабинетѣ никого не оказалось, и генераль ждалъ еще нѣсколько минутъ. Онъ нервно ходилъ по небольшой, бѣдно обставленной комнатѣ, разсѣяннo глядя на бѣлыя некрашенныя книжныя полки. Здѣсь были труды на разныхъ языкахъ по военному и инженерному дѣлу, по математикѣ, по исторіи, груды вѣдомостей, исписанные листы, тетради.

Минихъ вошелъ очень мрачный, поздоровался сухо, еще суше принялъ поздравленія. На нѣмецкое привѣтствіе отвѣтилъ по-русски; генераль смущенно перешелъ на русскій языкъ; сказалъ, что всегда въ мѣру возможнаго дѣлалъ все отъ него зависѣвшее, но приказъ для военнаго человѣка святъ, не такъ ли? На это фельдмаршалъ ничего не отвѣтилъ. Генераль смущенно спросилъ, когда его сіятельству угодно будетъ отбыть въ столицу, и не слѣдовало ли бы, въ интересахъ здоровья его сіятельства, подождать установленія болѣе теплой погоды. Минихъ кратко сообщилъ, что уѣдетъ очень скоро, черезъ нѣсколько дней.

— Если бы ваше сіятельство на навигацію подождать хотѣли, то за ваше сіятельство одинъ трешкоутъ присылать можно было. Тогда моя жена и я счастливы были бы у насъ одному столь знаменитому мужу гостепріимство предлагать, и весь нашъ домъ предоставлять, — нерѣшительно сказалъ генераль.

Минихъ опять ничего не отвѣтилъ: точно и не слышалъ сказаннаго. Генераль помолчалъ. Ни чаю, ни вина ему не предлагали. Подавивъ обиду и раздраженіе, онъ вынулъ перевязанный зеленой ленточкой пакетъ.

— По русскому обычаю, — сказалъ онъ, — моя жена и я хотимъ вашему сіятельству скромный сувениръ подносить. И я такъ счастливъ былъ, что моей библіотекѣ сей давній артикуль оказался, который ваше сіятельство видѣть радовать будетъ. — Минихъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ. Онъ дернулъ ленточку и развернулъ старательно сложенный номеръ вѣдомостей; одно сообщеніе было красиво и необыкновенно ровно обведено краснымъ карандашомъ. — Указъ 11 ноября 1740 года, — значительнымъ тономъ сказалъ онъ и прочелъ съ внушительными интонаціями:

«...Генераль-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху по вышеписаннымъ обстоятельствамъ и особливо въ разсужденіи при нѣнѣшнемъ случаѣ намъ, родителямъ нашимъ и всему государству оказанной ревности, при которой онъ, оставляя свое и своей фамиліи благополучіе и не щадя пота и крови, поступалъ, дабы онъ по то время, пока ему Богъ животъ и силу продолжитъ, въ состояніи былъ намъ ревностныя услуги оказать, всемилостивѣйше пожаловали чинъ перваго министра въ нашихъ консиліяхъ, и какъ онъ нынѣ уже первый рангъ въ имперіи имѣетъ, то ему по генералиссимусѣ первымъ въ имперіи быть, при чемъ и супругѣ его предъ всѣми знатнѣйшими дамами, въ томъ числѣ и тѣхъ принцевъ, кои невладѣющіе въ нашей службѣ обрѣтаются, супругами, первенство имѣтъ»...

Генераль остановился, торжественно глядя на собесѣдника.

— Сіе будетъ меня весьма радовать, — сказалъ онъ, — ежели ваше сіятельство сія вещь въ презентъ отъ меня и моей жены принимаетъ?... Ежели она у вашего сіятельства не находится?

— Нѣтъ, не находится, — отвѣтилъ, смѣясь, Минихъ, — для того, что, какъ вѣдомо вашему превосходи-

тельству, я уѣзжалъ изъ Петербурга въ кондиціяхъ не совсѣмъ ординарныхъ. Былъ приговоренъ къ четвертованію — вѣрно, тоже за *оказанную ревность* — и помилованъ уже подъ эшафотомъ.

Генераль вздохнулъ, съ подобающимъ случаю выраженіемъ на лицѣ.

— Ахъ, мой дорогой Богъ! — сказалъ онъ, — фортуна есть такъ переменчива. Но есть всѣмъ вѣдомо, что ваше сіятельство тоже тогда десперать не были (2).

— Тогда обо мнѣ никто не вспомнилъ. Люди любятъ имѣть съ фортуной общихъ пріятелей, — сказалъ весело фельдмаршалъ. Въ знакъ примиренія онъ положилъ руку на рукавъ генерала и перешелъ на нѣмецкій языкъ. Минихъ хорошо говорилъ по-русски, особенно послѣ двадцатилѣтняго пребыванія въ Пелымѣ; но выражаться на иностранныхъ языкахъ ему было легче. Думалъ же онъ смѣсью четырехъ или пяти языковъ: по-русски, по-датски, по-нѣмецки, по-французски.

Хозяинъ предложилъ гостю стаканъ вина. Гость, немного поколебавшись, отказался, несмотря на свою

---

2) Князь Яковъ Шаховской, отправлявшій Миниха въ ссылку, въ своихъ «Запискахъ» рассказываетъ: «Въ смятенныхъ моихъ размышленіяхъ пришелъ я къ той казармѣ, гдѣ оный бывшій герой (Минихъ), а нынѣ наизлосчастнѣйшій находился, чая увидѣть его горестью и смятеніемъ пораженнаго. Какъ только въ оную казарму двери передо мною отворены были, то онъ, стоя тогда у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, въ тотъ мигъ поворотясь въ смѣломъ видѣ съ такими-быстро растворенными глазами, съ какими я его имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріателемъ сраженіяхъ порохомъ окуриваемаго видѣть, шелъ ко мнѣ навстрѣчу и приближась, смѣло смотря на меня, ожидалъ, что я начну. Я, сколько возмогъ, не переменяя своего вида, такъ же какъ и прежнимъ двумъ уже отправленнымъ, все подлежащее ему въ пристойномъ видѣ объявилъ и довольно примѣтилъ, что онъ болѣе досаду, нежели печаль и страхъ на лицѣ своемъ являлъ».

Авторъ.

незлобивость: хотя добрыя отношенія возстановлены, все-таки слѣдовало отмѣтить несправедливость и непозволительность оказаннаго ему нелюбезнаго приѣма. Онъ поднялся съ мѣста. Минихъ его не удерживалъ, но до сѣней проводилъ. Генераль быстро прошелъ по комнатѣ и коридору, стараясь не замѣчать ихъ убогой обстановки. Прощаясь, хозяинъ дома вскользь далъ понять, что уѣзжаетъ въ Россію безъ злопамятства и что *никому* ничего опасаться не надо. Хотя генералу не хотѣлось выходить изъ быстро имъ усвоеннаго тона обиженной стороны, онъ, услышавъ это, просіялъ и крѣпко пожалъ руку Миниху, который просилъ его поблагодарить за подарокъ супругу.

— Я слышалъ , что у васъ очаровательная дочь. Пожалуйста, поцѣлуйте ее отъ меня, — неожиданно сказалъ онъ, къ нѣкоторому недоумѣнію генерала. — Ей семнадцать лѣтъ! Какая счастливица! Ахъ, если бы мнѣ было семнадцать лѣтъ! Но мнѣ больше!... Я въ семнадцать лѣтъ попалъ въ Версаль и представлялся Людовику XIV... Такъ, пожалуйста, не забудьте поцѣловать отъ меня вашу дочь.

— Это былъ безъ сомнѣнія одинъ великій монархъ, Людовикъ XIV, — сказалъ генераль.

VII.

Къ ночи поднялся холодный вѣтеръ. Начинаясь низовая мятель. Въ кабинетѣ, служившемъ Миниху и спальней, съ вечера затопили желѣзную печь. Онъ весь вечеръ разбиралъ бумаги, сжигая то, что не предполагалъ увозить въ Петербургъ. Иногда пробѣгалъ нѣкоторые документы. Иные изъ нихъ относились къ дѣламъ мрачнымъ и кровавымъ. По бумагамъ скользили тѣни людей, ушедшихъ давно, такъ давно, что страшно было подумать. Петръ умеръ сорокъ лѣтъ тому назадъ, Людовикъ XIV — почти пятьдесятъ. Давно сгнили въ могилѣ Мальборо, принцъ Евгений, Августъ, Меншиковъ, Остерманъ, Шетарди. Но мысленная возня съ мертвецами скоро его утомила. Бумаги ему надоѣли. Минихъ прилежъ на диванъ, не раздѣваясь, и задремалъ подъ свистъ поднимавшейся метели.

Когда онъ проснулся, была глубокая ночь. Забытая имъ сальная свѣча дымя догорала въ подсвѣчникѣ. Въ кабинетѣ было жарко и душно. Онъ съ усиленіемъ поднялся съ дивана. Голова у него немного кружилась отъ угара. Приотворилъ окно, — рвануль холодный вѣтеръ и задуль свѣчу. Въ кабинетъ проникъ лунный свѣтъ. Минихъ надѣль шубу и вышелъ на крыльцо.

Пелымъ давно спалъ. Была совершенная тишина. Снѣгъ несло горизонтально, ниже крыльца. Луна холодно свѣтилась на бѣлыхъ крышахъ. Ничего не было видно, кромѣ необозримыхъ, нигдѣ, казалось, не кончающихся снѣговъ. — «Пелымъ? Какой Пелымъ? Почему Пелымъ?» — спросилъ себя онъ, точно вчера поселился въ этомъ городкѣ. Ему самому непонятно было, какъ случилось то, что онъ, сынъ нѣмецкаго инженера датской службы, послѣ долгихъ шумныхъ странствій

по разнымъ, почти одинаково близкимъ, почти одинаково чужимъ землямъ, оказался на вершинахъ власти въ Россіи, очутился затѣмъ въ Пелымѣ и провель здѣсь двадцать лѣтъ.

И все-таки этотъ дикій, затерявшійся въ снѣгахъ городишка былъ теперь ему ближе, роднѣе, чѣмъ Данія, чѣмъ Версаль, даже чѣмъ Петербургъ, — давно самъ не зналъ, гдѣ его настоящая родина, и кто собственно онъ такой: русскій? нѣмецъ? датчанинъ? «Да, почему Пелымъ? До шестидесяти лѣтъ и не слыхалъ никогда о такомъ мѣстѣ, а въ послѣдніе годы, еще вчера, былъ увѣренъ, что здѣсь буду погребенъ»... Невольно взглянулъ въ сторону занесеннаго снѣгомъ кладбища. «Ускользнулъ! Здѣсь лежать не буду!... Пусть же мертвые хоронятъ мертвыхъ! Разумѣется, странно, что въ восемьдесятъ лѣтъ начинается еще какая-то новая жизнь. Но главное — жизнь! Чтобы переменить кладбище, не стоило выходить изъ могилы»...

Подумалъ о новомъ государѣ: что за человекъ? похожъ ли на *того* Петра? будетъ ли продолжать его дѣло, *ихъ* дѣло? Размышляя въ ссылкѣ о прошломъ, Минихъ открылъ причину своего величія и паденія: будучи пришельцемъ, старался, вслѣдъ за Петромъ, преобразовать чужую — все-таки чужую — страну, необозримую и страшную, какъ эти сибирскіе снѣга. По крайней мѣрѣ, такъ ему теперь казалось: честолюбіе, любовь къ власти, непреклонный характеръ не могли объяснить въ его судьбѣ всего. «Главное было *то*», — подумалъ онъ и съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что размышляетъ о себѣ въ прошедшемъ времени. «Нѣтъ, я не буду грѣться у печки въ Петербургѣ, не для этого возвращаюсь, и тѣмъ лучше, если это *имъ* неприятно»...

Они были враги, считавшіе его похороненнымъ заживо. Съ давно забытой радостью онъ представилъ себѣ ихъ раздраженіе и страхъ. Но тутъ же подумалъ, что настоящіе враги его почти всѣ въ могилѣ. Одинъ Биронъ гдѣ-то доживалъ въ глуши свою кровавую жизнь. Вспомнилъ ихъ послѣднюю театраль-

ную встрѣчу на станціи, холодный театральныи поклонъ. «Неужели еще придется встрѣтиться и съ Бирономъ? Какъ же съ нимъ встрѣтиться?» О другихъ не стоило думать: они были немногимъ лучше сегодняшняго осла съ сувениромъ. «Безъ враговъ скучно жить, надо будетъ завести себѣ новыхъ»...

Онъ такъ давно ушелъ изъ жизни (хоть старался за всѣмъ слѣдить по вѣдомостямъ), что ему трудно было себѣ представить новое царствованіе, новыхъ людей, новый Петербургъ: пелымскихъ купцовъ теперь зналъ неизмѣримо лучше, чѣмъ новаго государя или новую армію. Почти съ бѣшенствомъ онъ думалъ, что за эти украденныя у него, вычеркнутыя изъ его жизни двадцать лѣтъ могъ бы, находясь у власти, перевернуть Россію! Думалъ, что все-таки еще не поздно, что на мѣстѣ быстро во всемъ разберется, что будетъ дальше, до конца, до послѣдней минуты, дѣлать свое дѣло. И еще о многомъ другомъ думалъ графъ Минихъ, глядя въ ту ночь съ крыльца на спящій подъ снѣгомъ, забытый Богомъ Пелымъ... Метель уже неслась выше уровня крыльца. Въ шалашѣ вогуль, почувствовавшій во снѣ наступленіе снѣжной бури, проснулся, вскочилъ, чтобы помолиться Воршуду о своей несчастной, превратившейся въ лихорадку, сестрѣ, и спросонья, съ ужасомъ, красными отъ скипидара глазами уставился на освѣщенную луной огромную фигуру, точно всплывавшую изъ снѣжнаго вихря.

VIII.

Надъ Петербургомъ стояла волшебная бѣлая ночь. Въ саду при особнякѣ на Мойкѣ пышно цвѣла сирень, еще доцвѣтала черемуха, и смѣшанный ароматъ ихъ, ни съ чѣмъ несравнимый по прелести, изнурялъ жильцовъ дома, вызывая головную боль и бессонницу. Профессоръ Ломоносовъ давно перешелъ изъ спальни въ небольшую комнату рядомъ съ кабинетомъ. Но и тамъ спать очень плохо. Было жарко и душно, сладкій запахъ его преслѣдовалъ. Давала себя чувствовать и боль въ ногахъ, оставшаяся отъ недавней тяжелой болѣзни, — не надѣялся было выздоровѣть. Онъ долго ворочался на диванѣ, вставалъ, подходилъ, морщась отъ боли, къ окну, садился тамъ съ книгой, — читать можно было безъ свѣчи, единственное въ мѣрѣ волшебство, — но не читалъ и, посидѣвъ, снова возвращался на диванъ. Эта ноющая, тупая, нудная боль одинаково мѣшала и сну, и работѣ. Вернувшись въ пятый или шестой разъ, рѣшилъ больше не вставать: все равно. Кромѣ боли и духоты, мѣшало заснуть то обиліе мыслей, которое составляло и радость, и гордость, и несчастье его жизни, — объ этомъ когда-то стихи написалъ:

«Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь , мыслями утомленъ»...

Теперь всѣ почти мысли, даже сулившія новую славу, были густо окрашены въ черный цвѣтъ: поздно, едва ли что удастся довести до конца. Послѣ болѣзни стало ясно, что на долгій вѣкъ разсчитывать нечего. Онъ старался не думать о смерти и дѣйствительно думалъ о ней не много, а когда думалъ, то чувствовалъ

не страхъ и не отчаяніе, а раздраженіе, рѣшимость и торопливость: кому-то не поддаться и спѣшить, — главное спѣшить, какъ передъ отпускомъ, когда непременно накапливаются важныя срочныя дѣла. Въ послѣднее время люди, съ которыми проходила его жизнь, стали умирать какъ будто ужъ очень часто, и онъ всякій разъ испытывалъ то же чувство: скорѣй похоронить, не думать — и торопиться: отрываютъ отъ важнаго дѣла.

Въ эту ночь онъ, замученный непрекращающейся болью, почувствовалъ, что окончательный отпускъ близокъ. Мозговая машина, крѣпко заведенная съ вечера, не могла и не хотѣла остановиться. Мысли вертѣлись беспорядочно, имъ не было конца. Нужно закончить работу надъ катадіоптрической трубой объ одномъ зеркалѣ, — заодно вспомнилъ и о своей старой ночезрительной трубѣ, и надъ ней надо бы еще поработать. Слѣдовало непременно улучшить и анемометръ, указывающій скорость и сторону вѣтра. Недоконченъ былъ планъ изслѣдованія вязкости жидкихъ матерій по числу капель. Хотѣлъ бы довести до конца разсужденія о происхожденіи кометовыхъ хвостовъ, объ электрическихъ воздушныхъ явленіяхъ, о выходѣ каменнаго угля изъ торфяниковъ, о причинахъ сѣвернаго сіянія, о кристаллахъ, о подземномъ огнѣ, о натурѣ цвѣтовъ, о произведеніи теплоты. Опять подумалъ, что огонь Аристотельской или, какъ говорили новые ученые, теплотворная матерія, скитающаяся безъ малѣйшей причины изъ тѣла въ тѣло, одинъ только вымыселъ: на самомъ же дѣлѣ теплота есть коловратное движеніе частицъ, образующихъ всякую матерію. Затѣмъ снова вернулся къ своимъ трубамъ, — подумалъ со злобой, что академическая обсерваторія и теперь служитъ больше къ профессорскимъ ссорамъ, чѣмъ къ наблюденіямъ свѣтилъ и небесныхъ приключеній: прохождение Венеры черезъ солнце наблюдать не удалось, изслѣдовалъ иностранецъ, — еще слава Богу, что французъ, а не нѣмецъ. Понялъ, что ужъ навѣрное не уда-

ется совершить дальнія путешествія, особенно въ страны подполярныя, — объ этомъ всегда мечталъ: былъ увѣренъ, что можно найти корабельный ходъ сѣверомъ въ Японію черезъ Сибирскій океанъ, и что предпріятіе сѣвернаго мореплаванія способствовало бы умноженію россійскаго могущества на востокъ. Отсюда перебросился мыслью къ дѣламъ государственнымъ, ко всему тому, что говорилъ сто разъ, о чемъ еще недавно писалъ Шувалову: о большемъ просвѣщеніи народа, о истребленіи праздности, о исправленіи земледѣлія, о размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ, объ уничтоженіи суевѣрнаго лѣченія волшебствомъ и чародѣйствомъ, о лучшихъ пользахъ купечества, о торговлѣ съ внѣшними народами, о лѣсахъ, о ландкартахъ, о призывѣ иностранныхъ поселенцевъ и вообще обо всемъ, касающемся пользы русскаго государства. По этимъ разнымъ вопросамъ онъ не только высказывалъ сужденія, но и предлагалъ опредѣленные мѣры. Однако, несмотря на его извѣстность, слушали его мало, а исполняли изъ того, что онъ предлагалъ, еще меньше. Все его раздражало: и большое, и малое, и непорядки въ государственныхъ дѣлахъ, и паутина надъ лабораторными шкафами; причиной и паутины, и разстройства государственныхъ дѣлъ было въ сущности одно и то же: невѣжество, лѣнь, нерадивость, равнодушіе къ общественной пользѣ, все, съ чѣмъ онъ боролся съ молодыхъ лѣтъ.

Заснулъ онъ въ пятомъ часу, уже совсѣмъ не надеясь заснуть. Спалъ худо, снились инструменты, планы работъ, перемишавшіеся такъ нелѣпо, что потомъ было дико вспоминать. Снились и люди: недавно попавшій въ немилость Шуваловъ и давно скончавшійся академикъ Рихманъ. Они сердились другъ на друга. Рихманъ жаловался, что его вдовѣ платятъ недостаточную пенсію, — за его заслуги и смерть могли бы платить пощедрѣе. Шуваловъ отвѣчалъ, что, какъ ни неприятно это говорить усопшему, госпожа Рихманъ вышла замужъ вторымъ бракомъ, и ежели дѣти приняты

на казенный счет, то какого ему еще нужно рожна?

Во снѣ это тоже выходило толково и разумно, а когда проснулся, — непостижимая чепуха: какіе-то крючки сцѣпились въ мозгу? За окномъ было полутемно, въ комнатѣ такъ же душно, и такъ же — или чуть легче? — болѣла нога. Профессоръ Ломоносовъ сѣлъ на постель, надѣлъ красныя сафьянныя туфли, подошелъ къ растворенному окну: да, какъ будто идетъ къ грозѣ. Вотъ почему приснился Рихманъ. Но почему Шуваловъ? Подумалъ, что странное дѣло сны, что слѣдовало бы поразмыслить объ этомъ въ свободное время. Сейчасъ же было необходимо воспользоваться грозой и повторить опыты Рихмана. Собственно слѣдовало давно: онъ откладывалъ очень долго, уступая женѣ и близкимъ людямъ. Теперь больше нельзя: отпускъ.

Онъ поспѣшно умылся, одѣлся и продѣлалъ по своей системѣ гимнастическія упражненія, стараясь не обращать вниманія на усилившуюся боль. Тѣлесная сила несомнѣнно шла на убыль. Еще не очень давно студенты академіи и гимназисты академической гимназіи, когда онъ бывалъ въ духѣ, съ почтительной завистью его спрашивали, правда ли, будто онъ гнетъ подковы и свертываетъ узломъ кочергу. Это ходячее выраженіе всегда его раздражало; онъ отвѣчалъ, что и подковы, и кочерга бываютъ разной крѣпости. Такъ и теперь подумалъ, что можно было бы изобрѣсти приборъ, который показывалъ бы силу точнымъ, математическимъ способомъ. Ему тотчасъ пришли соображенія, какъ слѣдовало бы такой приборъ постоитъ; онъ занесъ было ихъ въ память: «какъ-нибудь въ свободное время», — но самъ усмѣхнулся: какое ужъ теперь свободное время! Спросилъ себя, не уменьшаются ли и умственные силы, и съ гордой увѣренностью тутъ же отвѣтилъ: нѣтъ, не уменьшаются, — напротивъ, и знаній, и мыслей все больше.

Прошелъ мимо спальной жены на цыпочкахъ, чтобы ее не разбудить: только помѣшаетъ работѣ, увидитъ,

что онъ у прута, и начнется стонъ; хочетъ, какъ Рихманъ, погубить себя, сожжетъ и ее, и весь домъ. Представиль себѣ, какъ жена будетъ кричать все это сначала по-нѣмецки, потомъ на ужасномъ русскомъ языкѣ, и поморщился. Онъ не то недолюбиваль жену, потому что она была нѣмка, не то недолюбиваль нѣмцевъ, потому что былъ женатъ на нѣмкѣ.

По своему обычаю, первымъ дѣломъ прошелъ черезъ дворъ въ палату, гдѣ шли мозаичныя работы. «Полтавская баталія» подвигалась, но не очень быстро. Колеры смальты составлялись по его способамъ, выработаннымъ посредствомъ безчисленныхъ опытовъ въ печи. Цильхъ работаль недурно, то, чему онъ его научиль, зналь хорошо, но своей сметки не имѣль ни на грошъ. Напротивъ, Матвѣй Васильевъ многое схватываль налету, но химіи не зналь, вообще не зналь ничего и ничему не хотѣль учиться. Хмуро осмотрѣль картину: да, подражать натурѣ камешками и стеклами не такъ просто, какъ картиной изъ масла.

— Составщики могли бы работать лучше. Мастика худо проварена, и вотъ кусокъ не прошлифованъ, — сердито замѣтилъ онъ Цильху. Затѣмъ произнесъ нѣсколько крѣпкихъ словъ, обращаясь преимущественно къ Васильеву и не объясняя, что именно имѣеть въ виду: зналь, что тотъ пойметъ и безъ объясненій. Васильевъ дѣйствительно поняль и изъ приличія потупился. Цильхъ смущенно оправдывался: денегъ отпускается слишкомъ мало, всего по десяти копѣекъ на футъ, такъ римскаго состава не получишь.

— Денегъ? Да, деньги всего важнѣе, — съ угрюмой усмѣшкой сказалъ Ломоносовъ. — Деньги, что и говорить, наиважнѣйшее. Но къ деньгамъ не худо имѣть и голову.

Вышелъ изъ мастерской, хмуро бормоча: «гельдъ... аржанъ... ратра... пекуніа... хрэма...» Безденежье было его большимъ, давнимъ и вѣчнымъ бѣдствіемъ. Въ тысячный разъ подумаль, что у ничего не дѣлающихъ вельможъ, у иныхъ мошенниковъ-купцовъ денегъ куры

не клюютъ, а онъ всю жизнь прожилъ, не имѣя лишней копѣйки не только для себя, но для опытовъ, необходимыхъ Россіи и наукъ. Эта мысль, при все усиливавшейся раздражительности профессора, привела его тотчасъ въ бѣщенство.

Остановился на мгновенье, любуясь своимъ садикомъ. Злоба его еще усилилась: садовникъ не подрѣзалъ кустовъ, — «ну погоди ты, каналья этакая!...» — произнесъ вслухъ нѣсколько очень нехорошихъ словъ изъ своего богатаго запаса, въ которомъ были слова архангельскія, московскія, кіевскія, польскія, нѣмецкія и всякія другія, вынесенныя изъ разныхъ скитаній.

Въ самомъ мрачномъ настроеніи онъ вошелъ въ домъ. Въ коридорѣ изъ двери выглянула Елисавета Андреевна, бывшая Христина Генриховна, и сразу, по виду мужа, по его лицу, по тяжелой походкѣ, поняла, что беспокоить его ненужно; она поспѣшно затворила дверь. Мужа своего она не знала и не понимала, хоть и очень много лѣтъ прошло съ той поры, какъ онъ, молодымъ человѣкомъ, въ Марбургѣ женился на ней, покрывая грѣхъ. Но ей было извѣстно, что, когда онъ гнѣвенъ, раздражать его нельзя.

Огромная комната служила и кабинетомъ, и ботаническимъ музеемъ, и физическимъ институтомъ, и химической лабораторіей. Всюду были заставленные инструментами столы, полки съ книгами, со склянками. Превозмогая боль въ ногахъ, Ломоносовъ взобрался въ углу на табуретъ, выдвинулъ проведенный черезъ крышу пруть, вызывавшій, изъ за худой молвы о домѣ, любопытство и недоумѣніе прохожихъ. Слѣзть было труднѣе, чѣмъ встать. У него даже исказилось лицо при неосторожномъ движеніи. Пошатываясь, подошелъ къ огромному столу, сѣлъ въ кресло; боль была очень сильна: надо передохнуть. Но сидѣть у стола безъ дѣла было для него невозможно.

Разыскалъ въ ящикѣ папку, въ которой было собрано все, что относилось къ смерти академика Рихма-

на. Тутъ была и ученая литература, были и вырѣзки изъ Санктъ-Петербургскихъ вѣдомостей. Онѣ сначала его удивили: это зачѣмъ? «Да, тогда все собралъ въ память...»

«Никто бы не чаялъ, чтобъ изъ Америки надлежало ожидать новыхъ наставленій о электрической силѣ, а однако учинены тамъ наиважнѣйшія изобрѣтенія. Въ Филадельфійи, въ Сѣверной Америкѣ, господинъ Веніаминъ Франклинъ столь далеко отважился, что хочетъ вытягивать изъ атмосферы тотъ страшный огонь, который часто цѣлыя земли погубляетъ. А именно дѣлалъ онъ опыты, для извѣданія, не одинакова ли матерія молніи и электрической силы, и дѣйствіе догадку его такъ подтвердило, что отъ громовыхъ ударовъ слѣдующимъ образомъ охранять себя можно: на вершинахъ строеній, или кораблей, надлежитъ утвердить желѣзные востроконечныя прутья перпендикулярно поставленныя, вышиной отъ 10 до 12 футовъ и для охраненія отъ ржи позолоченныя, а отъ нижняго конца прутьевъ спустить проволоку къ подошвѣ строенія наземь, или отъ мачтоваго каната на корабляхъ. Какъ чинили на сей опытъ въ марлійскомъ саду желѣзнымъ прутомъ, вышиною на 40 футовъ поставленнымъ и на электризованномъ тѣлѣ утвержденнымъ, во время грома, который шелъ черезъ то мѣсто, гдѣ былъ пруть, то бывшія при томъ персоны вытянули такія искры и движенія, которыя подобны тѣмъ, кои производятся обыкновенною электрическою силою. Въ Парижѣ 18 мая изъ утвержденного на 99 футовъ вышиною и въ виноградномъ саду поставленнаго прута вытягивали многія искры чрезъ полчаса и болѣе въ то самое время, тогда какъ густая туча стояла надъ тѣмъ мѣстомъ. Сіи искры совершенно походили на исходящій изъ фюзей огонь и причиняли такой же стукъ и такую же опасность. Другими опытами тоже подтверждено, и явилось, что помощью востроконечныхъ прутовъ у громовыхъ тучъ огонь отнять можно».

Во второй вырѣзкѣ былъ газетный отчетъ о смерти Рихмана: «Въ сѣняхъ дома стоялъ шкафъ вышиной въ 4 фута, на которомъ учреждена была машинна для примѣчанія элетрической силы, называемая указатель элетрической, съ желѣзнымъ прутомъ толщиною въ палецъ, а длиною въ 1 футъ, котораго нижній конецъ опущенъ былъ въ наполненный отчасти мѣдными опилками хрустальный стаканъ. Къ сему пруту съ кровли онаго дома проведена была сквозь сѣни подъ потолкомъ тонкая желѣзная проволока. Когда г. профессоръ, посмотрѣвши на указателя элетрическаго, разсудилъ, что громъ еще далеко отстоитъ, то увѣрилъ онъ грыдоровальнаго мастера Соколова, что теперъ нѣтъ еще никакой опасности, однако, когда подойдетъ очень близко, то-де можетъ быть опасность. Вскорѣ послѣ того, какъ г. профессоръ, отстоя на футъ отъ желѣзнаго прута, смотрѣлъ на указателя элетрическаго, увидѣлъ помянутой Соколовъ, что изъ прута, безъ всякаго прикосновенія, вышелъ блѣдно-синеватый огненный клубъ, съ кулакъ величиною, шелъ прямо ко лбу г. профессора, который въ самое то время, не издавъ ни малаго голосу, упалъ назадъ на стоящій позади его у стѣны сундукъ. Въ самый же тотъ моментъ послѣдовалъ такой ударъ, будто бы изъ малой пушки выпалено было, отчего и оной грыдоровальной мастеръ упалъ на землю и почувствовалъ на спинѣ у себя нѣкоторые удары, о которыхъ послѣ усмотрѣно, что оныя произошли отъ изорванной проволоки, которая у него на кафтанѣ съ плечь до фалдъ оставила знатныя горѣлыя полосы. Какъ оной грыдоровальной мастеръ опять всталъ и за оглушеніемъ оперся на шкафъ, то не могъ онъ отъ дыму видѣть лица г. профессора и думалъ, что онъ только упалъ, какъ и онъ; а понеже, видя дымъ, подумалъ онъ, что молнія не зажгла-ли дому, то выбѣжалъ, будучи еще въ безпамятствѣ, на улицу и объявилъ о томъ стоящему не далеко оттуда пикету»...

«За чудо надо почитать, что самъ тогда живъ остался», — подумалъ Ломоносовъ. Онъ въ тотъ день произ-

водилъ точно такой же опытъ, изучая цвѣтъ искръ — изъ за этого у него съ Рихманомъ былъ споръ. Оба, замѣтивъ въ первомъ часу дня, что отъ норда поднялась громовая туча, бросились по домамъ, каждый къ своему аппарату. И только онъ отошелъ отъ своего прута — жена закричала, что простынуть ши, — какъ прибѣжалъ, запыхавшись, человѣкъ Рихмана и объявилъ, что профессора зашибло громомъ. «Можетъ, сегодня мой чередъ. Лучше смерти и быть не можетъ»...

Всталъ и подошелъ къ своему прибору, соединилъ цѣпь, приготовилъ электрическій указатель, фосфорическій барометръ, маленькій сосудъ съ нефтью, поставленный для пробы: не загорится ли? Не хватало только грозы. Снова подошелъ къ окну, взглянулъ на небо. — «Охъ, кажется, проносить!» — подумалъ онъ съ досадою и съ невольнымъ облегченіемъ.

IX.

Шагахъ въ десяти отъ окна кто-то радостно зама-халь шляпой, закиваль головой. Это былъ товарищъ по академіи Штелинь, ординарный профессоръ элоквен-ціи и царскій библіотекаріусъ.

— Здравствуйте, Яковъ Яковлевичъ, — угрюмо сказалъ профессоръ Ломоносовъ. — Ко мнѣ? Просимъ милости.

Приготовилъ привѣтливую улыбку, пока гость проходилъ черезъ сѣни. Впрочемъ, въ визитѣ профессора Штелина ничего непріятнаго не было, — развѣ только, что отрывалъ отъ работы. Этотъ любезный, благодуш-ный, всегда веселый челоѡкъ былъ изъ нѣмцевъ наи-лучшій: никогда ни подъ кого не подкапывался, отъ ин-тригъ держался въ сторонѣ, русскихъ не задѣвалъ и не презиралъ. Нѣмцы академіи даже сердились на него за то, что онъ поддерживаеь дружескія отношенія съ русской партіей и съ ея главой: ворчали, что онъ старает-ся дружить со всѣми, такъ какъ будущее никому не-извѣстно.

Это было невѣрно. Профессоръ Штелинь, какъ всѣ, отстаивалъ свои интересы, но ни къ кому особенно не подлаживался. Отличаясь по природѣ чрезвычайной благожелательностью, онъ былъ вполне убѣжденъ, что подъ солнцемъ есть достаточно мѣста для всѣхъ, и что ужъ для него-то, во всякомъ случаѣ, мѣсто подъ солн-цемъ найдется, и даже очень хорошее мѣсто. Такъ оно въ самомъ дѣлѣ и было.

Онъ не выносилъ не только ссоръ, но даже простыхъ споровъ: всегда чувствовалъ непреодолимую потреб-ность согласиться съ собесѣдникомъ, съ кѣмъ бы ни разговаривалъ, — пока разговаривалъ. Случалось, что

на слѣдующій день профессоръ Штелинъ соглашался съ человѣкомъ, высказывавшимъ мнѣніе противоположное. Но этого онъ не замѣчалъ, не придавая большого значенія ни своимъ, ни чужимъ словамъ. А если бы кто обратилъ его вниманіе на противорѣчіе, то и съ этимъ онъ тотчасъ вполне охотно согласился бы: да, разумѣется, противорѣчіе, — и первый посмѣялся бы весьма благодушно. Профессоръ Штелинъ былъ счастливый человѣкъ. Всѣ его считали своимъ и всѣ любили за незлобивость, за рѣдкую услужливость, и за то, что всѣмъ онъ внушалъ бодрое настроеніе: никакихъ бѣдъ на свѣтѣ не существуетъ, это все выдумки, впрочемъ, выдумки милыхъ людей.

— Пришелъ провѣдать болящаго, а нахожу здороваго Михайлу Васильевича, и слава Богу! Зачѣмъ хворать? — сказалъ весело профессоръ Штелинъ, входя въ кабинетъ, по своему обыкновенію чуть горбясь и потирая руки. Онъ радостно поздоровался и подробно спросилъ Михайлу Васильевича о здоровьѣ: всегда твердо помнилъ, кто чѣмъ боленъ или на что жалуется. Сказалъ, что боль въ ногѣ это пустое; вотъ ежели бы болѣло сердце, тогда было бы другое дѣло. Ломоносовъ, больше для того, чтобы смутить гостя, вставилъ, что болитъ и сердце. Но профессоръ Штелинъ не смутился и призналъ это также совершенно неопаснымъ: хорошо бы прикладывать компрессы loco dolenti. Справился о здоровьи Елисаветы Андреевны и выразилъ полное удовлетвореніе по случаю того, что она чувствуетъ себя не худо. Отъ чаю гость отказался, кофей назвалъ вреднымъ напиткомъ модниковъ, — *more majorum* согласился испить стаканчикъ пивца: собственно, пить съ утра пиво ему не хотѣлось; однако, очень давно живя въ Россіи, онъ зналъ, что русскіе люди не могутъ не угощать, въ какой бы часъ дня къ нимъ ни явиться: кромѣ того, думалъ, что самому Михайлѣ Васильевичу будетъ пріятно воспользоваться предложомъ и выпить: какъ всѣ нѣмцы, считалъ Ломоносова пьяницей. Пусть же лучше пьетъ пивцо, чѣмъ водку,

Они выпили пива и поговорили. Профессоръ Штелинь рассказывалъ новости, которыхъ у него всегда было много. Сообщилъ, нѣсколько понизивъ голосъ, что отношенія между его величествомъ и ея величествомъ къ несчастью, становятся все хуже: ежели дѣло такъ пойдетъ дальше, то можно ждаты для ея величества самыхъ дурныхъ послѣдствій. При этомъ вопросительно смотрѣлъ на Михайлу Васильевича. Ломоносовъ, однако, своего мнѣнія не высказалъ. Затѣмъ профессоръ Штелинь сказалъ, что у императора сейчасъ находится въ большій милости вернуршійся недавно изъ Сибири графъ Буркгардтъ фонъ-Минихъ. — *Fortuna vitrea est!* Все составляетъ прожекты и, по слухамъ, весьма дѣльные. Императоръ пытался примирить его съ герцогомъ Бирономъ, тоже теперь возвращеннымъ : пригласилъ ихъ обоихъ во дворець, велѣлъ подать вина и вышелъ, какъ бы невзначай, въ сосѣдную комнату, чтобы оставить ихъ наединѣ, дать имъ возможность объясниться и закончить давнюю вражду. Однако, когда его величество вернулся, то нашелъ комнату пустой, а вино въ бскалахъ нетронутымъ.

— Каковы старцы! Особенно графъ Минихъ, ему за восемьдесятъ, а онъ здоровѣе насъ съ вами, — сказалъ смѣясь, профессоръ Штелинь и тотчасъ согласился съ Ломоносовымъ въ томъ, что графъ Минихъ былъ человекъ весьма замѣчательный. — Великій мужъ,! — рѣшительно заявилъ онъ. О Биронѣ хозяинъ отозвался, напротивъ, отборно-бранными словами; гость поддакнулъ, но очень бѣгло: не любилъ ни этихъ словъ, ни такихъ отзывовъ.

— *Non decet*, Михайла Васильевичъ, *non decet*, — слабо смѣясь, сказалъ онъ и, чтобы перевести разговоръ, рассказалъ анекдотъ о Петрѣ Великомъ; профессоръ Штелинь собиралъ эти анекдоты и надѣялся найти для нихъ издателя на выгодныхъ условіяхъ. Затѣмъ сообщилъ академическія новости, посмѣялся безъ злобы надъ врагами Михайлы Васильевича и сказалъ, что, пока Михайла Васильевичъ къ дѣламъ не вернетъ-

ся, порядка въ академіи не будетъ. Хотя Ломоносовъ зналъ цѣну любезностямъ гостя, слова эти были ему пріятны, а новости интересны, — самъ дивился: какая чепуха занимаетъ, когда слѣдовало бы думать о предметахъ важныхъ.

Затѣмъ профессоръ Штелинъ перешелъ къ погодѣ: «Воздухъ-то какъ охолодѣлъ, Михайла Васильевичъ!» — и все не объяснялъ, для чего пришелъ. Хозяинъ предполагалъ, что у него есть дѣло; впрочемъ, при любезности Штелина, могъ зайти и *такъ*, именно чтобы провѣдать болящаго. На вопросъ, какъ съ производствомъ въ статскіе совѣтники, профессоръ Штелинъ отвѣтилъ нѣсколько уклончиво: не любилъ особенно распространяться о своихъ успѣхахъ, зная, что, по человѣческой слабости, это можетъ быть другимъ не совсемъ пріятно: вотъ и Михайлѣ Васильевичу, конечно, хотѣлось бы получить повышеніе въ чинѣ; съ другой же стороны, думалъ, что до производства лучше людямъ ничего не говорить, — вдругъ испортятъ дѣло, тоже по человѣческой слабости: если сообщить, можетъ быть вредъ; а если не сообщать, то никакъ вреда быть не можетъ.

Онъ всталъ, потирая руки, подошелъ къ рабочему столу и сталъ спрашивать о приборахъ: отчасти опять, чтобы перевести разговоръ, отчасти изъ искренней любознательности: былъ и самъ человекъ очень образованный. Имѣлъ ученія работы о состояніи турецкаго двора, о бардахъ или первыхъ поэтахъ древнихъ германцевъ, о свадебныхъ обрядахъ у древнихъ жидовъ, грековъ, римлянъ и другихъ народовъ, о размноженіи рыбы крошицы, обыкновенно здѣсь ферель называемой, такожде и лососей, — эта еще не была закончена. Былъ также хорошій версмахеръ и метеръ десъ инскрипціонсъ. Профессоръ Штелинъ слушалъ объясненія съ удовольствіемъ, — вотъ какъ хорошо работаетъ Михайла Васильевичъ, — и говорилъ комплименты.

— Люблю, когда люди имѣютъ интересъ къ разнымъ музамъ. *Rauci quos aequus amavit Jupiter*, — ска-

заль онъ. — Но вы, Михайла Васильевичъ, наряду съ упражненіями въ физикѣ, занимаетесь и высокой литературой, и элоквенціей и грамматикой, списываете древность россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ государей!

— Настоящее мое упражненіе: физика, химія, металлургія и прочее къ нимъ относящееся, — сказаль угрюмо Ломоносовъ, впрочемъ, и тутъ не оставшійся нечувствительнымъ къ похваламъ. — А другое это забава. Человѣкъ желаетъ успокоенія отъ трудовъ, иной ищетъ себѣ провозженія времени картами, шашками, бильяромъ и другими забавами. Отчего я уже давно отказался затѣмъ, что нашель въ нихъ одну скуку. А до смерти надо мнѣ закончить мои химическіе труды, въ которыхъ я столь много лѣтъ упражняюсь. Безплодно потерять ихъ мнѣ будетъ несносное мученіе.

— Сіе будетъ мученіе для всей Россіи, въ тотъ день всѣ музы одѣлись бы въ трауръ! — подхватилъ профессоръ Штелинъ.

Сами того не замѣчая, они, обратившись къ предметамъ возвышеннымъ, стали выражаться литературнымъ языкомъ, какъ и училъ Михайла Васильевичъ; до того говорили больше штилемъ среднимъ, — не надутымъ и не подлымъ. Впрочемъ, хозяинъ иногда впадалъ и въ штиль самый подлый: произносилъ раздраженно такія слова, что профессоръ Штелинъ только махаль руками, слабо смѣялся и повторялъ:

— Non decet, Михайла Васильевичъ, non decet.

Посидѣвъ съ полчаса, онъ, наконецъ, перешель къ своему дѣлу. Ему поручено было руководить празднествами по случаю предстоящаго коронованія. Профессоръ Штелинъ очень желалъ привлечь къ этому и Ломоносова, съ которымъ, случалось, работаль въ такихъ дѣлахъ и прежде, хотъ не всегда вполнѣ гладко.

— Вамъ памятно, Михайла Васильевичъ, — сказаль онъ, — что я вѣдалъ и коронаціей покойной государыни. Завель тогда оперу «Милосердіе Титово», самъ написаль къ ней прологъ, самъ играль при лютнѣ на

флейтъ траверсе, самъ учинилъ планъ къ фейерверку иллюминаціи, самъ писалъ артикулы въ Вѣдомости...

— Такъ зачѣмъ же вамъ я? — сердито перебилъ его Ломоносовъ, выразившись болѣе крѣпкими словами. Профессоръ Штелинъ слабо засмѣялся, но не сказалъ «non deset», такъ какъ не надо часто повторять одно и то же. Грубость собесѣдника была ему тягостна. Онъ нѣсколько холоднѣе обычнаго объяснилъ, что химическую матерію знаетъ недостаточно, что вспоможеніе Михайлы Васильевича можетъ быть очень полезно, и что за это вспоможеніе заплатятъ хорошія деньги.

— Хорошія деньги, гельдъ, аржанъ, хрѣма, — пробормоталъ профессоръ Ломоносовъ. Деньги послѣ болѣзни были ему очень нужны. Они — въ среднемъ штиль — сговорились объ условіяхъ и перешли къ обсужденію проекта. Штелинъ стоялъ на томъ, чтобы особенно себѣ головы не ломать, а взять, что можно, изъ старыхъ протектовъ, кое-что обновивъ, измѣнивъ и передѣлавъ сообразно съ обстоятельствами. — «Идея всегда одна: бывшая въ печали Россія нынѣ паки обрадована», — пояснилъ онъ и вкратцѣ — высокимъ штилемъ — изложилъ свой планъ. Не изобразить-ли на иллюминаціонномъ театрѣ башню съ бойницами и пушками, и чтобы изъ-за башни выходилъ корабль, при дующихъ въ парусы зефирахъ, при увеселительныхъ звучащихъ огняхъ, при пушечной пальбѣ, при трубящихъ тритонахъ, при играни на трумпахъ? И еще можно было бы тутъ представить Добродѣтель, въ видѣ крылатаго дитяти съ лавровыми вѣнцами, или Надежду на подобіе женщины съ надписью: «Не подвигнусь».

Ломоносовъ слушалъ внимательно, задача тотчасъ его заинтересовала. Но планъ Штелина ему не очень нравился. Сказалъ, что душа не лежитъ къ трумпахъ и къ пушечной пальбѣ: войнѣ было довольно при покойной государынѣ, не лучше-ли намѣтитъ духъ новаго царствованія фигурами не воинскими, а мирными? Россіи болѣе всего нужны миръ и работа. Изобразить бы великій русскій Колоссъ, и по правую сторону чтобъ

быль храмъ Мира, а по лѣвую храмъ Изобилія съ принадлежащими тому украшеніями, а надъ ними восходящее солнце.

— Можно, пожалуй, сочинить и такъ, — согласился профессоръ Штелинъ: зналъ, что императоръ не станетъ особенно вникать въ символическое значеніе иллюминаціоннаго театра, лишь бы было красиво. — Тогда, Михайла Васильевичъ, необходимо, чтобы Солнце было съ далече простирающимися лучами, и чтобы на каждой сторонѣ стояло по пять вазовъ на пристойныхъ скамьяхъ, убранныхъ фестонами, а надъ Колоссомъ великій двоеглавый орелъ, устремляющій свой полетъ къ правой сторонѣ и обращающій вторую главу на лѣвую сторону. И надъ всѣмъ театромъ бустъ Его величества Императора Петра III, съ царскими вензелями.

Минуть черезъ десять спорные вопросы были разрѣшены. Профессоръ Ломоносовъ согласился взять на себя всю химическую матерію. Но на нерѣшительный вопросъ профессора Штелина, не согласится-ли Михайла Васильевичъ, съ присущимъ ему великимъ талантомъ, перевести на русскій языкъ стихи, которые онъ, всенижайшій, по-нѣмецки напишетъ къ коронаванію, хозяинъ сухо отвѣтилъ, что подумаетъ: не любилъ переводить чужіе стихи, а въ особенности стихи профессора Штелина.

Гость не настаивалъ, вполне удовлетворенный и тѣмъ, чего удалось добиться. Посидѣлъ еще минутъ десять, рассказалъ второй анекдотъ о Петрѣ и простился, пожелавъ скорѣйшаго, самаго полнаго исцѣленія, засвидѣтельствовавъ особое уваженіе Елисаветѣ Андреевнѣ. Профессоръ Ломоносовъ проводилъ его до крыльца, сожалея о вырвавшейся рѣзкости. Зналъ, что профессоръ Штелинъ человекъ достойный, и цѣнилъ вниманіе товарища: зашелъ провѣдать, говорилъ любезныя слова и предложилъ заработокъ, — ту же работу могъ вѣдь выполнить и нѣмецъ.

Х.

Профессоръ Штелинъ возвращался домой въ прекрасномъ настроеніи. Онъ былъ очень доволенъ соглашеніемъ. Ломоносовъ взялъ за работу недорого. Въ достоинствѣ его работы сомнѣваться было невозможно, — лишь бы только Михайла Васильевичъ не заболѣлъ. Штелину показалось, что видъ у его товарища былъ въ этотъ день очень плохой. «Вѣрно, худо спалъ?»

Совершенно независимо отъ его воли, мысль профессора Штелина ненадолго остановилась на томъ, что произойдетъ, ежели Михайла Васильевичъ скончается. Онъ менѣе всего желалъ смерти столь замѣчательному чѣловѣку, котораго искренно любилъ и уважалъ. Но дѣло не въ любви и уваженіи: надо смотрѣть правдѣ въ глаза. Профессоръ Штелинъ не могъ не знать, что, если Михайлы Васильевича не станетъ, — чего избави Богъ! — то произойдутъ большія перемѣны въ руководствѣ академіей, въ отношеніяхъ партій, откроются разныя вакансіи, появятся кандидаты на должности. Зная же это, профессоръ Штелинъ не могъ не подумать и о себѣ: кое-что имѣлъ въ виду. Однако, предпринимать какія-либо предварительныя дѣйствія было бы весьма безтактно. Онъ тотчасъ отогналъ отъ себя предосудительныя мысли. Чѣловѣкъ слабъ, предосудительныя мысли могутъ забрести всякому, надо только тотчасъ ихъ гнать.

Дома ему хотѣлось поболтать съ семьей, но это не годилось: утромъ всѣ должны работать. У него, дѣйствительно, всѣ въ домѣ работали: жена, дѣти, прислуга. Онъ прошелъ въ свой кабинетъ, убранный очень хорошо. Профессоръ Штелинъ зналъ толкъ во всѣхъ искусствахъ. На стѣнахъ его кабинета висѣли прекрасныя

картины, преимущественно венеціанской школы, а также гравюры прошлаго вѣка: Гольціусы, Блемерты, Ворстерманы. За портьерой была большая ниша съ окномъ, и въ ней на стѣнахъ висѣли картины болѣе легкомысленныя. Ротари подарилъ ему эскизъ къ «Спящей дѣвицѣ, которую будить юноша, щекоча ей ноздри колосомъ пшеницы». А противъ нея въ нишѣ находилась Либериѣва беременная Каллисто, изъ той серіи, что въ музеяхъ не показывается. Кромѣ достоинствъ живописи, профессору Штелину было пріятно то, что и Ротари, и Либертино были графами. Это придавало нѣсколько иной оттѣнокъ легкомысленному содержанію картинъ; показывая нѣмецкимъ гостямъ нишу, онъ всегда внушительно пояснялъ: «работы графа Ротари», «работы графа Либери»... Людей же особенно пріятныхъ и не слишкомъ суроваго нрава профессоръ Штелинъ иногда угощалъ собраніемъ китайскихъ картинокъ, которое держалъ подъ замкомъ. Впрочемъ, легкомысленныя матеріи большого мѣста въ его жизни не занимали: онъ не былъ развратникомъ ни на дѣлѣ, ни въ мысляхъ; китайскія картинки держалъ больше ради забавы, — пріятно развлечь друзей. Для собственнаго же удовольствія собиралъ, кромѣ гравюръ, коллекцію денегъ разныхъ странъ.

Онъ сѣлъ за столъ и сталъ уточнять смѣту коронаціонныхъ торжествъ; зналъ цѣну и своимъ, и чужимъ деньгамъ. Работавшіе съ нимъ люди съ усмѣшкой говорили, что онъ бережетъ казенныя деньги на все, кромѣ собственнаго жалованья, — но говорили они это благодушно: профессоръ Штелинъ ни въ комъ злобы не вызывалъ. Поработавъ съ часъ надъ смѣтой, онъ нашелъ расходъ, который можно было сократить, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать рублей, а то и на всѣ двадцать. Это доставило ему чрезвычайное удовольствіе.

Отъ казенныхъ дѣлъ перешелъ къ собственнымъ. Они были теперь въ довольно хорошемъ состояніи. Работа по торжествамъ оплачивалась щедро; онъ раз-

считывалъ перевести крупную сумму въ Гамбургскій банкъ. Считалъ это помѣщеніе денегъ болѣе выгоднымъ и, главное, болѣе надежнымъ, по сравненію съ землей или домомъ въ Россіи. Профессоръ Штелинъ пріѣхалъ въ Россію еще при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, видѣлъ въ Петербургѣ много переменъ, переворотовъ, возвышеній, опалъ, обогащеній, конфискацій и не слишкомъ вѣрилъ въ устойчивость всего русскаго: страна огромная, богатѣйшая, прекраснѣйшая, но деньги держать въ Гамбургѣ вѣрнѣе. *Latet anguis in herba...*

Затѣмъ профессоръ Штелинъ отыскалъ свои старые версы, написанные еще ко дню восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Тогда художественная мысль была у него счастливѣйшая: изобразить Россію въ видѣ крѣпости, которую взяла приступомъ дочь Петра. Версы были отпечатаны на золотообрѣзной дорогой бумагѣ:

Къ нашему давно желанному благополучію,
Къ удовольствію твоего отечества,
Мудрой твоей храбростью взята удержанная крѣпость.
Въ воспоминаніе сего дѣла, въ честь сея ночи,
Мы по должности нашей и вѣрности,
Сію иллюминацію соорудили.

Остался не очень доволенъ: тогда еще не умѣлъ совсѣмъ хорошо писать русскіе версы. Но, главное, теперь было трудно использовать написанное къ тому случаю, хотя бы и съ передѣлкой. Образъ взятой крѣпости не годился: царь Петръ III взошелъ на престолъ законно, безъ переворота, безъ сея ночи. Профессоръ Штелинъ вдругъ вспомнилъ о распрѣ между государемъ и государыней Екатериной Алексѣевной: какъ бы все это не кончилось худо! Зачѣмъ ссорятся такія персоны? Мысль эта возбудила у него столь непріятно-тревожное чувство, что онъ, вопреки обыкновенію, отложилъ работу. «Надо переменить Калліопу на Евтерпу, *maeste animo generose puer!*» — сказалъ онъ себѣ

полушутливо: иногда и съ собой разговаривалъ такъ, какъ съ другими, и оставался доволенъ собесѣдникомъ. Онъ взялъ флейту и сталъ наигрывать мадригалъ изъ отличнаго зингшпиля, который слышалъ еще студентомъ въ Лейпцигѣ.

ХІ.

«...Какъ жена г. профессора, услышавши такой сильной ударъ, туда прибѣжала, то увидала она, что стѣни дымомъ, какъ отъ пороху, наполнены. Соколова тутъ уже не было, и какъ она оборотилась, то примѣтила, что г. профессоръ безъ всякаго дыханія лежитъ навзничъ на сундукъ у стѣны. Тотчасъ стали еге тереть, чтобъ отвѣдать, не оживетъ-ли, а между тѣмъ, послали по г. профессора Краценштейна и по лекаря, которые черезъ десять минутъ послѣ удару туда пришли и изъ руки кровь ему пустили; однако, крови вышла только одна капелька, хотя жила, какъ то уже было послѣ усмотрѣно, и дѣйствительно отворена была. Біенія же жилъ и на самой груди примѣтити не возможно было. Г. Краценштейнъ нѣсколько разъ, какъ то обыкновенно дѣлають съ задушившимися людьми, зажалъ г. Рихману ноздри, дулъ ему въ грудь, но все напрасно»...

Профессоръ Ломоносовъ подумалъ, что о немъ, вѣрно, сказали бы: «хотѣлъ, по своей гордынѣ, спасти отъ грома людей, а себя самого не спасъ». Но грозы не было, слѣдовательно, объ этомъ опытѣ разсуждать не приходилось. Разстаться съ мыслью о немъ было все же нелегко. «Да, добрая была бы смерть и легкая. А далѣе что?» Въ загробную жизнь онъ вѣрилъ плохо. «Матерія измѣнится»... Объ этомъ у него тоже были давнія мысли, не умозрительныя, а опытыя, совершенно чуждыя и неизвѣстныя другимъ ученымъ. «И это тоже остается незаконченнымъ... Сейчасъ же, сейчасъ довести до конца!» Торопливо, почти съ отчаяніемъ, онъ разыскалъ тѣ свои разсужденія и сталъ читать:

«Всѣ перемѣны, въ натурѣ случающіяся, такого суть состоянія, что сколько чего у одного тѣла отни-

маотся, столько присовокупится къ другому. Такъ, ежели гдѣ убудеть нѣсколько матеріи, то умножится въ другомъ мѣстѣ... Сей всеобщій естественный законъ простирается и въ самыя правила движенія; ибо тѣло, движущее своей силой другое, столько же оное у себя теряетъ, сколько сообщаетъ другому, которое отъ него движеніе получаетъ»...

«Между разными химическими опытами, которымъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заплавлен-ныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Боила (*)

---

3) Т. е. Бойля.— Въ научныхъ работахъ Ломоносова на каждомъ шагу встрѣчаются догадки и идеи поистинѣ геніальныя. Онъ опередилъ и русскихъ, и иностранныхъ современниковъ лѣтъ на пятьдесятъ или даже на сто. Теперь достаточно извѣстно, что онъ былъ предшественникомъ Лавуазье. Но къ этому надо добавить и то, что онъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, былъ продолжателемъ дѣла Декарта въ Европѣ и ужъ во всякомъ случаѣ первымъ картезіанцемъ Россіи. Напомню, что самъ онъ писалъ въ 1746 году: «Славный и первый изъ новыхъ философовъ Картезій осмѣлился Аристотелеву философію опровергнуть и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы кромѣ другихъ его заслугъ особливо за то благодарны, что онъ тѣмъ учоныхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ къ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію и къ вящему наукъ приращенію... Въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ учоные люди, а особенно испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаютъ на достовѣрномъ искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки физика нынѣ уже только на одномъ ономъ свое основаніе имѣеть. Мысленныя разсужденія произведены бывають изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ...» Авторъ.

миѣніе ложно, ибо безъ пропусканія внѣшняго воздуха вѣсь сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ»...

Мысль о томъ, что никто въ мірѣ не знаетъ и не догадывается о столь важномъ разсужденіи, наполняла его гордостью и счастьемъ. Но не всѣ выводы отсюда были ясны: смутно чувствовалъ, что не ясны самые главные выводы, особенно важные для него именно теперь. «Ну, хорошо, молнія убиваетъ профессора Михайлу Ломоносова, куда же дѣвается все то, что на своемъ вѣку думалъ и передумалъ Михайла Ломоносовъ? Міровая матерія перейдетъ въ землю, и столько же присовокупится къ матеріи земли. Но вѣдь столько же присовокупилось бы отъ такого жъ количества матеріи бараньяго или бычьяго мозгу? Нѣтъ ли тутъ полнаго трудностью вопроса, по которому и я вѣдаю не болѣе, чѣмъ старушенка изъ богадѣльнаго дома?»

XII.

Слухи о томъ, будто графъ Минихъ находится въ большой милости у царя, были очень преувеличены.

Минихъ выѣхалъ изъ Пелыма черезъ недѣлю послѣ полученія извѣстія о помилованіи. Уѣхалъ бы даже раньше, если бъ не были въ отъѣздѣ слуги, посланные до того на ярмарку для закупки провизіи на годъ. Какъ на бѣду, въ Пелымѣ необычно рано началась оттепель, санная дорога испортилась, всѣ совѣтовали подождать воднаго пути, но онъ объ этомъ не хотѣлъ слышать. Въ день отъѣзда одинъ погулялъ по окружавшему Пелымъ густому лѣсу, обошелъ городокъ, свой домъ и садъ. Его провожало все немногочисленное населеніе; кое-кто и плакалъ.

Дорога была тяжелая, но фельдмаршалъ все торопилъ ямщиковъ. Его нетерпѣніе росло по мѣрѣ приближенія къ *Россіи*. Вначалѣ они скакали днемъ и ночью. За Яйкомъ стали изрѣдка останавливаться. Въ *гербергахъ* Минихъ по ночамъ часто просыпался въ ужасѣ: не умереть бы, не доѣхавъ до Санктъ-Петербурга!... Путешествовалъ онъ быстро, но молва о немъ неслась еще быстрѣе. Ему готовили встрѣчу въ Екатеринбургѣ, въ Казани, въ Нижнемъ, — онъ не остановился ни въ одномъ изъ этихъ городовъ. Въ Москвѣ пришлось остановиться. Жившая тамъ графиня Апраксина, вдова фельдмаршала, который когда-то служилъ подъ его начальствомъ, потребовала, чтобы Минихъ у нея отдохнулъ, илюминовала по этому случаю домъ и хотѣла позвать на знаменитаго гостя всю Москву. Онъ едва убѣдилъ ее отъ этого отказаться. Понималъ, что все это дѣлается не столько въ его честь, сколько противъ

памяти императрицы Елисаветы Петровны: фельдмаршалъ Апраксинъ былъ въ послѣдніе три года жизни подъ судомъ, умеръ апоплектическимъ ударомъ на засѣданіи слѣдственной комиссіи и тоже почитался неповинной жертвой произвола императрицы. Минихъ очень не любилъ Елисавету Петровну, но въ выпадахъ противъ умершей участвовать не хотѣлъ. Оставался онъ въ Москвѣ очень недолго и странно себя чувствовалъ оказавшись, послѣ двадцати пелымскихъ лѣтъ, въ богатомъ роскошномъ домѣ Апраксиныхъ.

Поѣздка его изъ старой столицы въ новую была, какъ всѣ говорили, шествіемъ триумфатора. На большія станціи выѣзжали встрѣчать Миниха старые офицеры его армій, служившія когда-то при немъ гражданскія лица, и просто любопытные помѣщики, которымъ хотѣлось людей посмотрѣть, себя показать, узнать новости, поздороваться со знаменитостью и выпить шипучаго «въ честь воскресшаго изъ мертвыхъ», — такъ, точно сговорившись, называли Миниха всѣ.

Недалеко отъ Санктъ-Петербурга фельдмаршала встрѣтилъ его сынъ со своей дочерью, которой Минихъ никогда не видѣлъ. Ей не было двадцати лѣтъ, она была красавица, недавно вышла замужъ; ея мужъ тоже выѣхалъ встрѣчать *дѣда*. Минихъ, какъ умѣлъ, проявлялъ нѣжность. Внучка, очень, по общему отзыву, походившая на него лицомъ, въ самомъ дѣлѣ его растрогала. Но разговаривать съ родными, послѣ первыхъ объятій, было нелегко; они видимо, не знали, о чемъ съ нимъ говорить, *занимали* его, и это было довольно тягостно. Впрочемъ, пути до столицы оставалось уже немного.

Вѣхали они въ Санктъ-Петербургъ рано утромъ, улицы еще были довольно пусты. Фельдмаршалъ жадно во все всматривался, узнавалъ многое, но не все, и сердце у него стучало, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ при встрѣчѣ съ родными.

Прибывшій тотчасъ къ нему генераль-адъютантъ почтительно его поздравилъ съ возвращеніемъ, передалъ ему царскій подарокъ, — почетную шпагу стран-

наго, не русскаго образца, — и сказалъ, что государь будетъ радъ его увидѣть, какъ только онъ немного отдохнетъ отъ труднаго пути.

Минихъ и самъ не думалъ, что его такъ взволнуетъ давно знакомая, давно забытая дворцовая обстановка, раззолоченныя залы, раззолоченные люди, — не рассчитывалъ снова увидѣть все это. Но самъ царь Петръ Федоровичъ его разочаровалъ съ перваго же взгляда: совершенно не походилъ на того Петра!... Видимо, императоръ также не зналъ, о чемъ съ нимъ говорить. Былъ ласковъ и привѣтливъ, но спросилъ, желаетъ ли графъ воспользоваться покоемъ, на который имѣетъ столь заслуженное право, или склоненъ былъ бы еще занять *какое-либо мѣсто*? Вопросъ этотъ непріятно поразилъ Миниха: покоя у него было достаточно и въ Пелымѣ. Онъ отвѣтилъ краткимъ словомъ; говорилъ нѣсколько болѣе пышно, чѣмъ обычно (кое-что мысленно подготовилъ заранѣе). Началъ съ похвалы дѣду царя Петру Великому; сказалъ затѣмъ, что русская земля необъятна, — никто вѣдь толкомъ и не знаетъ, какъ идутъ въ точности ея границы; что ея населенію нѣтъ числа, и никто его не счелъ, хоть давно надо бы счесть; что русскій народъ въ иныхъ отношеніяхъ, особенно же по своей выносливости, наипервѣйшій въ мірѣ; что работѣ на россійской землѣ нѣтъ и не будетъ конца; что онъ, Минихъ, только и жаждетъ отдать этой работѣ остатокъ своихъ, когда-то немалыхъ, силъ и весь жаръ, котораго не остудили сибирскіе льды.

Царь Петръ Федоровичъ благосклонно улыбался, но, какъ показалось Миниху, не очень слушалъ и не безъ нетерпѣнія поглядывалъ по сторонамъ. Отвѣтилъ, что очень радъ и постарается найти столь замѣчательному человѣку достойную его работу; подарилъ домъ взамѣнъ конфискованнаго при ссылкѣ имущества, просилъ бывать во дворцѣ запросто и начать съ нынѣшняго же дня: вечеромъ большой куртагъ. Вообще былъ милостивъ, однако, по всему было видно, вызвалъ его въ Пелыма не для того, чтобы поручить ему должность

перваго министра. Графъ Минихъ былъ весьма разочарованъ.

Въ тотъ же день, въ точно указанное время, онъ появился во дворцѣ на пріемѣ. Царская чета еще не выходила. Залы были уже полны. Не успѣлъ онъ подняться до середины парадной лѣстницы, какъ по всѣмъ заламъ пронеслось извѣстіе, что во дворцѣ графъ Буркгардтъ Минихъ! Въ комнатахъ, въ которыхъ до выхода втихомолку шла игра съ негласнаго разрѣшенія императора, люди побросали карты. Залы, расположенныя вдали отъ лѣстницы, опустѣли. Толпа хлынула въ первую залу. Его окружили люди, въ громадномъ большинствѣ незнакомые. Новые сановники подходили и почтительно представлялись. Нѣсколько человекъ, оставшихся отъ *тѣхъ* временъ, горячо пожимали ему руки. Миниха засыпали лестью, приглашеніями, знаками вниманія. Онъ былъ со всѣми сдержанно любезенъ, говорилъ мало, вообще принялъ такой тонъ, точно никогда не покидалъ дворца, а со старыми знакомыми здоровался такъ, будто разстался съ ними вчера.

Ему не очень понравился духъ этой общей любезности: повидимому, къ нему относились какъ къ диковинкѣ, какъ къ рѣдкой игрѣ природы, почти какъ къ существу изъ кунсткамеры. Въ самомъ дѣлѣ, никто не могъ думать, что снова окажется въ столицѣ этотъ человекъ, заживо погребенный въ Пелымской могилѣ. Онъ былъ очень старъ, но для эффекта люди еще прибавляли ему возраста, удивлялись его несбыкновенной крѣпости, словно ему полагалось быть развалиной, и какъ будто восторгались тѣмъ, что онъ еще не вполне развалился. До него то и дѣло доносился изъ раззолоченной толпы шопоть: «Истинное диво!»... «Вѣдь въ какой находится старости!»... «Да вѣдь и жизнь какая была!»...

Вдругъ окружавшая его толпа разступилась, по ней пробѣжалъ легкій гулъ. Онъ оглянулся и шагахъ въ десяти отъ себя увидѣлъ — Бирона! Оба они тотчасъ

узнали другъ друга. На мгновенье оба застыли. Минихъ зналъ, что герцогъ въ Санктъ-Петербургѣ, но почему-то не подумалъ, что онъ можетъ быть на приѣмѣ во дворцѣ. Наступила совершенная тишина. Всѣ смотрѣли на нихъ, затаивъ дыханье. Они холодно раскланялись, какъ на станціи, тогда, двадцать лѣтъ тому назадъ, и тотчасъ отвернулись — «Нѣтъ, право, въ Пелымѣ было очень хорошо», — улыбаясь, сказалъ Минихъ одному изъ старыхъ вельможъ двора Анны Іоанновны. Биронъ тотчасъ оживленно заговорилъ по-нѣмецки съ другимъ старикомъ. Придворные, радостно взволнованные произошедшей на ихъ глазахъ исторической сценой, переглядывались съ многозначительными улыбками.

Кто-то чрезмѣрно громкимъ голосомъ пригласилъ всѣхъ перейти въ голубую залу: ея величество выходитъ изъ своихъ покоевъ. Минихъ неторопливо, не оглядываясь, пошелъ туда, куда звали. Къ его удивленію, въ голубую залу перешли только немногіе придворные. Удивило его и то, что государыня выходитъ одна, отдѣльно отъ царя. Да собственно и выхода никакого не было. Безъ всякаго церемоніала, безъ свиты, въ залу вошла невысокая миловидная дама въ траурномъ платьѣ. «Это что-жъ, трауръ по Елисаветѣ Петровнѣ? Почему же она одна въ траурѣ?» — съ недоумѣніемъ спросилъ себя Минихъ. Ему показалось, что немногочисленные придворные склонились въ поклонѣ не очень почтительно, совсѣмъ не такъ, какъ въ его время кланялись Аннѣ Іоанновнѣ. Нѣкоторые незамѣтно исчезли изъ голубого зала.

Императрица Екатерина Алексѣевна очень ему понравилась и по внѣшности, и по манерѣ. Неизвѣстный Миниху придворный, объявившій объ ея выходѣ, представилъ царицѣ фельдмаршала. Она удивленно на него взглянула: очевидно, не знала, что онъ въ столицѣ, и заговорила съ нимъ чрезвычайно любезно (говорила по-русски съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и неправильно). Упомянула о прошломъ графа, назвавъ его

побѣду при Ставучанахъ: помнила даже это трудное названіе, и это было ему пріятно. Онъ выразилъ удивленіе: битва при Ставучанахъ, вѣдь это теперь почти то же, что битва на Куликовомъ полѣ! Государыня ласково улыбнулась. Выяснилось, что она помнитъ и другіе его дѣла и планы (сказала: «ваши великія дѣла и помыслы»): взрывъ днѣпровскихъ пороговъ, выходъ въ Черное море, захватъ Стамбула. Знала даже, что онъ въ молодости участвовалъ въ кампаніи герцога Мальборо, и назвала годъ, хоть съ ошибкой, но близко къ истинѣ. Оба они посмѣялись, подсчитавъ, что это было больше шестидесяти лѣтъ тому назадъ. Минихъ сказалъ по этому случаю мадригалъ въ старинномъ, нѣсколько вольномъ вкусѣ. Но къ мадригалу императрица отнеслась холодно, — Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна приняли бы его лучше, а Елисавета Петровна была бы въ восторгѣ. Онъ говорилъ съ императрицей довольно долго и ласково-нѣжно, какъ съ умной хорошенькой дѣвочкой, хотя она собственно была уже не такъ юна. Повидимому, и ей было пріятно разговаривать съ нимъ: въ залѣ почти всѣ явно ея избѣгали. Какъ старый придворный человѣкъ, графъ Минихъ не могъ этого не замѣтить. Онъ слышалъ, что отношенія между императоромъ и императрицей не очень хороши, но не думалъ, что императрица въ такой опалѣ.

Вскорѣ послѣ перваго куртага Минихъ былъ назначенъ на разныя должности, довольно значительныя и почетныя, но совершенно его не удовлетворявшія. Ему поручено было вѣдать каналами, и по одной этой службѣ дѣла было столько, что хватило бы людямъ гораздо его моложе. Онъ взялся за работу очень горячо, ѣздилъ по каналамъ, составлялъ новые проекты, писалъ и представлялъ *промеморіи*. Отъ его трудовъ была несомнѣнная польза, однако, радости было не такъ много. Работа на каналахъ кое-какъ шла и безъ него (хоть при немъ пошла успѣшнѣе и быстрѣе), и у всѣхъ своихъ подчиненныхъ онъ чувствовалъ скрытую мысль,

что за мѣсяць или за годъ ничего сдѣлать нельзя, а за десять лѣтъ или за пятьдесятъ все сдѣлается само собой, — незачѣмъ, стало быть, проявлять особенное рвеніе.

Это было то самое, съ чѣмъ онъ, какъ и Петръ Великій, боролся въ Россіи всю жизнь. Но теперь бороться съ этимъ было особенно трудно, такъ какъ Петръ давнымъ давно умеръ, а самъ онъ полной власти не имѣлъ: все надо было представлять въ комиссіи, затѣмъ на апробацію. Между тѣмъ на верхахъ то же чувство — торопиться некуда и незачѣмъ, поспѣвшишь людей насмѣшишь — сказывалось еще сильнѣе, чѣмъ внизу. Его новые проекты требовали вдобавокъ большихъ денегъ, которыхъ ему давать не хотѣли и не могли: казна, послѣ долгой войны съ Пруссіей, была пуста. Вліятельные люди, которыхъ онъ утомлялъ и раздражалъ своей энергіей, ворчали, что сумасшедшій старикъ попрежнему воображаетъ себя первымъ министромъ Анны Леопольдовны и полнымъ хозяиномъ Россіи.

Изъ этихъ вліятельныхъ людей никто не внушалъ графу Миниху большого уваженія. Въ борьбѣ партіи и *клеотуръ* ему было трудно разобратъся: онъ все-таки жилъ мысленно въ до-пелымскомъ мірѣ. Послѣ первыхъ бесѣдъ съ царемъ Минихъ съ ясностью убѣдился, что отъ Петра Федоровича ждать нечего. Онъ не былъ ни золъ, ни жестокъ, — былъ гораздо добрѣе Петра Великаго, да, быть можетъ, и царствовавшихъ за Петромъ женщинъ. Но Россіей онъ совершенно не интересовался, будучи воспитанъ въ надеждѣ на занятіе шведскаго престола, не считалъ себя русскимъ, изъ двухъ своихъ знаменитыхъ дѣдовъ предпочиталъ не Петра, а Карла XII, по натурѣ своей серьезныхъ дѣлъ не любилъ и заниматься ими не хотѣлъ.

Не получивъ должности перваго министра, Минихъ удовлетворился бы постомъ главнокомандующаго арміей, особенно въ случаѣ настоящей, серьезной войны: ему хотѣлось помѣряться съ прусскимъ королемъ, военные таланты котораго гремѣли по всему міру.

Но съ Пруссіей война кончилась тотчасъ по вступленіи на престоль благоговѣвшаго передъ Фридрихомъ царя. Вмѣсто этого намѣчалась война съ Даніей. Съ ней Петръ III враждоваль изъ за шлезвигскихъ владѣній, какъ голштинскій принцъ. Онъ самъ объ этомъ сообщилъ графу Миниху. Фельдмаршалъ слушалъ, вытаращивъ глаза: не считаетъ же царь все-таки Россію придаткомъ къ голштинскому герцогству? Пытался объяснить, что въ отношеніи русскаго интереса такая война совершенно безсмысленна, что она не можетъ дать ни выгоды, ни славы. Царь слушалъ съ тѣмъ же веселымъ восхищеніемъ: нѣтъ, вѣдь девятый десятокъ, и еще не разсыпался!

Постоянно бывая при дворѣ, Минихъ съ изумленіемъ убѣждался, что во дворцѣ говорятъ объ императорѣ въ духѣ весьма вольномъ и непріязненнымъ. Люди, почти не понижая голоса, рассказывали, что Петръ Федоровичъ называетъ Россію проклятой страной, что онъ нисколько не чтитъ православной вѣры, что онъ въ придворной церкви принимаетъ иностранныхъ министровъ, громко съ ними разговариваетъ и смѣется во время богослуженія, что онъ носитъ на рукѣ кольцо, подаренное ему Фридрихомъ, цѣлуетъ публично бюстъ прусскаго короля, говоритъ: «воля короля Фридриха для меня Божья воля», что онъ намѣренъ перевести Россію въ люторство и собирается устроить во дворцѣ люторскую молельню.

Минихъ прекрасно понималъ, что далеко не все въ этихъ рассказахъ вѣрно. Зналъ, что такіе рассказы всегда пускаются врагами о царяхъ и правителяхъ; онъ самъ когда-то распускалъ, хотъ съ большимъ основаніемъ, такіе слухи о Биронѣ; да и о немъ самомъ то же или почти то же — разумѣется, безъ всякаго основанія, — говорили погубившіе его враги. Но беспокоило Миниха, что рассказы эти передавались почти открыто во дворцѣ, въ двухъ шагахъ отъ царя. Особенно недовольны были гвардейскіе офицеры — и спѣшнымъ, постыднымъ окончаніемъ войны, ничего не давшей,

несмотря на побѣды и на занятіе Берлина, и тѣмъ, что гвардію переодѣли въ некрасивые прусскіе мундиры, и тѣмъ, что царь приказалъ экзерцироваться, какъ у Фридриха, по утрамъ каждый день, какая бы ни была погода. Минихъ понялъ, что новое царствованіе начинается худо и, вѣроятно, не кончится добромъ. Онъ зналъ, по долгу своему опыту, особенно послѣ двадцати пелымскихъ лѣтъ, что нелюбовь народа сносить вполне возможно; народъ къ столичнымъ событіямъ довольно равнодушенъ, — хотъ десятилѣтіями ворчалъ: «какое житье за бабой?» Однако, съ придворными и особенно съ гвардіей шутить никакъ не приходилось.

Графъ Минихъ всегда думалъ, что власть, желающая держаться прочно, должна внушать, людямъ либо любовное уваженіе, либо сильнѣйшій страхъ; лучше всего, разумѣется, и то, и другое одновременно, — этого, впрочемъ, онъ никогда не наблюдалъ, ни во Франціи при Людовикѣ XIV, ни въ Россіи при Петрѣ I. Теперь въ Санктъ-Петербургѣ не было къ власти ни любви, ни уваженія, ни страха, и ему казалось, что переворотъ вполне возможенъ и даже весьма вѣроятенъ. Чутье говорило Миниху, что переворотъ этотъ всего легче произвести во имя русскаго національнаго духа, съ отказомъ отъ союза съ Пруссіей, отъ датской войны, съ замѣной голштинскихъ солдатъ русской гвардіей. Но онъ не видѣлъ, кто же и ради кого можетъ пойти на такое дѣло. Русское потомство Петра Великаго пресѣклось. Не Брауншвейгскій же домъ? Не эта же милая молодая царица, рожденная ангальтъ-цербстской принцессой, плохо говорящая по-русски, станетъ воплощеніемъ русскаго народнаго начала? И, разумѣется, какъ иностранецъ, совершенно не подходилъ для подобной перемѣны и онъ самъ.

Разумѣется ли? Иногда по ночамъ Минихъ думалъ (спалъ теперь гораздо хуже, чѣмъ въ Пелымѣ), что двадцать лѣтъ тому назадъ поставилъ свою ставку ошибочно: надо было войти въ соглашеніе съ Елисаветой Петровной, а онъ согласился съ Анной Леопольдовной,

— вдругъ ту же ошибку повторяетъ и теперь? Минихъ говорилъ себѣ, что не можетъ быть рѣчи объ измѣнѣ царю, вернувшему его изъ ссылки. Но самъ же отвѣчалъ, что въ подобныхъ случаяхъ объ измѣнѣ говорить не приходится: какъ быть, если Петръ Федоровичъ оказался такимъ человѣкомъ? Съ усмѣшкой вспоминалъ: его съ юныхъ лѣтъ въ чужихъ земляхъ считали кондотьеромъ. Вспоминалъ тоже съ усмѣшкой, что московскій іерархъ фамилію котораго онъ забылъ, когда-то называлъ его «птицей человѣкоядомъ» и «дьявольскимъ эмиссаріемъ». И самыя странныя мысли приходили въ безсонныя ночи графу Миниху.

Имущественное его положеніе было довольно неясное. Подаренный царемъ домъ былъ очень хорошъ, но жалованія на жизнь не хватало. Шелъ запутанный споръ съ новыми владѣльцами о конфискованныхъ когда-то имѣніяхъ, — особенно о Вартенбергскомъ владѣніи, — тутъ, послѣ разныхъ перемѣнъ и конфискацій, справедливѣйшій на землѣ человѣкъ едва ли могъ бы сказать, кому оно теперь должно принадлежать и по закону, и тѣмъ болѣе по правдѣ. Минихъ жилъ открытымъ домомъ, но гостей принималъ не каждый день, какъ богатые русскіе бары, а въ опредѣленные дни и съ разборомъ; кухня въ его домѣ была не тяжелая, чрезмѣрно-обильная, а тонкая, французская; къ обѣду были французскія вина или иностранный эльбиръ. Мужчинамъ подавали турецкій курительный табакъ, а дамамъ еще довольно рѣдкій *чекулать*. Гости чувствовали себя въ его домѣ какъ въ гостяхъ у большого европейскаго вельможи. И только жена графа Миниха блѣднѣла и вздрагивала всякій разъ, когда по вечерамъ раздавался стукъ въ дверь.

ХІІІ.

Курьера Михайлова на обратномъ пути изъ Пелыма ждала неприятность. Въ Москвѣ онъ неожиданно получилъ срочное назначеніе въ новую поѣздку, въ Кіевъ и въ Азовскую губернію. Эта поѣздка, въ отличіе отъ сибирской, нисколько не была тяжелой, но обычно курьерамъ по возвращеніи изъ дальнихъ краевъ давали нѣкоторое время на отдыхъ: двѣ недѣли, а то и цѣлый мѣсяцъ. Михайловъ ругался и жаловался, но уклониться отъ исполненія приказа было невозможно. Онъ поскакалъ на югъ и тамъ пробылъ долго. Жизнь въ Малороссіи была хорошая, женщины одна лучше другой, сады на заглядѣнье, и нигдѣ онъ не видалъ такого изобилія во всемъ и дешевизны: ѣлъ каждый день чуть не какъ господа; птица, окорока, сахаръ, чай, медъ, масло, сало, водка, все отдавалось почти даромъ; вотъ только пуншевой водки нигдѣ не держали.

Вернулся онъ въ Санктъ-Петербургъ лишь въ іюнѣ и по настоящему прослезился, увидѣвъ городъ, въ которомъ родился, свою Невскую перспективу со знакомыми домами и лавками, свою рѣку, — рѣка послѣ сибирскихъ показалась развѣ чуть менѣе широкой, но все-таки другой Невы нигдѣ на свѣтѣ не было. Теперь новый сказочный царскій дворецъ былъ уже всѣмъ готовъ.

Въ канцеляріи Михайлова шумно встрѣтили писари, подканцеляристы, рассыльщики. На радостный гоготъ вышелъ изъ своей комнаты самъ расходчикъ, маленькій, тщедушный, кривой старичокъ. Это былъ добрый человѣкъ, отечески относившійся къ подчиненнымъ. Однако подчиненные его недолюбовали: ужъ очень много старичокъ говорилъ, и всегда одно и то же,

и голосъ у него былъ непріятный, журчащій. Расходчикъ поздравилъ Михайлова съ возвращеніемъ и долго говорилъ о томъ, что въ дорогѣ, вѣрно, было очень хорошо, а теперь будетъ еще лучше: «Вотъ поѣздилъ, людей повидалъ, въ Сибири побывалъ, — развѣ не славно? А теперь будешь четыре недѣли отдыхать, и никто тебя никуда не пошлетъ: живи, гуляй, дѣлай что хочешь, — или не хорошо?»

Какъ только старичокъ заговорилъ, канцеляристы со скукой разошлись по мѣстамъ. Михайловъ слушалъ покорно, зная, что расходчикъ можетъ такъ говорить очень долго, а сколько назначилъ наградныхъ, скажетъ только въ концѣ. Старикъ журчалъ минутъ десять, затѣмъ сообщилъ, что наградныхъ назначено двадцать пять рублей: — «Я тебѣ это страктовалъ, развѣ не славно? — «Ну, не то, чтобы очень славно», — подумалъ чуть разочарованно Михайловъ: онъ собственно рассчитывалъ именно на двадцать пять рублей, но подъѣзжая къ Петербургу, думалъ: «вдругъ отвалятъ больше? вѣдь въ Сибирь ѣздилъ, а потомъ безъ очереди»... Однако жаловаться не приходилось: двадцать пять рублей выдавались въ награду рѣдко, могли дать и двадцать. Служащіе опять собрались, — вопросъ о наградныхъ всегда всѣхъ волновалъ, — и по лицамъ канцеляристовъ Михайловъ тоже понялъ, что назначили столько, сколько слѣдовало: ни ему не обидно, ни другимъ курьерамъ.

Тѣмъ не менѣе старика онъ не поблагодарилъ: показать, что доволенъ, въ слѣдующій разъ дадутъ меньше. — «Да ты, братъ, кажется, не радъ?» — сказалъ расходчикъ. — «Ну, тамъ, Егоръ Ивановичъ, радъ или не радъ, объ этомъ что-жъ говорить... Богомолловъ въ Астрахань ѣздилъ, ему двѣнадцать дали»... — «Такъ то двѣнадцать, а не двадцать пять». — «Такъ то Астрахань, а не Пелымъ!» — «А что двойной коштъ получалъ, это забылъ? Кто тебѣ это склеилъ? Я». — «Да, двойной коштъ, много на вашемъ коштѣ сбережешь! И трешницы не сберегъ». — «Знаю я твою трешницу.

Ну, не радъ, твое дѣло. Да вѣрно и графъ Минихъ тебѣ славно наградилъ?» — спросилъ старичокъ съ лукавой улыбкой, бережно вынимая изъ ящика запечатанные столбики съ деньгами: «десять, еще десять»... — «Ничего не даль, старая собака!...» — сердито отвѣтилъ Михайловъ. Разсылщики захохотали. — «Смотри, какіе хорошіе рубли, новенькими тебѣ даю, съ изображеніемъ царя-батюшки Петра Федоровича... Славный у насъ царь, дай Господи ему здоровья и счастья!» — сказалъ расходчикъ, распечатывая третій столбикъ: отсчиталъ пять серебряныхъ рублей и любовно выровнялъ въ полстолбика. — «А старика ты напрасно хаешь, вѣрно онъ забылъ тебя наградить, вѣдь старый человѣкъ, старость не радость, память уже не та, навѣрное онъ забылъ»... — «Да, забылъ! Знаю я ихъ, господь!...»

Старичокъ засмѣялся и вынулъ изъ ящика небольшой пакетъ вида коробки, обернутый въ сѣрый холстъ, запечатанный по угламъ красными печатями. — «Давно тебя ждешь, присланъ отъ графа Миниха», — сказалъ онъ вспыхнувшему отъ радости Михайлову, — «по вѣсу словно не рубли. Можетъ, золотые! И не болтаются: вѣрно, въ соломѣ?» Служащіе ихъ окружили съ любопытствомъ: о пакетѣ никто ничего не зналъ, расходчикъ готовилъ сюрпризъ. — «Вотъ видишь, а ты говоришь: старая собака! Ты бы сначала узналъ, а потомъ ругался. Или не радъ?» — «Тотъ дуракъ, кто пирогу не радъ!» — взволнованно отвѣтилъ Михайловъ, разрѣзая холстъ ножницами, которыя ему услужливо подалъ подканцеляристъ. — «Ровнѣе рѣжь, холстъ мнѣ отдашь, пригодится. Такъ и есть, коробочка»... Михайловъ надъ столомъ поднялъ ножницами прибитую гвоздиками крышку. Изъ коробочки посыпались съ соломой золотые.

Всѣ обомлѣли. Обомлѣлъ и самъ Михайловъ. Сталъ считать, руки у него немного тряслись, хоть онъ никогда жаденъ не былъ. Въ коробочкѣ было двѣсти рублей. Въ канцеляріи произошло смятеніе. Даже расходчикъ разинулъ ротъ. Михайлова поздравляли, кто искренно,

кто позеленѣвъ. — «Твое счастье, поставишь намъ шипучаго», — говорили всѣ сразу. Старичокъ опрокинулъ коробку и постучалъ по дну пальцемъ: больше ничего, кромѣ соломы, не выпало.

— Славно какъ, а? По графски наградили! — сказалъ онъ и посоветовалъ Михайлову сдать деньги на храненіе въ канцелярію; а то что-жъ, пойдетъ все дѣвкамъ да кабатчикамъ. Если, скажемъ, истратить червонецъ, это дѣло, для чего не истратить? выпить не грѣхъ, и съ дѣвкой погулять славно. Ну, а болѣе — жалко, деньги славная штука, могутъ пригодиться, безъ денегъ человѣку худо, совсѣмъ худо. — «Да онъ теперь, Егоръ Ивановичъ, и службу бросить!» — сказалъ писарь, воспользовавшись мгновеніемъ передышки у расходчика. — «Женится! Землю купить!» — подхватили другіе. Послано было за водкой и пивомъ. Старичокъ долго говорилъ, что и службу бросить недурно, и жениться для чего не можно, но первое дѣло — беречь деньги. «Теперь у тебя есть деньги, развѣ не хорошо? Право, хорошо», — журчалъ расходчикъ.

Михайловъ оставилъ на храненіе въ канцелярію только пятьдесятъ рублей; сказалъ, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ что-нибудь подыщетъ и купить. Онъ вышелъ къ Невѣ и долго ходилъ по набережной, взволнованно-радостно думая, что теперь дѣлать. Первая его мысль и вправду была: не жениться ли? У курьеровъ считалось прочно установленной, провѣренной истиной, что при ихъ ремеслѣ, какъ при солдатскомъ, жениться нельзя: бабу ни въ дорогу не возьмешь, ни дома одну не удержишь. Но теперь въ самомъ дѣлѣ можно было бы бросить проклятую службу. Мысленно счелъ свои деньги: двѣсти, да двадцать пять, да тридцать два сберегъ на коштѣ, всего двѣсти пятьдесятъ семь. Легко завести лавку хоть на Невской. Однако, у него всегда было отвращеніе отъ торговли. Представилъ себѣ: съ ранняго утра до поздняго вечера сидѣть въ душной, пахнущей сельдями или овчиной, комнатѣ, ругаться съ приказ-

чиками, лебезить передъ покупателемъ, дрожать надъ выручкой, — ну, нѣтъ. Открыть трактиръ? Это лучше, но и тутъ радости немного: буяны, дозоры, полиціи плати. Вернулся мыслью къ женитьбѣ : жениться можно, но и холостымъ жить тоже хорошо. Если бѣ можно было такъ, чтобы полгода быть женатымъ, полгода холостымъ? А то женишься — пожалѣешь, и не женишься — также пожалѣешь. Въ бабахъ недостатка нѣтъ и для женитьбы, и такъ. Вспомнилъ Кіевъ, ночь надъ Днѣпромъ, красивую рыжеволосую хохлушку, и про себя нерѣшительно подумалъ, что, можетъ, и не такъ ужъ худо ихъ ремесло, которое они по привычкѣ иначе какъ проклятымъ не называли. Вѣдь не всегда стоитъ стужа, и въ Сибирь посылаютъ не такъ часто. Къ тому же, черезъ четыре года выходилъ въ старшіе курьеры: этихъ отправляли только въ Москву. Чѣмъ свой трактиръ открывать, не лучше ли ходить въ чужіе, то въ Москвѣ, то здѣсь?...

Вдругъ онъ съ ясностью почувствовалъ, что хочется ему, по настоящему хочется, одного: пожить какъ живутъ господа! Михайловъ и не любилъ господъ, и какъ могъ подражалъ имъ. Въ его мысляхъ они немного сливались съ удалымъ добрымъ молодцомъ изъ сказокъ, — онъ и самъ безсознательно поддѣлывался подъ это, а можетъ быть и вправду въ себѣ чувствовалъ что-то отъ добраго молодца, которому все ни по чемъ. «Богатому житье, а бѣдному вытье», — подумалъ онъ и, потрогавъ въ карманѣ кошелекъ, — появилась новая забота, — отправился въ Гостиный дворъ.

Обошелъ сначала лавки такъ, ничего не покупая, лишь присматриваясь къ товарамъ и цѣнамъ. Хотѣлось ему купить рѣшительно все, онъ страстно любилъ новыя вещи. Послѣ долгаго торга, купилъ нарядный становой кафтанъ, съ перехватомъ на поясицѣ, съ хрустальными пуговицами, съ запястьями у короткихъ широкихъ рукавовъ, съ высокимъ, закрывавшимъ затылокъ, атласнымъ воротникомъ-козыремъ, — зналъ заранѣе, что всѣ будутъ шутить: «Что, братъ, козыремъ

ходишь?...» Купилъ красные сафьянные, шитые золотомъ, сапоги, вродѣ тѣхъ, что носили лаеши. Купилъ серебряные часы заграничной работы, — давно мечталъ. Купецъ объяснилъ ему, какъ разбирать время, — онъ уже раньше присматривался и теперь живо понималъ. Въ другой лавкѣ ему хотѣли было подсунуть горлатную шапку. Михайловъ зналъ, что такихъ шапокъ никто изъ господъ больше не носить, видѣлъ, что мѣхъ вовсе не отъ горла и качества средняго, да и странно было бы обзаводиться мѣховой шапкой лѣтомъ, — но чуть было не купилъ: уже нерѣшительно говорилъ себѣ, что зимой, въ поѣздкѣ, горлатная шапка можетъ пригодиться. Однако во время опомнился: и безъ того много ушло денегъ, — страшно было не что ушли, а что ушли такъ быстро. «Правду говорятъ люди: денегъ вволю, а еще-бъ поболѣ»...

Вышелъ изъ лавки, съ наслажденіемъ взглянулъ на часы и тотчасъ, много черезъ минуту, разобралъ, что половина пятаго. Приберегая къ вечеру аппетитъ, съѣлъ на ходу купленный у разносчика кусокъ пирога и вернулся въ канцелярію. Въ курьерскомъ обществѣ переодѣлся, не безъ смущенія выслушалъ насмѣшливо-завистливую «kozyремъ, братъ, ходишь», навелъ справку, гдѣ живетъ графъ Минихъ. Затѣмъ отправился въ его домъ, — благодарить, — по дорогѣ съ досадой говорилъ себѣ, что выходитъ свинья-свиньей: деньги были присланы давно, его сіятельство не можетъ знать, что его въ Петербургѣ не было.

Разыскалъ домъ — «въ Пелымѣ не такъ жилъ!» — вошелъ со двора и вызвалъ дворецкаго; понималъ, что нельзя курьеру беспокоить самого фельдмаршала, да и не примутъ. Попросилъ передать, что приходилъ курьеръ Михайловъ, ѣздившій съ царскимъ указомъ въ Пелымъ, только что вернулся въ Петербургъ и слезно благодарить за награду, и будетъ вѣчно молить Бога за его сіятельство. Дворецкій, вначалѣ введенный въ заблужденіе станковымъ кафтаномъ, снисходительно кивнулъ головой и небрежно сказалъ: «Хорошо, бра-

тецъ, не за что». — «Ахъ , ты, сукинъ сынъ!» — подумалъ, разсердившись, Михайловъ, — «точно я тебя, свинью этакую, благодарю»... — «Такъ не забудь, братецъ, все передать его сіятельству, какъ я велѣлъ», — сказалъ онъ и ушелъ, не дожидаясь отвѣта дворецкаго. «Ничего, подлець, не передастъ».

Затѣмъ онъ снова, съ такимъ же удовольствіемъ, поглядѣлъ на часы: уже разобралъ время совсѣмъ легко. Было семь часовъ. Снова потрогалъ кошелекъ, — цѣль — и отправился на Петергофскую почтовую дорогу въ кабачокъ, въ которомъ торговали пуншевой водкой.

Немного поколебавшись, зашелъ на этотъ разъ не со двора, а черезъ главный дворъ. Лаешей въ первой комнатѣ не было, и вообще не было никого. Ему показалось даже, что кабачокъ полинялъ и облѣзъ. Во второй комнатѣ хозяинъ поднялся навстрѣчу съ радостной улыбкой. — «Давно ли, братъ, вернулся? Здорово! Экимъ ты козыремъ, и не узнать тебя...!» Они поговорили, Михайловъ съ большимъ огорченіемъ узналъ, что лаеши уѣхали. — «И полиція ихъ не гнала, и я честно просилъ остаться, — уѣхали! Не сидится имъ на одномъ мѣстѣ, проклятому племени»... Понизивъ голосъ, хозяинъ объяснилъ, что дѣла кабачка стали много хуже. Неизвѣстно почему, господа перестали ѣздить, оттого ли, что нѣтъ больше лаешей, или по чему иному: ходитъ какая-то тревожная молва въ городѣ, а въ чемъ дѣло, не поймешь.

Вошелъ, зѣвая, половой. По его презрительному выраженію тоже сейчасъ было видно, что въ кабачкѣ дѣла нехороши. Заглянули двѣ женщины. Одна изъ нихъ, высокая, румяная, съ широкимъ ртомъ и крѣпкими бѣлыми зубами, съ заплетенной черной косой, съ небольшими насмѣшливыми черными глазками, сразу обратила на себя вниманіе Михайлова. Женщина оглядѣла его и вошла въ комнату; другая пожалала плечами и исчезла. — «Бутылку шипучаго *подать!*» — приказалъ Михайловъ половому, совсѣмъ какъ офицеръ-

лейбъ-кампанецъ. Вытащилъ изъ кармана кошелекъ и, словно пересчитывая, поигралъ золотыми. Хозяинъ вытаращилъ глаза. Высокая женщина подошла къ столу и, вопросительно улыбнувшись, сѣла. — «*Машкой* зовутъ», — представилась она, предупреждая вопросъ. Михайловъ кивнулъ головой, хлопнулъ Машку по спинѣ и заказалъ изъ ѣды самое дорогое, то, что заказывали господа. — «А всего прежде, братецъ, подай *моей*», — сказалъ онъ хозяину. — «Ужъ я, братъ, самъ знаю, что ты любишь», — отвѣтилъ кабатчикъ и развязно, и подобострастно. Онъ принесъ бутылку пуншевой водки. Самый видъ ея почти до слезъ умилилъ Михайлова. Выпилъ съ наслажденіемъ рюмку. — «Господи, до чего хороша! Полгода не пилъ!» — «Недурна», — сказалъ онъ небрежно. — «Нѣтъ, ты, братецъ, не уноси, а оставь на столѣ всю бутылку!»

Машка радостно сказала, что эту водку любить больше всего, тоже отпила глотокъ и попросила для начала ломанныхъ пряниковъ. Черезъ минуту зажглись новыя свѣчи въ господской комнатѣ, хозяинъ предложилъ перейти туда. Гдѣ-то забренчала настраиваемая гитара. Половой пересталъ зѣвать, и съ его лица сошло презрительное выраженіе. По кабачку пробѣжалъ слухъ, что курьеръ пропиваетъ казенныя деньги. Но это никого не касалось: такъ у каждаго гостя разбирать, откуда золото, — не радъ будешь жизни. Машка спросила, гдѣ *остановился* Михайловъ. Онъ не зналъ, что отвѣтить. Курьеры между поѣздками обычно ночевали въ общежитіи. Но получивъ мѣсячный отпускъ, имѣя двѣсти рублей капитала, онъ въ самомъ дѣлѣ могъ *остановиться* гдѣ угодно. — «Еще никуда не заѣзжалъ. А что?» Она сообщила, что по другую сторону почтовой дороги, въ домѣ, принадлежащемъ владѣльцу кабачка, сдаются *господамъ* комнаты. — «Отчего бы и нѣтъ?» — подумалъ польщенный Михайловъ, все болѣе входя въ роль удалого молодца. Позвалъ хозяина, снялъ, не торгуясь, комнату и предложилъ задатокъ. «Что ты! Не со вчерашняго дня знакомы», — отвѣтилъ хозяинъ,

взялъ рубль и, подмигнувъ, сказалъ, что комната будетъ готова хоть черезъ часъ.

Выпито въ этотъ первый день, Михайловъ помнилъ, было очень много, и они перешли съ Машкой черезъ почтовую дорогу лишь въ четвертомъ часу ночи. Утромъ ихъ разбудили крики: «Ур-ра!». Михайловъ вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и увидѣлъ, что по пыльной дорогѣ проѣзжаютъ кареты, раззолоченныя, восьмистекольные, запряженныя восемью лошадыми каждая, съ лакеями на запяткахъ. Люди бѣжали за поѣздомъ и кричали: «Да здравствуетъ царь Петръ Федоровичъ!...» «Да здравствуетъ государь императоръ!...» «Ур-ра!...» Михайловъ ахнулъ. Государь уже проѣхалъ, его видно не было. Въ каретахъ сидѣли важные люди съ пудренными головами, въ бархатныхъ и атласныхъ кафтанахъ, дамы въ робронтахъ. «У этой глазетовая... Фижмы, видишь?» — взволнованно говорила Машка, смотрѣвшая въ окно черезъ плечо Михайлова. Послѣдняя карета скрылась въ облакъ пыли, и не стало сказочнаго господскаго видѣнья. Долго съ восторгомъ они обмѣнивались впечатлѣніями между собой, затѣмъ съ другими, завтракая въ кабачкѣ. Говорили, что царскій поѣздъ проѣхалъ въ Ораніенбаумъ. «Видѣлъ государя вотъ какъ тебя вижу!» — восторженно говорилъ кабатчикъ.

Начались дни, навсегда неясно оставшіеся въ памяти Михайлова лучшимъ временемъ его жизни. Онъ впоследствии и самъ не могъ толкомъ вспомнить, сколько прожилъ на петергофской почтовой дорогѣ. Несмотря на серебряные часы, времени былъ потерянъ счетъ, — этому способствовали и бѣлыя ночи. Никогда на своемъ вѣку онъ не пилъ такъ много, пилъ въ кабацѣ, пилъ съ Машкой въ своей комнатѣ, и себя не обманывалъ: понималъ, что ничего не останется отъ его капитала, что ничего больше онъ не купитъ, и не женится, и навсегда останется бобылемъ-курьеромъ. Плакалъ пьяными слезами, думалъ съ умиленіемъ о своей щедрости,

бездомной жизни и молодецкой натурѣ. Ему и въ самомъ дѣлѣ не очень было жалко неожиданнаго богатства: хоть недолго, а пожилъ по господски: это для него зажглись необожженные свѣчи, и открылась комната кабачка, въ которой гуляли первѣйшіе господа столицы!...

Въ кабачкѣ появлялись и подсаживались къ его столу другія женщины, до которыхъ тоже дошелъ слухъ, что курьеръ пропиваетъ сенатскія деньги. Машка въ домъ никого къ нему не допускала, — а въ кабачкѣ, пожалуй, балуйся. Всѣ молчаливо признавали ея права на курьера и на казенное золото, но пользовались случаемъ выпить. Впрочемъ Михайловъ, улучивъ минуту, внушительнымъ шопотомъ сказалъ хозяину, чтобы не смѣлъ и предлагать шипучее вино (оно ему вдобавокъ и не очень нравилось). — «Мнѣ и Машкѣ — пуншевую, а другія пусть хлещутъ пиво!...» Послѣ второй или третьей ночи хозяинъ попросилъ денегъ. Михайловъ презрительно далъ ему три золотыхъ. Далъ также два червонца Машкѣ, у которой при видѣ золота всякій разъ разгорались глаза. Хотя онъ былъ все время почти пьянъ — твердо помнилъ, что кошелекъ не надо оставлять ни на одну минуту. Деньгиплыли, Михайловъ о нихъ не думалъ, и счастье наполняло его душу отъ того, что онъ кутить, какъ господа, отъ того, что онъ удалой молодецъ, а всего болѣе отъ пуншевой водки.

Еще одно смутное воспоминаніе осталось у него отъ счастливаго пьянаго времени, — было это уже подъ конецъ. Поздно ночью на дорогѣ вдругъ послышался приближающійся быстрый топотъ. У педъѣзда кабачка остановилась коляска. Хозяинъ вышелъ посмотреть, что такое, и вернулся съ выраженіемъ испуга на лицѣ. Торопливо шопотомъ онъ попросилъ Михайлова и Машку перейти ненадолго во вторую комнату. «Зачѣмъ во вторую? Намъ и тутъ хорошо!» — пробормоталъ курьеръ заплетающимся языкомъ. — «Мы деньги платимъ почище господъ!» — сказала гнѣвно Машка. Оба они

вскочили. На порогѣ показался тотъ самый сказочнаго роста офицеръ, съ рубцомъ ото рта къ уху, что кутилъ здѣсь въ ночь передъ отъѣздомъ Михайлова въ Пелымъ. Видъ у него былъ еще страшнѣе, чѣмъ тогда. Онъ окинулъ ихъ тяжелымъ взглядомъ, отвернулся, вырвалъ изъ рукъ хозяина бутылку, стукнулъ по донышку, — пробка вылетѣла, — приложилъ горлышко къ губамъ и выпилъ все до дна, не отрывая бутылки ото рта, все больше запрокидывая назадъ голову. Затѣмъ отеръ лѣвой рукой губы, швырнулъ въ сторону бутылку (она разбилась на куски), бросилъ хозяину монету и вышелъ, не сказавъ ни слова. На дорогѣ снова послышался топотъ скачущихъ лошадей.

XIV.

Графъ Минихъ по утрамъ, до начала работы, катался верхомъ: это было полезно для здоровья, для настроенія духа, да и для размышленія. Купилъ, вскорѣ послѣ прїѣзда, кровнаго неаполитанскаго жеребца и ежедневно, въ восьмомъ, а то и въ седьмомъ, часу, уѣзжалъ, часа на полтора или на два. Въ сѣдлѣ чувствовалъ себя прекрасно, но садиться на лошадь было уже не совсѣмъ легко. Чаще всего ѣздилъ на острова или на Петергофскую дорогу и съ удивленіемъ присматривался къ новому. Ему все еще трудно было привыкнуть къ тому, что у офицеровъ кобура изъ красной кожи, что они шарфъ носятъ не черезъ плечо, что у артиллеристовъ теперь зеленые мундиры съ желтыми пуговицами. Разъ какъ-то остановилъ на Перспективѣ офицера и спросилъ, какого полка. Оказалось, слободской гусаръ, — онъ о такихъ никогда не слышалъ. Новые мундиры ему не нравились, но выправка, не могъ отрицать, теперь была лучше, чѣмъ при Петрѣ Великомъ, лучше даже, чѣмъ при немъ. Мысль эта была чуть-чуть ему непріятна, и Минихъ самъ удивлялся съ усмѣшкой: вотъ о какихъ пустякахъ думаешь въ восемьдесятъ лѣтъ.

Въ этотъ день ему понадобилась для промеморія точная справка о личномъ составѣ Преображенскаго полка. Ѣхать въ казармы еще было рановато. Погода была прекрасная. Онъ поскакалъ на Петербургскій островъ, за Карповку, къ Большой Невкѣ, затѣмъ, вдоль Малой, направился въ Слободу Разночинцевъ; разсѣяннo проѣхалъ шагомъ по мосту — и вдругъ оказался у зданія Коллегій: на *той самой* площади. По случайности ли или слѣдуя инстинкту, еще ни разу

здѣсь не былъ. Сердце у него страшно застучало, почти какъ въ тотъ день. Онъ нервно дернулъ поводья, жеребецъ заржалъ. Минихъ выѣхалъ на край площади и остановился. Здѣсь его когда-то «четвертовали».

Въ Пелымѣ онъ часто возвращался мыслью къ тѣмъ днямъ; это было и мучительно, и пріятно: ужъ очень хорошо тогда себя вель. Думалъ, что самой ужасной минутой было объявленіе приговора. Когда услышалъ слова «черезъ четвертованіе», у него пересѣклось дыханіе. Но изъ находившихся въ залѣ людей, вѣрно, никто ничего замѣтить не могъ. Онъ пріятно улыбнулся, поддерживалъ на лицѣ улыбку все время, пока былъ на людяхъ, и даже, когда остался одинъ въ камерѣ, улыбка эта механически еще держалась нѣскольکو минутъ на его лицѣ.

Впрочемъ, послѣдовавшіе затѣмъ часы были еще ужаснѣе. Сохранять недолго на людяхъ улыбку было легче, чѣмъ потомъ, въ крѣпости, пить, ѣсть, *спать*, все съ той же мыслью: впереди четвертованіе. Самое слово это было отвратительно на всѣхъ языкахъ, которыми онъ пользовался въ мысляхъ, — на одномъ отвратительнѣе, чѣмъ на другомъ (почему-то довольно долго припоминалъ, какъ по англійски четвертованіе, — все не могъ вспомнить, не разъ къ этому возвращался: какъ же четвертованіе по англійски? — и вспомнилъ только въ Пелымѣ). По случайности, онъ не зналъ вполне точно, въ чемъ заключается эта казнь: кажется, человѣка разрываютъ на части лошади, — длится нѣсколько часовъ: оторвать руки и ноги нелегко, подъ конецъ палачъ надрѣзываетъ мускулы, изъ жалости къ измученнымъ лошадямъ, — такъ было съ Равальякомъ или съ кѣмъ-то другимъ? Невольно согнулъ руки, взглянулъ, скосивъ глаза, на судорожно сжавшееся плечо, и вдругъ ахнулъ: вѣдь въ Россіи четвертованіе какъ будто означаетъ иное: Стенькѣ Разину просто, безъ лошадей, отрубили руки и ноги!... Впослѣдствіи въ Пелымѣ онъ, съ усмѣшкой, думалъ, что это была въ

его жизни очень счастливая минута: русское четвертованіе гораздо лучше западнаго.

Его не разъ позднѣе спрашивали: какъ же можно было вынести муку долгаго, безконечнаго ожиданія столь страшной казни? Онъ не зналъ, что отвѣтить. «Какъ можно вынести?» Но стъ него не зависѣло, выносить или не выносить: выносилъ, ибо ничего иного сдѣлать не могъ. Вспоминалъ впрочемъ, что не разъ въ крѣпости по нѣскольку часовъ подрядъ, какъ въ полуснѣ, бессмысленно думалъ: нельзя ли усиліемъ воли положить жизни конецъ, — способовъ самоубійства не имѣлъ никакихъ, — отчего нельзя просто волей заставить сердце остановиться? и даже пытался минуты двѣ не дышать, — потомъ вздрагивалъ и приходилъ въ себя. Вспоминалъ и то, что порою приходили мысли постыдныя, недостойныя: цѣной какой-либо гнусности, пожалуй, можно купить жизнь, нужную для большихъ, важныхъ дѣлъ. Объ этомъ тоже думалъ подолгу, хотъ твердо зналъ, что никогда этого не сдѣлаетъ: *нельзя!* Думалъ, что людей, ни въ какихъ обстоятельствахъ неспособныхъ на предательство, очень мало, а неспособныхъ и на мысль о предательствѣ — почти нѣтъ. Но про себя зналъ твердо: *нельзя.*

Спрашивалъ себя, почему нельзя, и отвѣчалъ послѣ раздумья: честь, долгъ, судъ исторіи. Надѣялся, что когда-нибудь кто-нибудь напишетъ о немъ одну изъ именуемыхъ исторіей сказокъ. Но будетъ это вѣрно не скоро, когда на землѣ не останется ни одного изъ знавшихъ его людей, — и не все-ли равно, что скажетъ неизвѣстный человѣкъ, который вдобавокъ ничего не будетъ знать толкомъ, по настоящему? Ему будутъ извѣстны такъ называемые факты, т. е. тысячи происшествій изъ милліоновъ. Но то, что стояло за этими фактами, — случайности, мелочи, побужденія, мысли, жажда жизни, любовь, ненависть, — все это до него не дойдетъ и дойти не можетъ: записать нельзя, ибо этого не помнишь и не замѣчаешь самъ, а если помнишь и замѣчаешь, то не скажешь всей правды, непременно будешь

лгать. Къ тому же, ежели сказочникъ будетъ врагъ, то, по злобѣ, онъ, подъ видомъ правды, подчеркнетъ все худое, чего достаточно въ любой жизни. А ежели онъ будетъ другъ, то ради красоты, тоже подъ видомъ правды, все пригладитъ и принарядитъ, какъ приглаживали и принаряжали жизнь и смерть всѣхъ знаменитыхъ людей. Вспомнилъ, какъ безбожно врали люди, писавшіе о Людовикѣ XIV, о Петрѣ, о принцѣ Евгеніи, о герцогѣ Малбругскомъ, и только улыбнулся: «Цезаря и Аннибала не зналъ, но этихъ помню».

Наканунѣ казни онъ заснулъ именно на такихъ мысляхъ. Распоряжавшіеся казною люди разбудили его; на ихъ лицахъ было замѣтно лестное для него удивленіе. Онъ тотчасъ надѣлъ на себя ту же равнодушно-презрительную усмѣшку. Сказалъ что-то подобающее, — кажется, «видно, спать уже больше никогда не придется», — и почувствовалъ, что душевныхъ силъ хватить: все въ немъ было точно зажато стальнымъ винтомъ, онъ теперь принадлежалъ тому самому сказочнику, о которомъ наканунѣ размышлялъ съ совершеннымъ пренебреженіемъ. Когда ихъ вывели на улицу, подумалъ, что теперь слѣдовало бы обратиться къ другому, — ну, хоть поднять глаза къ небу, — какъ обычно живописцы рисуютъ осужденныхъ или гибнущихъ людей. Онъ дѣйствительно взглянулъ на небо. Двѣ тучи медленно плыли одна навстрѣчу другой. — «Еще могу увидѣть, какъ сольются»... Но ему не интересны были ни тучи, ни небо, — чувствовалъ, что на *этотъ* высокій ладъ душу настроить никакъ не можетъ даже въ подобную минуту. Вся его воля была направлена на то, чтобы равнодушная улыбка не стерлась, чтобы походка осталась гордой (шелъ не такъ, какъ всегда), чтобы никто не могъ догадаться, какъ страшно бьется его сердце. И это ему удавалось: *винтъ* дѣйствовалъ безупречно.

На перекресткѣ глашатай зазывалъ народъ, читая заунывно по листку: «Понеже нѣкоторымъ людямъ за важныя и противу государственнаго покоя учиненныя

вины, сего января 18 числа по полуночи въ девятомъ часу, на Васильевскомъ острову, противъ коллегій, чинена будетъ экзекуція, того ради черезъ сіе объявляется во всенародное извѣстіе, чтобы всякаго чина люди о семъ вѣдали и для смотрѣнія означеннаго числа, въ томъ часу, приходили на оное мѣсто», — въ послѣдствіи ему въ крѣпость прислали этотъ листокъ, онъ сохранилъ его и въ Пелымѣ перечитывалъ не безъ удовольствія. Тогда, разумѣется, всего не слышалъ, но какой-то обрывокъ задержался въ сознаниіи, — еще подумалъ, что «всякаго чина людямъ» все равно, улыбается ли онъ или нѣтъ, никто изъ нихъ этого не сохранитъ въ памяти, не расскажетъ внукамъ и не запишетъ: они даже не знаютъ, кто преступники, и за что казнятъ, но вѣрятъ, что это преступники, — иначе не казнили бы, — и, главное, не желаютъ упустить зрѣлища. Сказочникъ ничего не узнаетъ, — стоитъ ли равнодушно-презрительно улыбаться? Думалъ это и продолжалъ поддерживать презрительную улыбку. Опять равнодушно взглянулъ на небо: нѣтъ, тучи еще не слились. Въ эту минуту онъ увидѣлъ эшафотъ. «Зачѣмъ же надъ нимъ балдахинъ?» — спросилъ онъ себя, и думая теперь съ той же улыбкой.

Загремѣли барабаны, отъ ихъ привычнаго боевого грохота стало легче, — хоть только глупый человѣкъ могъ сравнивать мужество солдата въ бою съ мужествомъ человѣка, готовящагося къ страшной казни. Онъ внимательно оглядѣлъ палачей — «ну, что же сейчасъ? Съ кого начать?» Къ эшафоту медленно подъѣхали сани («вотъ гдѣ стояли, а эшафотъ былъ здѣсь»...). Солдаты и палачи подняли изъ саней старичка. «Да, вѣдь Остерманъ и тутъ ухитрился заболѣть», — подумалъ съ улыбкой, теперь почти настоящей. Хотя онъ терпѣть не могъ Остермана, съ удивленіемъ призналъ, что старый министръ, всегда заболѣвавшій въ трудныхъ случаяхъ жизни, теперь ведетъ себя тоже очень достойно и своимъ куражемъ сдѣлалъ бы честь воину. Поду-

маль, что, пожалуй, для сказочника было бы удобнѣе, если бъ всѣ другіе проявили малодушіе, — но не принялъ этой мысли: нѣтъ, такъ лучше. Подумалъ еще, что на Остерманѣ та же лисья шуба и бархатная шапочка, которая онъ всегда носилъ дома, опасаясь простуды, — «вотъ и тутъ можетъ простудиться»... Барабанъ замолкъ. Настала мертвая тишина. Мелькнуло искаженное ужасомъ лицо извозчика: палачи какъ разъ выносили Остермана изъ саней, — этого извозчика призналъ бы и теперь черезъ двадцать лѣтъ. Подумалъ, что у старика сбился парикъ: сниметъ ли парикъ палачъ? какъ казнятъ, въ парикѣ или безъ парика? Скользнула еще мысль, что хотъ тутъ слѣдовало бы установить человѣческое отношеніе къ Остерману, съ которымъ прошло столько лѣтъ жизни, — но онъ почувствовалъ, что не можетъ этого сдѣлать. И еще равнодушно отмѣтилъ въ сознаніи, что палачъ неловко положилъ голову Остермана на плаху — на бокъ, видно лицо, — и что Остерманъ обросъ бородой, тогда какъ самъ онъ успѣлъ побриться. Сдѣлалъ еще усиліе, вслушался въ то, что, пришепетывая, читалъ секретарь, и поразился нелѣпости обвиненія: царевну хотѣли выдать замужъ за убогаго, худороднаго принца, какъ глупо! Чтеніе прекратилось, — значить, сейчасъ! — взглянулъ на небо, — тучки слились, кончилась жизнь! — глубоко вдохнулъ и выдохнулъ воздухъ и послѣднимъ усиліемъ еще туже завинтилъ *винтъ*...

Секретарь помолчалъ съ полминуты, затѣмъ снова началъ читать. Въ толпѣ поднялся гулъ. «Вотъ тебѣ на!» — наивно-удивленно сказалъ рядомъ съ нимъ кто-то изъ стражи. Палачъ, державшій Остермана, отпустилъ его. Минихъ понялъ не сразу. «... Богъ и государыня даруютъ тебѣ жизнь», — читалъ тотъ же гнусавый голосъ, видимо старавшійся — не очень удачно — изобразить нѣкоторое волненіе: секретарю были одинаково привычны и приговоры, и помилованія: «Если ему, то и мнѣ!» — подумалъ Минихъ. Сердце застучало такъ, словно еще минута и разорвется. — «А

можетъ, только ему». Секетарь встрѣтился съ нимъ взглядомъ, и Минихъ понялъ, что спасень, хоть гнуса-вый человѣкъ тотчасъ отвелъ глаза, быть можетъ найдя страшными его лицо и улыбку. «Только ли Остерману или всѣмъ?!..» Думалъ, что не доживетъ, что сердце не выдержитъ и разорвется, слушалъ, затаивъ дыханіе, но *винтъ* дѣлалъ свое дѣло, и на лицѣ его висѣла та же равнодушная улыбка.

Помилованіе вышло всѣмъ, другихъ и не возводили на эшафотъ. Снова забилъ барабанъ. Ихъ повели въ крѣпость, и онъ смотрѣлъ на небо съ торжествомъ. Гулъ толпы усиливался. «Всякаго чина люди огорчены смягченіемъ участи, оттого ли, что большинство преступниковъ — нѣмцы, или же просто жаль упущеннаго зрѣлища. Да, они не виноваты, что звѣри! И я не виновать, что счастливъ!...» Онъ шелъ, гордо поднявъ голову, и улыбка на лицѣ его становилась все презрительнѣе. «Что же вмѣсто казни? крѣпость? ссылка? если ссылка, куда?». А когда узналъ, что въ Пелымъ, то не могъ самъ надъ собой не посмѣяться: видно, промыселъ Божій, — самъ туда же сослалъ Бирона! «Но почему Промыселъ Божій мститъ за такого человѣка, какъ Биронъ?...»

Онъ теперь не былъ совершенно увѣренъ, что дѣйствительно тогда испыталъ и продумалъ все это: едва ли можно было ясно, точно, отчетливо запомнить то, что было пережито въ столь короткое, въ столь ужасное время: въ Пелымѣ такъ часто возвращался мысленно къ тому дню, что позднѣйшія мысли могли смѣшаться съ подлинными ощущеніями минутъ ожиданія казни. Но вполнѣ ясно онъ помнилъ одно: день этотъ былъ днемъ его высшаго торжества надъ міромъ. Въ чемъ было торжество, онъ и самъ понималъ плохо. Помнилъ еще, что вечеромъ долго думалъ въ крѣпости о натурѣ счастья, и были у него странныя мысли, которыхъ теперь не могъ возстановить съ ясностью. Думалъ, что въ жизни всякаго государственнаго мужа есть, или

можетъ быть — или должна быть? — катастрофа: гибель, тюрьма, казнь, — все равно, какая: вотъ и четвертованіе бываетъ разное, съ лошадьми и безъ лошадей, — и этому, пожалуй, присуща доля справедливости... — «Я высшее въ жизни счастье испыталъ надъ горой труповъ въ день Ставучанской битвы, и еще въ ночь переворота, удавшагося мнѣ по причинѣ коварства, и вотъ въ этотъ день, когда меня должны были четвертовать... Оттого, что не четвертовали? Отъ торжества и волненія. И этого больше не будетъ!»

Онъ обвелъ глазами площадь, то мѣсто, гдѣ стоялъ эшафотъ, то мѣсто, гдѣ стоялъ самъ, и подумалъ, что, быть можетъ, больше никогда площади не увидитъ: *все-таки* восемьдесятъ лѣтъ. Старичокъ-сторожъ съ любопытствомъ на него смотрѣлъ изъ подворотни. «Можетъ, онъ и тогда тутъ былъ, всякаго чина человекъ»... Минихъ тронулъ коня и поскакалъ къ мосту.

Изъ отвореннаго окна Преображенскихъ казармъ доносился гулъ голосовъ. Постукивали биллиардные шары. Въ офицерскомъ собраніи было, повидимому, весело. Не слѣзая съ коня, Минихъ приказалъ вытянувшемуся радостно дневальному вызвать дежурнаго офицера. Дневальный рвануль дергачъ, появился унтеръ-офицеръ, ахнуль и побѣжалъ въ казарму.

Черезъ минуту изъ казармы вышелъ огромнаго роста капитанъ. Его лицо, съ большимъ шрамомъ отъ рта къ уху, остановило вниманіе Миниха. «Кто такой?» — подумалъ онъ съ любопытствомъ. Глаза у капитана были дерзкіе, насмѣшливые и страшные. Онъ почтительно рапортовалъ, что въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку все обстоитъ благополучно, такъ же почтительно выслушалъ вопросъ и сразу, не задумываясь, отвѣтилъ, что въ двухъ мушкетерскихъ и въ одномъ гренадерскомъ батальонѣ полка сейчасъ значится нижнихъ чиновъ двѣ тысячи девятьсотъ тридцать семь. Минихъ нахмурился: «ужъ не шутитъ ли шутки?» Было мало вѣроятно, чтобы дежурный офицеръ могъ назвать цифру столь

точно. Но цифра подходила близко къ его предположеніямъ, и трудно было допустить, чтобы капитанъ, отвѣчая на вопросъ фельдмаршала, позволилъ себѣ столь неумѣстную шутку.

— У васъ отмѣнная память, капитанъ — сухо сказалъ Минихъ. Ваше имя?

— Алексѣй Орловъ, Ваше Сіятельство.

Минихъ съ минуту молча на него смотрѣлъ. Фамилію эту носилъ какой-то шалый стрѣлецъ, буйный изъ буйныхъ, не то казненный при Петрѣ Великомъ, не то помилованный царемъ на плахѣ. «Да, былъ такой же случай, что со мной. Можетъ, дѣдъ этого или прадѣдъ? Яблоко отъ яблони»... Несмотря на дерзкое выраженіе лица — или вслѣдствіе дерзкаго выраженія, — офицеръ понравился Миниху. Понравился ему и взглядъ, брошенный Орловымъ на неаполитанскаго жеребца, — взглядъ любителя и знатока.

— Болѣе ничего. Благодарю васъ, капитанъ, — сказалъ онъ и тронулъ лошадь. Отъѣхавъ шаговъ двадцать, Минихъ быстро оглянулся. Офицеръ смотрѣлъ ему вслѣдъ тяжелымъ взоромъ страшныхъ въ особенности своею неподвижностью глазъ. «Надо обратить вниманіе, кто такой... Дѣдъ — ежели дѣдъ? — въ меня, а внукъ и того болѣе»... Этотъ капитанъ дѣйствительно напомнилъ ему его самого въ молодости. Промелькнуло въ памяти то, что когда-то о немъ говорили: «Кондотьеръ», «Птица-человѣкоядъ», «Дьявольскій эмиссарій». — «Ну, что-жъ, молодые Минихи идутъ на смѣну старому, и отлично. Но на *этого* надо бы обратить особое вниманіе. Можетъ, далеко пойдетъ, а можетъ, высоко: на висѣлицу»... Онъ свернулъ на боковую улицу и на поворотѣ снова бросилъ взглядъ въ сторону казармы. Капитанъ попрежнему смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Кабинетъ Миниха былъ во второмъ этажѣ. Лѣстница немного его утомляла, особенно послѣ верховой прогулки. Онъ нарочно поднялся быстро, какъ молодой человѣкъ, въ кабинетъ устало опустился въ кресло и

вдохнулъ. На письменномъ столѣ лежало нѣсколько писемъ. Графъ Разумовскій звалъ въ свою мызу Гостилицы на балъ, который обѣщали осчастливить присутствіемъ государь и государыня. Минихъ съ досадою бросилъ приглашеніе на столъ. Гостилицы были его имѣніе, когда-то — Богъ знаетъ какъ давно — пожалованное ему Петромъ Великимъ, затѣмъ конфискованное при ссылкѣ вмѣстѣ со всѣмъ другимъ имуществомъ. Теперь мыза принадлежала Разумовскому. «Все-таки у этого *пѣвчаго* должно было хватить такта не звать меня въ гости въ мой собственный домъ!...»

Отъ рѣзкаго движенія упалъ одинъ изъ стоявшихъ на столѣ рисунковъ. Это были *скицы*, которыми онъ отъ скуки занимался въ Пелымѣ и которыя захватилъ съ собою на память. На рисункѣ изображенъ былъ ямщикъ-вогуль, привозившій въ Пелымъ почту; онъ стоялъ на полозѣ странныхъ, запряженныхъ собаками саняхъ. Минихъ съ улыбкой вспомнилъ смѣшного красноглазаго человѣка, его дикую ѣзду, изступленный лай собакъ, которыхъ онъ обманывалъ, то пугая близостью звѣря, то обѣщая подачку. «Такъ не то, что собаками, такъ и людьми правятъ, въ этомъ ихъ счастье», — подумалъ Минихъ и взялъ со стола другое письмо.

На немъ была надпись: «Секретнѣйшее. Въ собственныя Его Сіятельства руки». Хоть онъ въ правительствѣ теперь не состоялъ, у него были кое-гдѣ тайные осведомители, и персональные, и по службѣ, — нельзя же совсѣмъ безъ нихъ. Минихъ, хмурясь, прочелъ письмо. Ничего особенно тревожнаго въ немъ не было, но наканунѣ были получены еще два такихъ же, отъ другихъ агентовъ. Въ совокупности, это было тревожно. Почти все говорило, что недовольство въ гвардіи велико, и почти все наводило опытнаго человѣка на мысль, что гдѣ-то кѣмъ-то готовится заговоръ. — Гдѣ и кѣмъ? Это было бы нетрудно узнать, имѣя власть, получивъ на то полномочія отъ царя. Онъ сталъ соображать обстоятельства, вспоминая собственный большой опытъ, и заговорщическій, и правительственный. Нити вели,

конечно, къ казармамъ гвардейскихъ полковъ. «Тогда нельзя терять ни минуты!» — сказалъ себѣ графъ Минихъ и уже хотѣлъ было потребовать карету. Но подумалъ, что *пока* фактовъ никакихъ нѣтъ. Лучше немного подождать. Несмотря на усталость, онъ поднялся и сталъ ходить взадъ и впередъ по кабинету, испытывая необыкновенное, давно забытое, волненіе. «Что ежели насталь день? Что ежели *снова* насталь день?...»

XV.

Профессоръ Штелинъ былъ очень близокъ къ новому двору, но, въ отличіе отъ многихъ другихъ придворныхъ людей, не только не хвасталъ этой близостью и не подчеркивалъ ея, а, напротивъ, въ мѣру возможнаго ее скрывалъ и отрицалъ. Поступалъ онъ такъ изъ врожденной скромности, изъ благоразумія — мало ли что можетъ случиться? Россія отнюдь не *domus secunda* — и еще оттого, что не хотѣлъ вызывать въ людяхъ зависть. Это чувство было ему довольно чуждо, и онъ его считалъ чувствомъ плебейскимъ; но зналъ, что оно очень распространено, какъ всѣ плебейскія чувства.

Получивъ въ іюнѣ отъ придворной конторы приглашеніе пріѣхать въ Ораніенбаумъ и въ Петергофъ, Штелинъ не трубилъ объ этомъ по столицѣ. Кому же необходимо было сообщить, скромно объяснялъ, что берутъ его какъ бібліотекаріуса, да еще для обсужденія вопроса о предстоящихъ коронаціонныхъ торжествахъ, и видъ принималъ такой, точно приглашеніе ему тягостно. Онъ самъ толкомъ не зналъ, для чего его пригласили, и хотя гордился честью, но дѣйствительно не такъ ужъ радовался приглашенію. Работы у него было очень много: къ обычнымъ дѣламъ прибавились еще ода, надпись для транспаранта на иллюминаціонныхъ торжествахъ и другое такое же. Правда, работать можно было и въ Ораніенбаумѣ, однако зналъ по опыту: дома удобнѣе.

Вдобавокъ, его смущали и огорчали разные тревожные слухи, все упорнѣе ходившіе по столицѣ. Нѣмцы шопотомъ говорили, что у кайзеринъ есть своя партія, что на ея сторонѣ нѣкоторые гвардейскіе полки и что могутъ произойти серьезныя событія. Императрица

была по рожденію нѣмка, тѣмъ не менѣе, лица у нѣмцевъ при передачѣ такихъ разсказовъ становились серьезныя и печальныя. Профессоръ Штелинъ слушалъ съ досадою, но не возражалъ. Его всегда задѣвало то, что нѣмцы себя выдѣляли, и что ихъ выдѣляли другіе, изъ общей массы вѣрноподданныхъ гражданъ. Фамиліи у людей, которыхъ считали людьми кайзеринъ, были почти исключительно русскія, — это ничего не значило. Зачѣмъ забѣгать впередъ? Зачѣмъ заранѣе опасаться какихъ-то гоненій? Профессоръ Штелинъ трусомъ никогда не былъ. Напротивъ, онъ былъ человекъ мужественный и не очень испугался бы настоящихъ опасностей, какъ война, болѣзнь или моръ. Однако съ неудовольствіемъ замѣчалъ, что и на него дѣйствуетъ чужая безпричинная тревога. Разъ даже спросилъ себя, не слишкомъ ли *ангажировался* съ партіей царя Петра. Сомнѣніе было нелѣпое, но онъ почти пожалѣлъ, что принялъ на себя руководство коронаціонными торжествами. Впрочемъ, тотчасъ отогналъ отъ себя эту мысль. Рѣшилъ въ Ораніенбаумѣ, закончивъ оду и транспарантъ, заняться большою, давно намѣченной научной работой.

На случай отъѣзда въ путешествіе, у профессора Штелина былъ разъ навсегда составленный списокъ вещей, которыя нужно брать въ дорогу. Онъ все дѣлалъ основательно, не обращая вниманія на обычныя русскія насмѣшки надъ нѣмецкой аккуратностью. Въ числѣ многихъ предметовъ, надъ которыми размышлялъ профессоръ Штелинъ, былъ и вопросъ объ особенныхъ чертахъ и свойствахъ разныхъ народовъ. Поддѣлываясь немного (не слишкомъ) подъ тонъ своихъ русскихъ товарищей, онъ порою и самъ вслухъ посмѣивался надъ чертами нѣмцевъ, — частью какъ нѣмецъ, частью со стороны какъ русскій. Но про себя посмѣивался и надъ людьми, у которыхъ эти черты вызывали шутки и острооты. Думалъ, что его русскіе товарищи о нѣмцахъ судятъ по наблюденіямъ надъ ремесленниками Васильев-

скаго острова. Зналъ, что исторія германскихъ странъ полна всевозможныхъ крайностей и неожиданностей болѣе, чѣмъ какая-либо иная; находилъ также, что между его русскими товарищами есть такіе спеціалисты аккуратности, какихъ среди нѣмцевъ не сыщешь; а главное, не понималъ, что же здѣсь собственно худого или смѣшного? Человѣкъ встаетъ каждый день въ семь часовъ утра и, вставая, знаетъ, что будетъ дѣлать въ теченіе дня, знаетъ, гдѣ будетъ ѣсть, кого повидаетъ, надъ чѣмъ будетъ работать, когда ляжетъ спать, — ничего тутъ нѣтъ стоящаго осужденія или насмѣшки, хотя бы и благодушной. И не болѣе ли заслуживаетъ осужденія русская черта: думать, будто ихъ, русскихъ, никто не понимаетъ, а они, русскіе, всѣхъ иностранцевъ насквозь видятъ. Ихъ же широкія натуры — это въ сущности любовь къ скандаламъ.

Въ дорожномъ спискѣ значилось все необходимое изъ бѣлья, платья, обуви, походная аптечка, картузь виргинскаго табаку, порошокъ француза Детардіу для изведенія мышей, клоповъ и прочей гадины, впрочемъ на этотъ разъ ненужный, ибо ѣхать было недалеко, и останавливаться на станціяхъ не предполагалось. Книгъ профессоръ Штелинъ захватилъ на цѣлый мѣсяць (а на мѣсяць ему требовалось книгъ немало). Взялъ большой запасъ бумаги, карандашей, перьевъ. Взялъ и бутылку мушкетеля, — любилъ это вино. Уѣзжалъ не безъ удовольствія: лѣтомъ на морѣ очень хорошо. Но и жаль было оставлять свой уютный, прекрасно устроенный домъ.

Въ ораніенбаумскомъ дворцѣ ему отвели небольшую комнату во фрейлинскомъ флигелѣ. Другихъ людей приблизительно одного ранга съ нимъ устроили лучше, да и то они ворчали и ругались. Профессоръ Штелинъ не ругался; это было не въ его привычкахъ, особенно во дворцахъ. Однако, умываясь съ дороги, думалъ, что, быть можетъ, поворчатъ слѣдовало бы. Нехорошо, конечно, имѣть славу неуживчиваго, всѣмъ

недовольнаго человѣка, но у скромности есть и худая сторона: если приучить людей къ тому, что ты ничего не требуешь и ни на что не жалуешься, то они понемногу придутъ къ мысли, что ничего требовать, ни на что жаловаться ты и не имѣешь права. Напротивъ, надъ людьми требовательными, сбидчивыми, всегда себя восхваляющими, сначала посмѣются, а потомъ что-то останется вродѣ мысли: можетъ, и въ самомъ дѣлѣ замѣчательные люди, и во всякомъ случаѣ лучше ихъ не трогать.

Онъ робко попросилъ у лакея чаю; принесли не сразу, а черезъ полчаса. Къ царскому столу его не звали, — можетъ, еще позовутъ въ послѣднюю минуту? Повѣсилъ въ шкапъ три кафтана, — дверцы шкапа раскрывались отъ всякаго толчка, — разложилъ въ комодѣ бѣлье, на столѣ книги, бумагу, перья, карандаши. Спросилъ чернилъ, — лакей только посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и обѣщаль сказать въ конторѣ. Впрочемъ, садиться за работу Штелину еще не хотѣлось. Онъ вышелъ изъ дворца, осмотрѣлся, съ наслажденіемъ вдохнулъ воздухъ, — съ моря дулъ вѣтерокъ, — и сказалъ, вслѣдъ за Петроніемъ: «Valete cunae». Погода была превосходнѣйшая. Профессоръ Штелинъ говорилъ друзьямъ, что красоты природы всегда умиротворяютъ его душу, — друзья же думали, что, быть можетъ, и душа у него не такая бурная.

Онъ погулялъ, зашелъ въ крѣпость Петерштадтъ, осмотрѣлъ мѣдныя однофунтовыя пушки, побывалъ на галерахъ, заглянулъ и въ новый дворецъ, тотъ что былъ устроенъ въ крѣпости. Дворцы, золото, расписные плафоны, штучные полы, дорогіе штѣфы, рѣзного дерева двери, умиротворяли его душу еще болѣе, чѣмъ натура. Погулявъ съ часъ, онъ вернулся. Приглашенія къ царскому столу все не было. Подумалъ, что общество сильныхъ міра сего ему не нужно; но самъ же себѣ отвѣтилъ, что было бы пріятнѣе такъ думать, постоянно бывая въ обществѣ сильныхъ міра сего. Впрочемъ, онъ на это пожаловаться не могъ, — вѣрно, престо забыли.

Можно было, конечно, пообѣдать бесплатно во дворцѣ, со служащими придворной конторы, или съ голштинскими офицерами. Но профессоръ Штелинь призналъ это для себя не подходящимъ и, не пожалѣвъ денегъ, отправился въ гербергъ у Катальной горки. Выпилъ рюмку гданской водки, закусилъ размоченной въ молоко и въ меду гусиной печенкой, заказалъ глазированную семгу, ветчину съ горошкомъ и съ фисташками, сладкій дутый пирогъ.

Рядомъ съ нимъ обѣдали молодые офицеры Астраханскаго полка, занимавшаго караулы въ Ораніенбаумѣ. Онъ одобрительно на нихъ поглядывалъ; относился вообще весьма благожелательно къ начинающимъ карьеръ людямъ: когда могъ, всегда помогалъ и молодымъ ученымъ, зная, что отъ нихъ отчасти будетъ зависѣть его посмертная слава. Но разговоръ офицеровъ очень ему не понравился: безъ малѣйшаго стѣсненія, нисколько не понижая голоса, они ругали порядки, всячески поносили нѣмцевъ, въ особенности, голштинскія войска, и говорили, что скоро придетъ всему этому конецъ. Обидѣться профессоръ Штелинь не могъ: какъ было офицерамъ знать, что онъ нѣмецъ? на лицѣ не написано. Но онъ огорчился, — откуда такая злоба у людей и что имъ сдѣлали нѣмцы? Его сынъ служилъ въ голштинской артиллеріи, былъ прекрасный офицеръ, всей душой преданный царю и Россіи: если опять будетъ война, исполнить свой долгъ не хуже коренныхъ русскихъ, — чего же хотятъ эти люди? А главное, его встревожило то, съ какой безцеремонностью все это говорилось: вѣдь если на лицѣ не написано, что нѣмецъ, то и не написано что за человекъ, — вдругъ шпионъ или доноситель? Профессоръ Штелинь опять подумалъ, что тутъ все очень неустойчиво, и снова съ тревогой себя спросилъ, не слишкомъ ли онъ ангажировался съ нынѣшнимъ дворомъ?

Не доѣвъ дутаго пирога, онъ вышелъ изъ герберга. Въ видѣ порицанія офицерамъ, не приподнялъ, уходя, шляпы, что непременно сдѣлалъ бы, если-бъ

ихъ рѣчи не были таковы. И тутъ же себѣ сказалъ, что разстраиваться изъ за этого не слѣдуетъ. Мудрый Гораций училъ *populi contempere voces*.

Дѣлать ему было собственно нечего. Собирался, вернувшись, поработать надъ надписью, но теперь прошла охота. Онъ остановился у театра-комедіи: не зайти ли, право, отъ скуки? Сторожъ однотоннымъ равнодушнымъ голосомъ повторялъ, что сейчасъ шпрыггеры, штукмейстеры, балансеры, позитурные мастера дадутъ отличное представленіе, покажутъ фокусъ-покусы, тѣлодвиженія, шпрынгмейстерскія дѣйствія, а машинка, сдѣланная кинарейкой, пропоетъ какъ живая; и что подлые люди въ гнусномъ платьѣ никто въ театр-комедію впущены не будутъ, а съ купечества брано будетъ по полуполтиннику, съ благородныхъ же — по ихъ изволенію. Профессоръ Штелинь пожалъ плечами: къ чему подобное раздѣленіе въ благоустроенномъ государствѣ? Подумалъ, что въ Лейпцигѣ или въ Меммингенѣ, ежели бы «по изволенію», то всѣ входили бы, не платя ни гроша. А здѣсь все строится на амбиціи! Не сочувствуя этому и не слишкомъ интересуясь шпрынгмейстерами, отправился домой.

Когда онъ подходилъ ко дворцу, къ главнымъ воротамъ быстро подъѣхала высокая вѣрообразная карета, запряженная четверкой взмыленныхъ коней. Лакей соскочилъ съ запятокъ, отбросилъ подножку. Изъ кареты вышелъ графъ Буркгардтъ Минихъ. Голштинскіе часовые вытянулись. Фельмаршалъ быстро прошелъ во дворецъ. Въ его пріѣздѣ ничего неожиданнаго не было: онъ довольно часто бывалъ у царя. Тѣмъ не менѣе тревожное чувство у профессора Штелина безъ причины очень усилилось. «Что-то у него странное лицо! Или мнѣ такъ показалось?»

Онъ поднялся по лѣстницѣ фрейлинскаго корпуса въ свою комнату; прежде всего взглянулъ на столъ, чернильницы не было, — только вздохнулъ. Къ счастью, были карандаши. Штелинь за сѣлъ за работу. Несмотря

на тревожное чувство, рѣшилъ потрудиться надъ надписью къ транспаранту. Въ основу положилъ ту, что была приготовлена для Воронцовскаго бала, но кое-что хотѣлъ передѣлать. Сталъ писать карандашемъ на большомъ листѣ золотообрѣзной бумаги (жаль было изводить такую бумагу на карандашный черновикъ):

«О вы, Нева, Москва и всѣ Россійски рѣки,
Теките радостно въ златые наши вѣки,
Какъ простираетъ власть надъ вами Третій Петръ,
Великодушень, добръ, правдивъ, возлюбленъ, щедръ»...

Работа, почти всегда успокаивавшая профессора Штелина въ тревожныя минуты, на этотъ разъ не произвела на него умиротворяющаго дѣйствія. Надпись не подвигалась. Онъ съ досадой отложилъ сломавшійся какъ на зло карандашъ и не безъ труда перешелъ отъ русскаго высокаго штиля къ мыслямъ нѣмецкимъ и обыкновеннымъ. «Да что же случилось? Приѣздъ графа Миниха? Въ этомъ ничего необычнаго нѣтъ. Его видъ?...» Профессоръ Штелинъ, знавшій всѣ секреты хорошей литературной рѣчи, сказалъ было мысленно, что глаза графа Миниха метали молніи. Но это было въ высокомъ штилѣ, — если бъ писать историческій трудъ, то такъ, конечно, и надо было бы сказать. Въ дѣйствительности же, молній глаза Миниха не метали. Видъ у него, однако, былъ грозный, — «точно онъ какъ дряхлый папа Сикстъ V, выпрямившійся въ минуту, когда его избрали папой, и запѣвшій «Te Deum» громopodobнымъ голосомъ! Да Богъ съ нимъ, съ Минихомъ. Was ist los?» — подумалъ онъ, — «Какое мнѣ дѣло до его вида! Допустимъ, что этотъ безразсудный старикъ, которому мало одного эшафота, рѣшилъ теперь рискнуть другимъ, при чемъ же тутъ я?»

Профессоръ Штелинъ могъ со всей искренностью сказать, что онъ тутъ совершенно ни при чемъ. Переворота онъ не хотѣлъ, терпѣть не могъ переворотовъ, потрясеній, кровопролитія. Вдобавокъ, несмотря на

нѣкоторыя мелкія огорченія, былъ вполнѣ доволенъ царемъ. «Но допустимъ», — подумалъ онъ, — «допустимъ самое худшее. Допустимъ, что сумасшедшій старикъ пріѣхалъ сюда производить какой-то переворотъ, что на престолъ взойдетъ государыня, хотя этого избави Богъ. Развѣ я тогда буду преступникъ или злодѣй? Никоимъ образомъ. Мнѣ до всего этого нѣтъ дѣла, и я это честно объясню, и буду дальше работать на общую пользу, кто бы ни сидѣлъ на престолѣ. А если съ штандпункта сумасшедшаго старика это неблагогородно, то пусть онъ думаетъ все что ему угодно»....

Профессоръ Штелинъ чуть было, вопреки своему обыкновенію, не сказалъ: «пусть онъ идетъ къ чорту!» Онъ понималъ, что съ штандпункта старика его позиція могла въ самомъ дѣлѣ показаться неблагогородной. Но вѣдь штандпунктъ былъ очень глупый. Штелинъ справедливо считалъ себя человѣкомъ весьма порядочнымъ, — дай Богъ, чтобы такихъ было вездѣ побольше. Онъ никому зла не желалъ и, въ мѣру возможнаго, вла не дѣлалъ, служилъ музамъ наукъ и искусствъ, служилъ съ большою пользою для музъ и для Россіи, которую считалъ второй родиной, хотъ многому въ ней все еще удивлялся и не ко всему могъ привыкнуть. Совершенно ясно, что отъ профессора, отъ служителя музъ нельзя требовать того, чего требуешь отъ стараго война («даже если этотъ воинъ и не сумасшедшій»). Кромѣ того, наряду съ обязанностями въ отношеніи государства есть обязанности въ отношеніи семьи, родныхъ, самого себя. «Мнѣ до ихъ исторій нѣтъ ни малѣйшаго дѣла», — подумалъ онъ и провѣрилъ себя: чего хочетъ? Хочетъ здоровья и счастья женѣ, сыну, самому себѣ. Худо это? Нисколько не худо. Хочетъ денежнаго благополучія, — что-жъ, для того, чтобы истратить все на развратъ, на прелестницъ, на шипучее вино? Нѣтъ, неправда: для того, чтобы обезпечить своей семьѣ безбѣдное, спокойное, достойное существованіе. Худо это? Нисколько не худо. Для сохраненія же этого что нужно? Вовсе не нужно подличать, обманывать, пресмы-

каться, — къ этому снѣ былъ почти неспособенъ. Нужно лишь ладить съ людьми, ни съ кѣмъ особенно не ангажируясь, держаться подалѣе отъ безразсудныхъ дѣлъ, не злить другихъ, не забывать себя, да еще изрѣдка говорить и писать условныя, ничего въ сущности не значащія, слова, вродѣ того, что Нева, Москва и всѣ Россійски рѣки текутъ радостно въ золотыя наши вѣки. Противъ этого рѣшительно ничего нельзя возразить, и такъ во всѣ времена поступало громадное большинство людей, въ томъ числѣ люди почтенные и знаменитые. Проживешь свой вѣкъ честно, безъ крови и безъ грязи, безъ Пелымовъ и безъ эшафотовъ. Это и есть тайна земного счастья. Такъ и тебѣ дадутъ возможность дѣлать въ жизни твое малое — а можетъ быть, и не совсѣмъ малое — дѣло. «Sors tua mortalis, non est mortale quod optas», — подумалъ профессоръ Штелинь, и гордость наполнила его душу. Не желая поддаваться нехорошему чувству, онъ пододринулъ къ себѣ золотообрѣзный листъ, очинилъ карандашъ и принялся за работу.

XVI.

Деньгиплыли быстро, и Михайловъ старался заглядывать въ кошелекъ возможно рѣже. Но Машка, повидимому, знала состояніе кошелька и становилась суровѣе. Это впрочемъ мало его огорчало: погуляли по господски, и будетъ. Къ тому же, подходилъ къ концу и отпускъ.

Тѣмъ временемъ на престолъ неожиданно-негаданно вступила царица. Вначалѣ была большая тревога, особенно изъ за того, что никто долго ничего не могъ понять. Первые слухи принесъ сторожъ съ рогаточнаго караула на заставѣ, свой человѣкъ. Понизивъ голосъ, онъ сообщилъ кабатчику, что бѣда: царица подняла бунтъ, сбѣжала изъ Петергофа, царь пустился за ней, да не догналъ. Толкомъ и сторожъ ничего не зналъ. Говорилъ, однако, что самъ утромъ видѣлъ государыню: изволила проѣхать въ коляскѣ, лошади замученныя, взмыленные, а рядомъ съ государыней — преображенскаго полка капитанъ, ростомъ съ колокольню, косая сажень въ плечахъ. Сторожъ былъ человѣкъ глупый и вдобавокъ враль. Кабатчикъ обругалъ его дуракомъ и грозно приказалъ замолчать. Михайловъ было прислушался, но не разобралъ: ужъ очень онъ много выпилъ въ этотъ день.

Затѣмъ стали приходять новые слухи, одинъ непонятнѣе другого. Сторожъ не совралъ: царица пошла войной противъ царя. По почтовой дорогѣ проносились коляски, въ нихъ сидѣли все важные господа, и видъ у нихъ былъ встревоженный или даже испуганный. Проскакалъ куда-то галопомъ кавалерійскій отрядъ. Къ вечеру недалеко отъ заставы раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, — потомъ оказалось, палили

караульщики, прошедшіе по дорогѣ съ еще не зажженными фонарями. Хозяинъ почему-то рѣшилъ: двери на запоръ, — кто хочетъ, ступай прочь, а кто остается, такъ и будетъ сидѣть взаперти сколько потребуется. Никто почти не ушелъ.

Въ кабачкѣ люди обсуждали дѣло. Общее сочувствіе, особенно у женщинъ, было на сторонѣ царя: гдѣ же видано, чтобы жена шла противъ мужа! — «Помяни мое слово, *заточитъ* ее царь въ монастырь. Велитъ постричь и *заточитъ*», — говорилъ другой завсегдаятай, стряпчій, щеголявшій ученымъ словомъ. — «Еще можетъ и того хуже статься», — замѣтилъ кто-то и, видимо, самъ испугался своихъ словъ, хотъ люди все были знакомые. Хозяинъ мрачно на него покосился, но ничего не сказалъ.

Подъ вечеръ кабатчикъ, убѣдившись, что на дорогѣ ничего страшнаго нѣтъ, кое-какъ, съ помощью Машки, отвелъ Михайлова въ его комнату. Отъ долгаго пьянства и отъ господской ѣды Михайловъ ослабѣлъ и въ послѣднія ночи безпробудно спалъ дольше, чѣмъ обычно. На этотъ же разъ проспалъ особенно долго, и когда проснулся, оказалось, что были и прошли большія дѣла: матушка-государыня побѣдила. Ничего важнаго онъ такъ и не видѣлъ; не видѣлъ ни проѣхавшей верхомъ въ гвардейскомъ мундирѣ царицы, ни войскъ, прошедшихъ въ направленіи къ Петергофу. Небольшіе отряды еще шли то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, проносились всадники съ радостно-озабоченнымъ видомъ, толпы народа, солдатъ и вольныхъ, ревѣли у заставы: «Да здравствуетъ государыня императрица! Ура!...» Хозяинъ чуть не рвалъ на себѣ волосы: оказалось, что государыня закочевала отсюда въ нѣсколькихъ верстахъ въ Красномъ кабачкѣ, — вѣдь могла же остановиться и у него!

Выпили и почесали языкъ съ добрыми людьми, всѣ радовались побѣдѣ матушки-царицы. Отъ событій или по другой причинѣ, стало очень весело. Къ вечеру о государственныхъ дѣлахъ больше не говорили. Маш-

на пѣла и плясала, кто-то бренчалъ на гитарѣ, не такъ, какъ лаеши, но не худо, и снова лилась водка. Дорожили теперь курьеромъ въ кабачкѣ какъ будто меньше. Хозяинъ даже дружески попросилъ его перейти во вторую комнату: изъ проѣзжавшихъ по почтовой дорогѣ господъ многіе останавливались, заходили перекусить, выпить. Обида Михайлова потонула въ винѣ. Зная, что деньги идутъ къ концу, онъ рѣшилъ напоследокъ гулять во всю. Машка очень его въ этомъ поддерживала, и еще довольно долго шло господское житье.

Какъ-то проснувшись въ двѣнадцатомъ часу съ головной болью, онъ увидѣлъ, что Машка сидитъ у стола и раскладываетъ деньги изъ кошелька. Это его разсердило. Нисколько не смутившись, она объявила, что у нихъ осталось девять рублей съ копейками. — «Охъ вретъ, скверная баба!» — подумалъ Михайловъ. Считалъ естественнымъ, что Машка, какъ всѣ люди, желаетъ поживиться гдѣ и когда можно; но было бы лучше, если-бъ она, какъ слѣдуетъ, приласкалась и попросила у него денегъ, а не лѣзла тайкомъ въ его кошелекъ. — «Свой кошель припаси и какъ хошь тряси», — сердито сказалъ онъ и сообщилъ, что идетъ въ городъ: дѣло, а какое дѣло, не объяснилъ, въ знакъ неудовольствія. Ей не было извѣстно, что у него еще есть пятьдесятъ рублей въ Канцеляріи. — «Хозяину должны три рубли семьдесятъ копѣекъ», — холодно сказала Машка. — «Велики деньги!» — проворчалъ онъ съ презрѣніемъ и вышелъ.

Улицы были полны народа. Было еще весело, особенно оттого, что никакого порядка: но первое веселье уже проходило. Женщина, видимо солдатка, предложила Михайлову изъ подъ полы вино. Онъ сухо отказался, догадываясь, что бутылка изъ разграбленныхъ погребовъ: по своей честности, краденаго терпѣть не могъ. Вдобавокъ, его угнетала мысль о безъ толку истраченныхъ деньгахъ, о концѣ господскаго житья.

Становой кафтанъ его былъ уже грязень, а серебряные часы стояли.

Въ канцеляріи онъ обратился за деньгами къ расходчику не безъ робости, улучивъ минуту, когда въ комнатѣ никого больше не было. Старичокъ изумленно на него уставился и, вопреки своему обычаю, молчалъ довольно долго. Затѣмъ прожурчалъ: «Все, братецъ, пропиль?» — «Все не все», — отвѣтилъ смущенно Михайловъ. Къ пріятному его удивленію, расходчикъ нашель, что онъ хорошо сдѣлалъ: «Ну, что-жъ, зато погулялъ въ свое полное удовольствіе. Много ли, братъ, толка отъ денегъ? Вотъ ты хотѣлъ бросить службу, — ужъ чего хорошаго? А теперь будешь дальше служить» — онъ хотѣлъ было сказать «батюшкѣ царю», но спохватился и сказалъ: «матушкѣ государынѣ», — «развѣ не хорошо? Добрая у насъ царица, дай ей Богъ счастья и здоровья»...

Расходчикъ поговорилъ минутъ десять, затѣмъ отсчиталъ пятьдесятъ рублей, стараясь не глядѣть на изображеніе царя Петра Федоровича. — «Ну, а все, это бы сберегъ», — полувопросительно сказалъ онъ Михайлову и добавилъ, что въ концѣ недѣли надо будетъ ѣхать въ Казань. — «Значить, будь, братъ, готовъ». — «Слушаю, Егоръ Ивановичъ», — отвѣтилъ Михайловъ, пріободрившись. Слова расходчика его немного успокоили. «Ну, что-жъ, въ Казань, такъ въ Казань. Всю жизнь ѣздилъ и дальше буду ѣздить», — подумалъ онъ и опять вспомнилъ Кіевъ.

У выхода ему встрѣтились быстро шедшіе, почти бѣжавшіе, канцеляристы. Они тихо, какимъ-то восторженно-отчаяннымъ шопотомъ, сказали, что въ Ропшѣ прошлой ночью скоропостижно скончался бывшій царь Петръ Федоровичъ, — только что пришло извѣстіе: впалъ въ прежестокую колику и скончался! Михайловъ, блѣднѣя, снялъ шапку и перекрестился. Спрашивать ни о чемъ не сталъ, понялъ, что тутъ дѣло не чисто; да и канцеляристы побѣжали дальше, торопясь сообщить извѣстіе другимъ.

Машка въ кабачкѣ плясала съ какимъ-то человѣчкомъ, не изъ простыхъ и не изъ благородныхъ: вѣрно, какой чиновникъ не изъ важныхъ, писарь или справщикъ. Это было непріятно Михайлову, хотъ она ему надоѣла. Занялъ мѣсто вблизи хозяйской стойки и громко сказалъ хозяину: «Подай-ка, братецъ, *моей*... Да за мной долгъ? Сколько?...» Вынулъ кошелекъ и сталъ небрежно считать золотые. Машка, проносясь по срединѣ комнаты, взглянула на него изумленно. Михайловъ заказалъ себѣ то, что она любила: гусиные полотки, миндальные ядра. Выпилъ залпомъ полстакана пуншевой. Сразу стало легче. Прошла какъ будто и головная боль. Черезъ минуту Машка подошла къ столу и нерѣшительно сказала, что ей постыль эттъ писаришка, да онъ, вѣрно, сейчасъ уйдетъ. Михайловъ ничего не отвѣтилъ съ видомъ полнаго равнодушія, — ни сержусь, ни не сержусь, всего обиднѣе для бабы, — и велѣлъ подать жаркого одну порцію. Машка отошла.

Хозяинъ поманилъ Михайлова въ дальній уголъ и шопотомъ спросилъ: «Слышалъ?» — «Слышалъ», — отвѣтилъ, снова блѣднѣя, курьеръ. — «А кто, знаешь?» Курьеръ отрицательно покачалъ головой и остолбенѣлъ отъ ужаса, узнавъ что государя задушилъ тотъ самый, съ рубцомъ на щекѣ, офицеръ-великанъ, который бывалъ въ кабачкѣ.

Принесли жаркое, Михайловъ еле къ нему прикоснулся, но пилъ стаканъ за стаканомъ. Машка подъ разными предлогами раза два подходила къ его столу, отпивала глотокъ пуншевой съ такимъ видомъ, будто это само собой, и отпускала ему игривыя улыбки. Однако, со своими большимъ опытомъ чувствовала, что напрасно старается: кончено. Это было ей обидно: для чего деньги достанутся другой или жулику-кабачкику? Къ тому же, курьеръ ей нравился: хотъ мужикъ, а въ душѣ почище барина. Михайловъ не глядѣлъ на нее и думалъ, что можно съ Машкой, можно безъ Машки, и можно пропить двѣсти рублей, и все вообще можно, если умѣючи, какъ господа, какъ тотъ страшный

Капитанъ, который задушилъ царя и за это осыпанъ золотомъ. Потомъ была пьяная драка съ писаремъ. Потомъ они помирились, онъ заказалъ еще бутылку, за ней другую. Михайловъ пилъ и блаженно думалъ, что все полбѣды, что все трынъ-трава, что Машка вретъ — не въ однихъ деньгахъ дѣло, — что есть на свѣтѣ счастье, хоть отъ него болитъ голова, — и что это счастье — пуншевая водка.

XVII.

Въ болѣзни профессора Ломоносова опять произошло ухудшеніе. По настоянію Елисаветы Андреевны, къ нему ѣздили лѣкари, все самые лучшіе, что учились и работали при гошпиталѣ. Въ послѣднее время пріѣзжалъ старый лѣкарь, помнившій еще аптекарскаго боярина, ученикъ самого Бидлоо, сбѣжавшій отъ него въ молодости по причинѣ тяжкихъ побоевъ. Онъ не отставалъ отъ успѣховъ европейской науки, умѣлъ щупать пульсъ и зналъ, какъ лѣчить всѣ двѣ тысячи четырехста болѣзней. Ломоносовскую болѣзнь относилъ къ классу второму, къ порядку первому, и только насчетъ шпеціи сомнѣвался: шестая или седьмая? Лихорадку же, считая не гуморальной, лѣчилъ маковымъ декохтомъ, дусамеромъ и драконовой кровью. Ломоносовъ слушалъ его угрюмо, а иногда говорилъ нехорошія слова, впрочемъ не изъ самыхъ страшныхъ. Лѣкарь не обижался; зналъ вдобавокъ, что могутъ послѣдовать и слова самыя страшныя.

Видъ у лѣкаря былъ подчеркнуто-успокоительный. Онъ очень совѣтовалъ уѣхать въ чужіе края на теплыя воды: говорилъ, что болѣзни второго класса тамъ вылѣчиваются легко, особенно если подтвердится, что это шпеція шестая, *erhemega a phlogosi*, а не седьмая, *erhemega anglica*. Обычно въ концѣ визита Елисавета Андреевна дѣлала ему *еле замѣтный* знакъ, который можно было увидѣть за версту, и лѣкарь, глядя въ сторону, говорилъ, что при всѣхъ безъ изъятія шпеціяхъ перваго порядка второго класса болѣзней пуще всего надо избѣгать горячительныхъ напитковъ. Однако носъ у него былъ красный, и говорилъ онъ это нѣсколько менѣе увѣренно, чѣмъ все другое.

Затѣмъ Елисавета Андреевна, тоже совершенно незамѣтно, уводила его въ другую комнату, и не въ сосѣднюю, а подалѣе, или въ сѣни, и возвращалась къ больному не скоро, съ такимъ же успокоительнымъ видомъ, но со слѣдами слезъ на лицѣ. Сообщала радостно, что лѣкарь не нашелъ ничего дурного, надо только отдохнуть и, главное, ни одной капли спиртного. Наивность жены больше почти не раздражала Ломоносова. Не раздражалъ даже ея нѣмецкій говоръ. Думалъ, что, какая бы она ни была, а вѣрно прослужила ему много лѣтъ, и вся жизнь прошла съ нею, и нѣтъ на свѣтѣ человѣка, болѣе ему близкаго и преданнаго. Онъ притворялся, что вѣритъ ей и лѣкарю. Про себя же понималъ, что дѣло его плохо. Шестая ли шпеція или седьмая, а весь вопросъ, — сколько: годъ? два? или мѣсяцы? Отъ этого многое зависѣло и для его работъ: надо хоть кратко, хоть нѣсколькими словами, записать то, что еще нужно оставить наукѣ и Россіи.

Въ началѣ іюля онъ почувствовалъ себя совсѣмъ худо. Лѣкарь это приписывалъ жаръ и долгой бессонницѣ отъ бѣлыхъ ночей. Самъ же онъ думалъ, что болѣзнь его ухудшилась отъ событій въ государствѣ. Ломоносовъ мало зналъ низложеннаго государя и совсѣмъ не зналъ новой царицы. Слышалъ, что она женщина очень умная и образованная. О Петрѣ Федоровичѣ этого не говорили даже тогда, когда онъ былъ всемогущъ. Слѣдовательно, были основанія радоваться событіямъ. Ходили также слухи, будто теперъ владычеству нѣмцевъ придетъ конецъ. Крови было пролито очень мало. Ломоносовъ считалъ переворотъ довольно разумнымъ. Тѣмъ не менѣе событія, особенно убійство царя, потрясли его.

Непонятна ему была въ этомъ дѣлѣ роль графа Миниха. О ней рассказывали чудеса. Говорили, что восьмидесятилѣтній Минихъ одинъ не растерялся во всей компаніи, окружавшей царя (теперь о царѣ говорили безъ стѣсненія): сохранилъ хладнокровіе въ общемъ смятеніи и растерянности и предложилъ смѣлый планъ,

который непременно спасъ бы царя и погубилъ бы царицу, ежели бы Петръ III былъ не Петръ III и передалъ старику всю власть и строго слѣдовалъ его указаніямъ. Фельдмаршалъ тотчасъ заявилъ, что ни въ Ораніенбаумѣ, ни въ Петергофѣ защищаться съ голштинцами противъ взбунтовавшейся гвардіи нѣтъ возможности, а надо отплыть, не теряя мгновенья, въ Кронштадтъ и укрыться за стѣнами и орудіями грозной крѣпости. Когда же, изъ за колебаній, болтни и промедленія, въ крѣпость ранѣе проникли эмиссаріи царицы, Минихъ умолялъ Петра Федоровича высадиться на валу и прямо пойти на бунтовщиковъ въ расчетъ на вѣковое обаяніе престола: русскій солдатъ не рѣшится стрѣлять въ царя. А какъ и это было отвергнуто, съ отчаяніемъ убѣждалъ отплыть на галерѣ въ Ревель, оттуда въ Померанію къ арміи, и съ ней двинуться на столицу: головой ручался, что вдребезги разобьетъ войска императрицы. Да и въ самомъ дѣлѣ у государыни не было полководца, равнаго ему по опыту, искусству и славѣ.

Люди говорили: «ежели-бъ Петръ III былъ не Петръ III»... Но это и удивляло Ломоносова: столь умный государственный человѣкъ, какъ Минихъ, могъ и долженъ былъ знать цѣну царю. Петръ III былъ Петръ III, и никакіе «ежели-бъ» тутъ въ счетъ не идутъ. Играешь въ политическій фараонъ, такъ ставь на вѣрную карту. А главное, зачѣмъ было въ *этомъ* фараонѣ играть? Чего ради графъ Минихъ съ ревностью защищалъ Петра Федоровича? чѣмъ тотъ его прельстилъ? Размышляя надъ этимъ, профессоръ Ломоносовъ пришелъ къ выводу, что графъ Минихъ по природѣ *фараонщикъ*: ему лишь бы азартно сыграть, и играетъ онъ не иначе, какъ *пароли*, все удваивая ставку на картѣ. Такіе игроки часто идутъ въ концѣ по міру. Но во всѣ времена, вѣрно, изъ подобныхъ фараонщиковъ и выходили государственные люди.

Онъ думалъ, что государственныя дѣла и вообще на три четверти состоятъ изъ зла, и развѣ на одну четверть изъ добра. Такъ было въ Россіи, такъ было и будетъ

во всемъ мірѣ. Въ Россіи, пожалуй, жить было даже нѣсколько легче, чѣмъ въ другихъ странахъ, частью изъ за особенностей русскаго характера, частью по безмѣрной величинѣ земли: люди, занимавшіеся дѣлами государства, отравляли жизнь только на небольшихъ участкахъ страны. Но его угнетало это соотношеніе, неизвѣстно кѣмъ и почему установленное. Считалъ въ воображеніи возможной и такую политику, при которой на долю зла приходилась бы лишь десятая доля, а все остальное служило бы добру: миру, народному благу, образованію, здравоохраненію, свободѣ, наукѣ. Думалъ также, что изъ имѣвшихъ власть людей каждый въ отдѣльности и не золь, и не глупъ, и не жестокъ, — за изъятіемъ рѣдкихъ злодѣевъ, вродѣ Бирона. Почему же въ совокупности эти люди служили главнымъ образомъ злу? Вмѣстѣ съ тѣмъ, смутно чувствовалъ, что, ежели-бъ убрать всѣхъ этихъ людей и назначить на ихъ мѣсто другихъ, подобрѣе и поученѣй, то будетъ, пожалуй, еще хуже, а можетъ быть, тогда не останется и Россіи, которая, при нынѣшнихъ, все-же какъ-то ширится, присоединяя къ себѣ новыя земли: правда, при этомъ льется кровь и совершается немало зла, но они не иначе какъ забудутся, а земли останутся.

Чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ становился тоскливѣе, и тѣмъ больше отвращенія у него вызывало все, что онъ, больной, читалъ въ русскихъ и въ иностранныхъ вѣдомостяхъ, *пренумерантомъ* которыхъ состоялъ. Тонъ у вѣдомостей былъ неизмѣнно пріятный, точно все вездѣ шло отлично. Но по существу писали онѣ главнымъ образомъ о злѣ. Добромъ же никто не занимался, и всего наименѣе занимало людей изслѣдованіе истинъ естественности, безчисленныхъ таинствъ натуры. То, чему онъ отдалъ свою жизнь, въ мірѣ отклика почти не вызывало. «Я знакъ безсмертія себѣ воздвигнулъ — Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди, — Что бурный Аквилонъ сотрѣть не можетъ, — Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность»... — съ горькой усмѣшкой онъ вспоминалъ, что въ самомъ

дѣлѣ искренно это думалъ. Но сильные міра такъ же мало о немъ пеклись, какъ о Гораціи его современники, и за него, какъ за послѣдняго мужика, сами все рѣшали: кому править страной, съ кѣмъ править, какъ править. Событія, приключившіяся въ столицѣ, довольно о томъ свидѣтельствовали. И, преодолевая раздраженіе и гнѣвъ, Ломоносовъ твердо себѣ сказалъ: пусть безумный міръ дѣлаетъ все что угодно, — онъ же недолгій остатокъ дней отдастъ одному размышленію.

Въ жаркій іюльскій день, послѣ очереднаго посѣщенія лѣкаря, онъ сидѣлъ у раствореннаго окна и читалъ бывшее у него въ раскольничьемъ спискѣ житіе протопопа Аввакума. Этотъ человѣкъ воплощалъ многое изъ того, что всегда отталкивало Ломоносова. Тѣмъ не менѣе, читая, онъ не разъ испытывалъ и восторгъ, и умиленіе, и гордость: не за себя, а за Россію. Ему попались строки: «А ты мужикъ, да безумнѣе бабъ, не имѣешь цѣла ума. Ну, дѣтей то переженишь, жену-ту утѣшишь, а затѣмъ что? Не гробъ ли? И та же смерть, да не та, понеже не Христа ради, но общій всемірный конецъ. Блаженни умирающіе о Господѣ!... А хотя и бить станутъ или жечь: ино слава Господу Богу о семъ. На се бо изыдохомъ изъ чрева матери своея. А въ огнѣ то здѣсь небольшое время потерпѣть — аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступитъ. Боишься печи той? Дерзай, плюнь на нее, не бойся... Много никоніане людей перегубили, думая службу приносить Богу. Мнѣ сіе гораздо любо: освятилась русская земля кровью мученическою»...

Оттого ли, что этотъ человѣкъ не только такъ говорилъ, но въ самомъ дѣлѣ погибъ на кострѣ, хоть погибъ ради мыслей и чувствъ, совершенно чуждыхъ, даже просто непонятныхъ профессору Ломоносову, или изъ за собственныхъ его размышленій о близости смерти, о тщетѣ жизни, — страница эта чрезвычайно его взволновала: вотъ кто не думалъ ни о высокомъ, ни о среднемъ, ни о подломъ штилѣ, — а какъ писано, и

не вздоръ ли штили! Онъ смахнулъ слезу, опустилъ книгу на колѣни и долго думалъ объ Аввакумѣ, о себѣ: при всемъ различіи, чувствовалъ въ себѣ и какое-то, хотя отдаленное, сходство съ сожженнымъ протопопомъ, надѣявшимся убѣдить міръ, что въ кострѣ — счастье. «Да, «затѣмъ что? не гробъ ли?» А ежели такъ, то что же «превыше пирамидъ и крѣпче мѣди»? Какая-нибудь никтоническая труба? Черезъ десять или много черезъ двадцать лѣтъ устроятъ никтоническую трубу лучше моей. И все испытаніе природы — не та же ли данаидова бочка? Данаиды были наказаны за убійство, — а мы за что же?...» Вспомнилъ однако общія свои разсужденія о неизмѣримой обширности всемірнаго строенія, тѣ мысли, что передумывалъ наново въ день, когда хотѣлъ повторить Рихмановы опыты. «Да, это, быть можетъ, не сотретъ и множество вѣковъ»... Вся его жизнь ему казалась полной мукъ и горя, но было въ ней нѣсколько мгновений счастья, недоступнаго обыкновеннымъ людямъ.

Елисавета Андреевна показала на балконѣ и бодрымъ тономъ сказала, что лѣкарь остался очень доволенъ: лучше, много лучше. Онъ смотрѣлъ на нее и видѣлъ, что лѣкарь сказалъ: хуже, много хуже.

— Что это у тебя, Лизанька? — спросилъ онъ.

— Почта принесли изъ Академія, — отвѣтила она, положила что-то на столикъ и поспѣшно вышла.

Одно письмо было не почтовое, присланное отъ профессора Штелина. Онъ просилъ извинить, что не заходитъ провѣдать болящаго, — непременно зайдетъ на сіихъ же дняхъ, тѣмъ паче, что есть и дѣла: сообщалъ, что назначенъ вѣдать коронаціонными торжествами государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, и попрежнему твердо разсчитываетъ на помощь Михайлы Васильевича въ химической матеріи. «Кое-что малое въ нашихъ прожектахъ придется натурально измѣнить», — писалъ онъ бѣгло, какъ будто не безъ смущенія. Затѣмъ просилъ Михайлу Васильевича скорѣе поправ-

ляться, на радость безчисленнымъ почитателямъ, и ужъ на что другое, а на врачей денегъ не жалѣть, хоть они дорогоньки: *Dat galeus opes.*

Еще былъ иногородній, почтовый пакетъ, пришедшій въ Академію изъ Сибири. Ломоносовъ распечаталъ, — книга, его собственная: «Тамира и Селимъ». Приложенное письмо объясняло, въ чемъ дѣло. Молодые люди играли на театрѣ его трагедію, благодарили сочинителя за доставленное имъ отмѣнное наслажденіе и просили сдѣлать на книгѣ надпись. Адресъ былъ указанъ неизвѣстнаго ему Владиміра Кривцова. Нѣкоторыя, любовныя, мѣста трагедіи были отчеркнуты черными и красными чернилами, какъ будто разной рукой. Изъ этого, да еще изъ того, что подписи на письмѣ были уменьшительныя: Валя, Володя, слѣдовало, что писали влюбленные.

Ему сначала это показалось непріятнымъ. Терпѣть не могъ свою трагедію, написанную когда-то по заказу, въ среднемъ посредственномъ штилѣ, впрочемъ не опускавшемся въ подлость. Написалъ вздоръ, — имъ восхищается вся Россія. А *настоящее* — кому доступно? можетъ, навсегда останется безъ оцѣнки. Странной показалась и беззастѣнчивость молодыхъ людей: незачѣмъ выставлять на показъ сердечныя дѣла и посылать чужому человѣку книгу, служившую для обмѣна нѣжными помыслами. Потомъ ему стало смѣшно, онъ вспомнилъ свою молодость, Марбургъ, усмѣхнулся и написалъ на книгѣ: «Милымъ Валѣ и Володѣ — старый сочинитель».

Елисавета Андреевна лежала у себя въ комнатѣ и плакала. По словамъ мужа, по ласковому выраженію, ей вдругъ стало ясно, что имъ съ лѣкаремъ его обмануть не удалось, что онъ все понимаетъ: знаетъ, что жить ему осталось недолго, и утѣшаетъ ее лаской, и проситъ не поминать худомъ, когда его не станетъ. Не нужно душамъ содержаніе словъ, а нуженъ звукъ ихъ, и сопровождающій ихъ взглядъ. И эти слова:

«Что у тебя, Лизанька?», — «Почта принесли изъ Академія», вѣрно, были самыми важными изъ всѣхъ, какими обмѣнялись они за всю ихъ жизнь.

XVIII.

Тамира, царевна крымская, дочь Муметова, держа въ правой рукѣ кинжалъ, готовилась въ залѣ къ самоубійству изъ за ложнаго извѣстія о гибели Селима, царевича багдатскаго, убитаго на полѣ брани. Эта сцена больше всѣхъ другихъ волновала Валю, ибо и надъ ней, совсѣмъ какъ надъ крымской царевной, нависла было угроза: Володя еще въ прошломъ году, при покойной государынѣ, собирался оставить университетъ и поступить въ конную гвардію, — рвался на войну съ прусскимъ королемъ. Изъ этого тогда ниче не вышло: въ конную гвардію не хотѣли принять семнадцатилѣтняго. Злобствующій же поручикъ Шепелевъ по секрету всѣмъ говорилъ, что не такъ ужъ Володя и рвется. Потомъ Валя вздохнула: царь Петръ Федоровичъ заключилъ съ прусскимъ королемъ миръ, и она была царемъ очень довольна. Но недавно пришли слухи о готовящейся войнѣ съ Даніей, и Валя опять приуныла: Данія была не лучше Пруссіи, теперь Володѣ уже исполнилось осьмнадцать, отъ обѣщаній онъ уклонялся, говорилъ скучныя слова о долгѣ русскаго дворянина, а разъ даже обѣщаль, *обмолвившись*, повергнуть къ ея стопамъ осыпанную алмазами шпагу. Валя долго плакала: она была согласна, чтобы къ ея ногамъ повергли шпагу, да еще осыпанную алмазами, но ей нуженъ былъ Володя, а не шпага. Объ этомъ она и теперь подумала на репетиціи, читая вполголоса:

Я смертию лишь могла, Селимъ, тебя лишиться,
Когда нашъ вѣкъ продлить изволилось судьбѣ...

Репетиціи происходили въ домѣ Полуяровыхъ, гдѣ была хорошая зала. Подготовка представленія

чрезвычайно затянулась и даже была на нѣкоторое время брошена, такъ какъ пересорились актеры; потомъ ее возобновили. Теперь актеровъ мирить крымскій царь Муметь, человекъ постарѣе другихъ — ему было двадцать четыре — и большой дипломатъ. Клеона, мамка Тамирина, два раза отказывалась отъ роли и, вспыхнувъ, говорила, какъ хозяйка, что домъ и залъ къ ихъ услугамъ и далѣе, она будетъ очень рада, и нисколько, ни чуточки не обижена, но сама болѣе выносить все это не хочетъ и не можетъ! Разъ вспылить и Володя; заявилъ, что ежели этотъ господинъ не извинится, то онъ будетъ вынужденъ — не успѣлъ объяснить, къ чему именно будетъ вынужденъ, ибо Муметь призналъ его кругомъ правымъ и заставилъ этого господина, Мамаю, царя татарскаго, — не извиниться, но выразить сожалѣніе. Къ концу подготовки представленія, общее дѣло, живой интересъ къ нему въ городѣ всѣхъ захватили и примирили. Отецъ Вали далъ ей три рубля. Заключивъ заемъ въ рубль у няни, она обзавелась алымъ платкомъ и сшила себѣ зеленое атласное платье. Маруся Полуярова провела тревожную ночь, хоть платья еще не видѣла: ударъ ей готовился лишь къ вечеру представленія. У нея у самой платье было дешевое, камлотовое, — «но вѣдь мамкѣ и нельзя ни въ атласномъ, ни въ гродетуровомъ», — ласково говорила Валя, — «это было бы просто смѣшно»... — «Разумѣется! И вы очень славненькая мамочка!» — энергично подтверждалъ царь Муметь.

Наканунѣ представленія, въ ожиданіи чаю, участники послѣдней репетиціи разбрелись по дому. Маруся шепталась съ матерью въ столовой, хватить ли печенья и достаточно ли будетъ одной бутылки венгерскаго для поручика Шепелева: «остальные вѣдь не пьютъ, и незачѣмъ вамъ дѣтямъ пить», — убѣдительно шептала рентмейстерша. Другіе актеры переодѣвались, смывали съ лица гримъ. Валя и Володя въ залѣ еще отдѣлывали въ послѣдній разъ главную сцену пятаго дѣйствія. Володя ждалъ своего выхода у двери. Валя смотрѣлась

въ зеркало и думала, что и сейчас недурно, а завтра въ атласномъ будетъ совсѣмъ хорошо. Языкъ же ея старательно договаривалъ давно заученный, со всѣми интонаціями монологъ:

... Но нынѣ не хочу и въ смерти разлучиться:
Ты умерь для меня, я слѣдую тебѣ.

Она направила себѣ кинжалъ въ сердце. На прежнихъ репетиціяхъ это движеніе все ей не удавалось. Кинжалъ, доставленный поручикомъ Шепелевымъ, былъ настоящей, она боялась порѣзаться, порвать платье, и жестъ выходилъ нехорошо. По словамъ крымскаго царя Мумета, здѣсь вообще можно было погубить представленіе: надо, чтобы Селимъ выбѣжалъ изъ за кулисъ и схватилъ Тамиру за руку въ то самое мгновеніе, когда ея груди коснется кинжалъ, — а стоитъ ему замѣшкаться хоть на мигъ, и все пропало. Раза два на репетиціяхъ Селимъ дѣйствительно опаздывалъ, — быть можетъ, нарочно, для смѣха, — и всѣ, кромѣ Вали, хохотали до слезъ. На этотъ разъ онъ не опоздалъ. Но вмѣсто того, чтобы схватить ее за руку съ крикомъ: «Я живъ, дражайшая, я живъ и торжествую!» — Володя просто и даже неторопливо отобралъ у нея кинжалъ, обнялъ ее, — у нея какъ-то сама собой запрокинулась голова, — и поцѣловалъ въ губы.

— Сказалъ, что сдѣлаю, и сдѣлалъ! — совсѣмъ тихо прошепталъ онъ. Лицо у него поблѣднѣло.

Потомъ пили чай въ столовой. Было, кажется, весело. Рентмейстерша расщедрилась на двѣ бутылки, выпилъ вина не одинъ поручикъ Шепелевъ. Одни участники представленія говорили, что не находятъ себѣ покоя, что не спятъ вторую ночь; другіе, напротивъ, увѣряли, что имъ совершенно все равно, что они не волнуются ни чуточки, хоть знаютъ заранѣе: будетъ стыдъ и срамъ! Валя не принимала участія въ бесѣдѣ. У нея замирало сердце. Старалась не смотрѣть на Володю,

который тоже былъ очень взволнованъ. Но онъ въ бесѣдѣ участіе принималъ; онъ былъ изъ тѣхъ, кто не волнуются ни чуточки.

Затѣмъ, въ шестомъ часу, Валя, поднялась, и, взглянувъ на Володю, сказала, что у нея *немного кружится голова*. Рентмейстерша непременно хотѣла послать съ ней дѣвушку : нельзя барышнѣ подъ вечеръ идти по городу одной. Валя рѣшительно отказалась: она очень часто гуляетъ одна (всѣ знали, что это неправда). Володя, конечно, понялъ. Онъ понялъ, что она пойдетъ къ бесѣдкѣ надъ рѣкой, въ которой они уже разъ встрѣчались, въ тотъ день, когда послали книгу сочинителю Михайлѣ Ломоносову; понялъ также, что онъ не долженъ выходить съ ней тотчасъ: надо, какъ ни тяжело, выждать еще минутъ десять, чтобы заткнуть глотку Маруськѣ и поручику Шепелеву. Валя расцѣловалась съ Марусей, съ ея матерью, — та все ужасалась: какъ можно? слыханное ли дѣло! — слабо пожала руку Володѣ и ушла. Онъ же поднялся черезъ пять минутъ и сказалъ, что ему еще надо поработать. Оттого ли, что всѣ имѣли твердое мнѣніе о работахъ Володи, или по какой другой причинѣ, кое-кто за столомъ насмѣшливо улыбался. Володя вышелъ съ неприятнымъ сознаніемъ, что хитрость не удалась, что глотка Марусѣ и Шепелеву не заткнута. — «Но и мнѣ, и ей все равно!» — рѣшительно сказалъ себѣ онъ.

Они стояли надъ рѣкой, цѣловались и говорили тѣ слова, ради которыхъ стоитъ жить. Володя обѣщалъ не поступать въ конную гвардію и не идти на войну съ Даніей. Сказалъ, что будетъ просить ея руки черезъ годъ, когда кончитъ курсъ, и добросовѣстно добавилъ «или черезъ два», не вполнѣ увѣренный въ своихъ успѣхахъ. Сказалъ, что по окончаніи курса у него будетъ положеніе, будутъ деньги, и они поселятся въ Санктъ-Петербургѣ или въ Москвѣ или, быть можетъ, онъ станетъ дипломатомъ и увезетъ ее въ чужіе края. Ей было все равно: Санктъ-Петербургъ, Москва, чужіе края, лишь бы съ нимъ!

Стало темно. По пустынной улицѣ Володя провожалъ ее къ генеральскому дому. Имъ встрѣтился знакомый красноглазый ямщикъ-вогуль. Онъ поклонился имъ въ поясъ и, въ отвѣтъ на слова: «Здорово, братъ, что новенькаго?», въ разсѣянности произнесенныя Володей, сказалъ, что въ Россіи править уже не царь, а царица. — «Что ты, братъ, врешь? Скипидару нахлестался!» — замѣтилъ Володя. Валя же не обратила вниманія на слова вогула, да и не слышала. Не доходя до будки, они расстались, изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ. — «Теперь связаны мы навсегда!» — прошепталъ Володя. Поцѣловаться было совершенно невозможно, — будочникъ увидитъ, — но они поцѣловались. Вогуль смотрѣлъ имъ вслѣдъ и одобрительно думалъ, что это умная дѣвушка: не останется старой дѣвой и не будетъ съ ней того, что случилось съ его бѣдной, несчастной сестрой, которую превратилъ въ лихорадку великій, гнѣвный Воршудъ.

Дома Валю немедленно позвали въ кабинетъ отца. По тревожному выраженію на лицѣ няни, Валя поняла, что ей сильно достанется. Въ кабинетѣ были зажжены не двѣ, а четыре свѣчи. Мать говорила долго и сурово: Валя окомпрометировала всю семью за ней въ шесть была послана къ Полуяровымъ горничная, Полуяровы сказали, что у нея закружилась голова и что она ушла домой, а было это два часа тому назадъ, теперь девятый! Гдѣ она была? Понимаетъ ли она, что она сдѣлала? Понимаетъ ли она, что о нея и о нихъ обо всехъ скажутъ? Отецъ, сидѣвшій за письменнымъ столомъ, поддакивалъ и отъ себя вставлялъ строгія замѣчанія: «Это есть весьма неприлично штопъ одна юная дѣвица»..., но, видимо, думалъ не объ этомъ: передъ нимъ лежала на столѣ депеша. Въ другое время Валя, быть можетъ, рискнула бы огрызнуться: семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, — и ужъ навѣрное подумала бы, что мама, по слухамъ, къ себѣ въ молодости не была такъ строга. Теперь она молчала, опустивъ глаза, какъ по-

лагалось послушной и виноватой дѣвицѣ. Потомъ началъ говорить отецъ, и, видимо, исполняя порученіе, коснулся предметовъ, о которыхъ никогда съ ней не говорилъ. Почему-то сказалъ, что мужчина смѣшонъ, ежели женится ранѣе двадцати пяти лѣтъ, что мальчишкамъ надо прилежно учиться, а не обманывать вздоромъ дѣвицъ... Валя не сразу поняла и мысленно ахнула: «Откуда имъ извѣстно?! Вѣдь я одной Наташѣ сказала! Она честное слово дала! поклялась никому не говорить!...» Лицо у нея побагровѣло. По существу слова отца ее не интересовали. Они могли быть справедливы въ отношеніи мужчинъ вообще и мальчишекъ вообще, но здѣсь было не вообще, здѣсь былъ Володя! Отецъ говорилъ длинно, скучно, какъ на зло, по русски, и все одно и то же: ученіе, мальчишки, обманъ, не ранѣе двадцати пяти лѣтъ, — «почему именно двадцати пяти? Ужъ лучше сказалъ бы, что нельзя жениться до сорока!» Она слушала такъ, словно не понимала, о комъ и о чемъ идетъ рѣчь.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ съ силой генераль, — *теперь* долженъ каждый благородный молодой дворянинъ глупости изъ головы вышибать и только на отечество и на событія себя внимательнымъ дѣлать...

— На какія событія, папа? — тихо и грустно спросила Валя, больше для того, чтобы что-либо сказать: нельзя же все слушать молча.

— Вопросъ кажется мнѣ глупый быть, — отвѣтилъ сердито генераль. — Я говорю, что благовѣрная императрица Екатерина на російскій престолъ вступала, и объ это, такъ далеко какъ я знаю, говоритъ весь городъ.

Валя смотрѣла на отца удивленно. «Вѣрно, съ вечерней почтой пришло извѣстіе», — думала она: у Полуяровыхъ о немъ еще ничего не знали. — «Но въ чемъ же дѣло? Ну, *вступала*, намъ-то что?». Затѣмъ мать сказала по нѣмецки, что дѣвушка, которая вѣшается на шею молодому человѣку, губить себя, что встрѣ-

чатся наединѣ съ молодымъ человѣкомъ для барышни изъ хорошаго семейства грѣхъ и позоръ, что они съ отцомъ примутъ рѣшительныя мѣры: надо будетъ даже рѣшить, можетъ ли она дальше участвовать въ этомъ глупомъ и неприличномъ представленіи, и не надо ли вообще отослать ее къ бабушкѣ. «Sehr richtig... Selbstverständlich», — разсѣяннo говорилъ генераль. Валя ужаснулась. Ей стали ясны и вина ея, и глупость (зачѣмъ сказала Наташѣ?), и надвигающіяся на нихъ бѣды. Она растерянно слушала мать, страдала, была счастлива, страдая изъ за Володи, была счастлива, чувствуя себя грѣшницей. А со стѣны, по верхъ головы змѣи, впившейся въ ея румяныя груди, царица Клеопатра укоризненно смотрѣла на Валу, словно говорила: «Да, да, и я была такая же, какъ ты, и я была грѣшница, и у меня былъ Володя, и я была счастлива, и вотъ, посмотри, что изъ всего этого вышло».

МОГИЛА ВОИНА

СКАЗКА О МУДРОСТИ

*Seek out—less often sought than found
A soldier's grave, for thee the best,
Then look around and choose thy ground,
And take thy rest 1)*

Предсмертные стихи Байрона.

I

Пещеру приёма рѣшено было устроить на этотъ разъ у Флоріана. Вначалѣ мастеръ-мѣсяцъ, полный, рыхлый, краснолицый брюнетъ лѣтъ сорока, не хотѣлъ объ этомъ слышать и даже, по своему обыкновению, вспылить: — «Все имѣетъ границы! Можно пренебрегать уставомъ, но не до такой степени! Богъ знаетъ что вы предлагаете!...» — По уставу, въ самомъ дѣлѣ требовалось обставлять величайшей тайной собранія карбонаріевъ; устраивать баракку въ наиболѣе людной кофейнѣ Венеціи было странно. Однако, хозяинъ хижины, старый, сѣдой адвокатъ, славившійся ораторскимъ искусствомъ и мастерствомъ діалектики, спокойно, увѣренно, разумно отстаивалъ свою мысль: — «Вѣдь въ этомъ-то вся штука: придетъ ли полиціи въ голову, что карбонаріи собираются у нея подъ носомъ, на площади св.

---

*) «Поищи же для себя могилу воина. Ищутъ ее рѣже, чѣмъ находятъ. Она подobaетъ тебѣ всего болѣе. Осмотрись, выбери свое мѣсто — и отдохни»,

Марка!» Мастеръ-солнце согласился съ его доводами и привелъ еще свой: — «Изь-за нашихъ особыхъ условий мы все-равно не можемъ соблюдать букву устава. Какъ вы знаете, по завѣту древнихъ угольщиковъ, идущему отъ Филиппа Македонскаго, баракка должна устраиваться въ лѣсу. Гдѣ же въ Венеціи лѣса?»

Обычно и пещера приѣма, и рядовыя баракки устраивались въ уединенной виллѣ на Лидо. Хозяинъ хижины еще разъ объяснилъ, что туда Байронъ не явится, — онъ вѣдь сказалъ, что въ городъ, пожалуй, приѣдетъ, ѣхать же вечеромъ на островъ не согласенъ: далеко, неудобно, боится простудиться. — «Такъ что одно изъ двухъ: либо мы устроимъ баракку какъ всегда, но тогда Байрона не будетъ. Если же вента считаетъ полезнымъ, чтобы онъ приѣхалъ, то лучше Флоріана ничего не придумаешь». Вента приняла во вниманіе, что управляющій кофейни — старый, испытанный карбонарій третьей степени; и лакей Беппо тоже давно принять и тоже человекъ вполне надежный. — «Мы снимемъ двѣ комнаты: въ той, что побольше, устроимъ баракку, въ маленькой — камеру размышлений. Управляющій будетъ всѣмъ говорить, что комнаты сданы подъ обѣдъ въ честь одного англичанина. Онѣ часто сдаются подъ банкеты». — «Хороша будетъ баракка!» — проворчалъ мастеръ-мѣсяцъ. — «Я все беру на себя. Рано утромъ мы перенесемъ къ Флоріану въ корзину чашу забвенія, треугольники, подсвѣчники, однимъ словомъ, все, что нужно». — «И пни принесемъ въ корзину?» — «Нѣтъ, безъ пней придется обойтись. Миѣ поставятъ кресло, а всѣ остальные будутъ сидѣть на стульяхъ»... — «Такъ я и зналъ! Но, вѣдь, стулья у Флоріана одинаковые, а вы, быть можетъ, все-таки помните, что для третьей степени требуются пни повыше!...»

Хозяинъ хижины благодушно улыбался: зналъ, что мастеръ-мѣсяцъ, фанатикъ устава, человекъ горячій, вспыльчивый, какъ порохъ, но золотое сердце, — сначала вспыхнетъ, раскричится, отведетъ душу, а затѣмъ уступитъ. Мастеръ-мѣсяцъ, въ самомъ дѣлѣ,

въ концѣ концовъ, уступилъ: «Ну, что-жъ, можетъ быть, вы и правы. Во всякомъ случаѣ, пріятно будетъ насмѣяться надъ полиціей дорогого Меттерниха»...

Уступилъ онъ и по вопросу о церемоніалѣ приѣма. Въ венту на этотъ разъ принимался пріѣхавшій ненадолго въ Венецію грекъ Папаригопулосъ. Онъ карбонаріемъ не состоялъ, но былъ виднымъ дѣятелемъ гетеріи филикеровъ, имѣлъ тамъ степень жреца, считался кандидатомъ въ пастухи и привезъ полномочія отъ великаго мастера элевзиній. Принимать такого человѣка, какъ обыкновеннаго новичка, по обряду первой степени, было признано невозможнымъ. Хозяинъ хижины предложилъ смѣшанный обрядъ первой и третьей степеней. Уставъ давалъ на это право. Мастеръ-мѣсяць на смѣшанный обрядъ согласился, добившись значительныхъ уступокъ въ отношеніи подробностей. «А то сегодня отказываемся отъ пней, завтра вы еще прикажете отказаться отъ сосуда съ угольями!...» Вести засѣданіе рѣшено было, какъ всегда, по-итальянски: не переводить же весь ритуаль. Но такъ какъ грекъ по-итальянски почти не понималъ, то хозяину хижины разрѣшено было переводить вопросы на французскій языкъ.

Въ шесть часовъ вечера постороннимъ людямъ доступъ въ снятое помѣщеніе кофейни былъ прекращенъ. Мастеръ-мѣсяць затворилъ наглухо двери и, бранясь, сердито разставилъ на столикахъ чашу забвенія, сосуды съ тлѣющими угольями, листьями, землей, водой и солью (воду и соль взяли внизу, въ кофейнѣ — не приносить же свою воду къ Флоріану). У короткой стѣны комнаты поставили столъ и три кресла, а вдоль болѣе длинныхъ стѣнъ — стулья для карбонаріевъ; для старшихъ справа, для младшихъ слѣва. Надъ кресломъ хозяина хижины повѣсили крученую нить, трехцвѣтную ленту, дерево съ обращенными къ небу вѣтвями. Управляющій безпокойно слѣдилъ за работой и жалобно просилъ вбивать какъ можно меньше гвоздей: «Еслибъ это былъ мой домъ, было бы, разу-

мѣется, совершенно другое дѣло», — говорилъ онъ смущенно.

Тѣмъ временемъ въ сосѣдней комнатѣ, превращенной въ камеру размышлений, мастеръ-солнце пробовалъ мѣшокъ, который надлежало надѣть на голову греку. Мѣшокъ былъ неудобный, дышать было нелегко, несмотря на прорѣзанныя большія отверстія для ушей и рта. Папаригопулосъ имѣлъ немалый опытъ по такимъ дѣламъ: гетерія филикеровъ славилась строгостью обрядовъ. Тѣмъ не менѣе онъ волновался. По уставу, вновь принимаемый не могъ знать ничего до присяги, но въ частномъ порядкѣ Папаригопулосу было сообщено, что въ бараккѣ будетъ Байронъ. Грекъ зналъ, что это очень знаменитый человѣкъ, да еще лордъ, и боялся осрамиться. Свое вступительное слово онъ выучилъ наизусть, однако тревожился: вдругъ найдетъ затменіе — все забудеть! Или одно и то же мѣсто, по игрѣ памяти, повторить во второй разъ? Еще больше онъ опасался вопросовъ: отвѣтъ на неизвѣстные вопросы приготовить заранѣе невозможно.

Въ семь часовъ хозяинъ хижины вошелъ въ баракку, осмотрѣлъ ее, остался доволенъ и похвалилъ: все отлично. Мастеръ-мѣсяцъ вспылилъ: какъ «все отлично»? пни одинаковой высоты, крученую нить повѣсили вонъ куда, ритуаль Богъ знаетъ какой, ни то, ни се, а тутъ говорятъ: «все отлично»!..

Стали появляться, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, другіе карбонаріи. Одни старались проскользнуть незамѣтно; другіе, болѣе тонкіе, напротивъ, нисколько не скрывались и шли съ видомъ самымъ естественнымъ: иду на обѣдъ въ честь англичанина и знать ничего не знаю. Мастеръ-мѣсяцъ требовалъ у всѣхъ пароль и кипятился, когда не сразу вспоминали. «Такъ нельзя! Такое отношеніе просто невозможно!» — сердито говорилъ онъ.

Въ ожиданіи начала баракки, карбонаріи поболтали о новостяхъ и немного посплетничали. Хозяинъ хижины, прекрасный рассказчикъ, смѣясь, сообщалъ

подробности своей поѣздки къ Байрону въ окрестности города. Всѣмъ было извѣстно, что съ Байрономъ въ виллѣ Ла-Мира живетъ графиня Тереза Гвиччіоли. Карбонаріи знали также, что графиня недавно зачислена въ садъ: равеннская вента основала организацію, въ которую принимались женщины. Какъ садовница, графиня Гвиччіоли собственно имѣла право явиться въ баракку вмѣстѣ съ Байрономъ. Но хозяину хижины очень не хотѣлось ее звать: венеціанскіе карбонаріи сада не имѣли и женщинъ пока не принимали. Кромѣ того онъ опасался скандала: одна изъ главныхъ прежнихъ любовницъ Байрона грозила при встрѣчѣ выцарапать графинѣ Гвиччіоли глаза, — еще не хватало бы, чтобы онъ въ этотъ вечеръ встрѣтились на площади св. Марка! Къ счастью, Байронъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о садовницѣ, такъ что приглашать ее не потребовалось.

— Что онъ въ ней нашель? И красиваго ничего нѣтъ. Ей двадцать лѣтъ, — ну, если и вретъ, то двадцать пять, не больше, — а уже толста.

— Ахъ, нѣтъ! — вдругъ нѣжно улыбнувшись, сказалъ мастеръ-мѣсяцъ, — прелесть какая женщина! Но какъ относится къ этому почтеннѣйшій графъ Гвиччіоли?

— Очень философски: требуетъ отъ Байрона пять тысячъ фунтовъ.

— Что за подлець! Да, вѣдь, онъ самъ богатъ!

— Значить, хочетъ стать еще богаче.

Изъ камеры размышлений вышелъ мастеръ-солнце, уже все объяснившій Папаригопулосу. Грекомъ интересовались мало: говорили только о Байронѣ. Хозяинъ хижины еще рассказалъ, что сумасшедшій поэтъ привезъ изъ Равенны семь слугъ, пять каретъ, девять лошадей, обезьяну, собакъ, и еще какихъ-то пѣтуховъ. Встаетъ онъ въ два часа дня, — «когда я пріѣхалъ, онъ принималъ ванну!» — питается только овощами, чтобы не пополнѣть, но за обѣдомъ — «самъ рассказывалъ!» — выпиваетъ двѣ бутылки вина.

— Какого? — съ сочувственнымъ любопытствомъ спросилъ мастеръ-мѣсяцъ, знавшій толкъ въ винѣ и въ ѣдѣ.

— Я не спросилъ. А когда пишетъ свои стихи, хлещетъ джинъ съ водой. Ему присылаютъ изъ Лондона, — сказалъ, смѣясь, хозяинъ хижины.

II

У виллы Ла-Мира мальчишки, поджидавшіе выхода хозяевъ, радостно закричали: «Хромой! Хромой!...» Байронъ на лѣстницѣ съ бѣшенствомъ поднялъ хлысть. Лицо его исказилось. Мальчишки разбѣжались, продолжая орать. Въ каретѣ графиня Гвиччіоли подавленно молчала: знала, что это у него больное мѣсто, но изумлялась, какъ великій человѣкъ можетъ обращать вниманіе на подобные пустяки: хромота его, которую онъ научился отлично скрывать особой бѣгущей походкой, почти незамѣтна; онъ и со своимъ недостаткомъ все-же прекрасенъ, какъ греческій богъ, — въ послѣдніе мѣсяцы быстро сѣдѣетъ, но отъ этого, пожалуй, сталъ еще прекраснѣе. Ей было извѣстно, что Байрона многіе считаютъ сумасшедшимъ, и она сама порою этому вѣрила; вѣрила и теперь, искоса на него глядя.

Они молчали до самой Фузины. Тянулась скучная Брента, болота съ рыжими растеніями, чахлыя умирающія деревья. Когда сѣли въ гондолу, Байронъ какъ будто успокоился и взялъ за руку графиню, чтобы оправдать свое долгое молчаніе. Она обратила его вниманіе на красоту заката, на розовѣвшія гдѣ-то вдали вершины снѣговыхъ горъ. Считала себя обязанной говорить съ поэтомъ о поэтическихъ предметахъ и что-то процитировала на память изъ «Корсара». Ея англійское произношеніе всегда вызывало у него улыбку. Байронъ разсѣянно улыбнулся и теперь. Она повторила то же итальянски. Онъ подумалъ, что это и въ подлинникѣ плохіе стихи, а въ итальянскомъ переводѣ просто напыщенный вздоръ, которымъ не можетъ искренне восхищаться ни одинъ разумный человѣкъ, и что его читатели, не знающіе англійскаго языка, сознательно или безсознательно обманываютъ себя и другихъ.

Высвободивъ понемногу руку, онъ изрѣдка — когда это казалось ему необходимымъ — обмѣнивался замѣчаніями съ Терезой. Замѣтилъ, что она — для него и для Венеціи — надѣла стильное платье темно-зеленаго бархата, обрадовался, что замѣтилъ (иначе вечеромъ были бы попреки и, быть можетъ, слезы), и преувеличенно похвалилъ, — она вспыхнула отъ удовольствія. Подумалъ, что любить ее, но не очень: приблизительно такъ же, какъ любилъ въ послѣдніе годы другихъ своихъ любовницъ. Самъ себя провѣрилъ: «Если бы она сейчасъ въ гондолѣ умерла отъ разрыва сердца?» — «Было бы крайне непріятно». Въ этихъ мысляхъ тоже было что-то дешевое, — то самое, что онъ въ послѣднее время видѣлъ въ своихъ стихахъ, — не говоря уже о стихахъ чужихъ, — и во всемъ вообще, и, въ частности, въ *байронизмѣ*. Распространившееся по Европѣ слово это и льстило ему, и было смѣшно, особенно по несоотвѣтствію съ его настоящей душевной жизнью. Однако, онъ подумалъ, что, вѣчно создавая невозможные, неправдоподобные человѣческіе образы, самъ сталъ всерьезъ немного на нихъ походить. И тутъ же рѣшилъ при первомъ случаѣ сказать печатно, что всѣ эти Корсары и Манфреды, имѣвшіе столь сказочный успѣхъ и создавшіе ему славу величайшаго писателя эпохи, въ дѣйствительности необычайно способствовали паденію въ мірѣ литературнаго вкуса.

Гондола подходила къ Сакка-санъ-Біаджо. Показалась залитая краснымъ свѣтомъ Венеція, и въ сотый разъ онъ испыталъ впечатлѣніе чуда при видѣ этого *затопленнаго* города, медленно разрушающагося города дворцовъ и церквей, города съ людьми, не научившимися ходить какъ слѣдуетъ изъ-за гондолъ и каналовъ, города, въ которомъ лодочники съ лицами древнихъ патриціевъ, не думая ни о какой литературѣ, поютъ строфы Торквато Тассо. «Ничего прекраснѣе нѣтъ на свѣтѣ», — сказалъ онъ графинѣ, — «хоть все это нажито воровствомъ: они присвоили себѣ въ искусствѣ чужое — готическій, византійскій, арабскій стили —

перемѣшали на своемъ солнцѣ и создали изумительнѣйшій городъ въ мірѣ». — «A Venezia si sogna, a Roma si pensa, a Firenze si lavora, a Napoli si vive» (2), — замѣтила она. Глупость поговорки его поразила. — «Жаль, что изъ звѣрей въ Венеціи существуютъ только люди и крысы», — сказалъ онъ и устыдился: это было замѣчаніе въ духѣ плохого, давняго Байрона, одно изъ тѣхъ изреченій, которыя часто цитировались его поклонниками и врагами, а у него самого вызывали теперь отвращеніе. — «Вы не находите, что я становлюсь глупъ и пошлъ?» — спросилъ онъ Терезу; желалъ придать вопросу покаянный тонъ, но вышло опять нехорошо, очень нехорошо. Онъ взглянулъ на графиню и увидѣлъ, что ей его изреченіе понравилось, что она вечеромъ непременно это изреченіе запишетъ. — «Я не нахожу, Байронъ!» — сказала Тереза восторженно. Его раздражало то, что она, ради поэзіи и оригинальности, называла его по фамиліи, но онъ почувствовалъ ея желаніе перейти въ *гондольный тонъ* и, взявъ ее за руку, заговорилъ самымъ байроновскимъ своимъ, бархатнымъ голосомъ, такъ чаровавшимъ женщинъ: «Tu sei, e sarai sempre mio primo pensier... Non posso cessare ad amarti che colla vita...».

Онъ велѣлъ гондольеру остановиться у Riva degli Schiavoni, легко выскочилъ изъ гондолы, оставилъ въ фельцѣ хлысть и простился съ графиней, условившись встрѣтиться съ ней въ одиннадцатомъ часу, въ снятомъ имъ Palazzo Mocenigo. — «Но не ужинайте, ради Бога, Байронъ, мы поужинаемъ одни!» — сказала она. Онъ кивнулъ головой и побѣжалъ вдоль дворца къ площади. Графиня видѣла, что на Пиацеттѣ какіе-то люди побѣжали вслѣдъ за нимъ. «Тотчасъ узнали! Можетъ быть, и ждали здѣсь, чтобы на него посмотрѣть!» — съ гордостью подумала она. На берегу тоже собралось нѣсколько человекъ. Они съ любопытствомъ глядѣли на отхо-

---

2) «Въ Венеціи мечтаютъ, в Римѣ думаютъ, во Флоренціи работаютъ, в Неаполѣ живутъ».

дившую гондолу. Одна дама съ раздраженіемъ что-то говорила другой. Тереза Гвиччіоли поняла, что говорятъ объ ея наружности, о наружности *любовницы лорда Байрона* (3). Эта мысль наполняла ее счастьемъ. Графиня приняла въ гондолѣ видъ Байроновской героини. Она не очень читала его книги, — только просматривала и кое-что заучивала наизусть, чтобы цитировать, — но все отлично угадывала и смотрѣла ему теперь вслѣдъ съ *влюбленной и счастливой покорностью*.

Пробѣгая, онъ подумалъ, что эта бальная площадь съ ея вѣчнымъ маскарадомъ тоже до несерьезности прекрасна, что нужно бы поскорѣе положить ее въ футляръ, и прежде всего, эту ювелирную игрушку, называющуюся у нихъ соборомъ. Со злостью и наслажденіемъ чувствовалъ, что его узнали, что о немъ шепчутся, что на него показываютъ взглядами. Столики Флоріана на площади были почти всѣ заняты. «Здѣсь сегодня собираются карбонаріи», — равнодушно сказалъ кто-то. Двѣ некрасивыя дамы, вскочивъ и раскрывъ рты, безъ малѣйшаго стѣсненія на него уставились. Онъ злобно пробѣжалъ по проходу между стульями. «Байронъ! Лордъ Байронъ!» — донесились до него радостно-взволнованные голоса.

---

3) Черезъ много лѣтъ маркизь де Буасси, второй мужъ Терезы Гвиччіоли, такъ знакомилъ съ ней людей: «Моя жена... Когда-то любовница лорда Байрона.» Авторъ.

III

Хозяинъ хижины подошелъ къ Байрону, крѣпко пожалъ ему руки и поблагодарилъ его за честь, оказанную имъ вентѣ. Затѣмъ, познакомивъ гостя съ наиболее видными членами баракки, полуспросилъ: «Что-жъ? Пожалуй, начнемъ», и, взявъ *жезлъ*, постучалъ имъ по полу. Карбонаріи стали занимать мѣста вдоль правой и лѣвой стѣнъ комнаты. Всѣ вынули изъ кармановъ веревки и надѣли ихъ на подобіе пояса. Старшіе положили рядомъ съ собой кинжалы. Справа отъ двери камеры размышленій сѣлъ мастеръ-солнце, а слѣва — мастеръ-мѣсяць. Для гостя былъ приготовленъ пенъ рядомъ съ предсѣдателемъ. Кто-то съ улыбкой подаль гостю запасную веревку. Онъ, морщась, поблагодарилъ.

Многіе изъ карбонаріевъ теперь видѣли Байрона впервые; вблизи его не видѣлъ почти никто. Поглядывали на него съ любопытствомъ, а люди помоложе — съ восторженной завистью. Это былъ невысокій, скорѣе полный человекъ, съ лицомъ блѣднымъ и почти изможденнымъ. Относительно его наружности потомъ были споры, но всѣ признавали, что лицо у него очень красивое и выразительное. Одни говорили, что «лицо Байрона такъ и дышетъ презрѣніемъ къ человѣчеству»; другіе, напротивъ, прочли въ его глазахъ «неземную доброту», особенно въ тѣ минуты, когда онъ слушалъ докладъ грека. Вѣрно было, что выраженіе его лица мѣнялось почти непрерывно и чрезвычайно сильно; быть можетъ, это отчасти способствовало установившейся за нимъ въ Венеціи репутаціи полоумнаго человека. Почти всѣ слышали, что онъ сумасшедшій, и ждали отъ него всевозможныхъ странностей. Однако, ничего стран-

наго онъ не дѣлалъ и велъ себя именно такъ, какъ долженъ былъ вести себя важный гость на собраніи баракки. Щеголи изъ молодыхъ карбонаріевъ обратили вниманіе на то, что этотъ лордъ, еще недавно бывшій королемъ лондонскаго общества, одѣтъ нехорошо и не по модѣ. Старый костюмъ сидѣлъ на немъ мѣшкомъ, точно купленъ былъ въ магазинѣ готоваго платья, да и то неудачно. Не было въ общемъ обликѣ Байрона и величія, полагавшася знаменитому поэту, борцу за свободу и лорду (часть его престижа основывалась на титулѣ, безъ котораго онъ и какъ поэтъ нравился бы, вѣроятно, меньше). Молодые люди у лѣвой стѣны разочарованно перешептывались. Мастеръ-мѣсяцъ замѣтилъ, что одинъ глазъ у Байрона значительно больше другого. «Какое, однако, необыкновенное лицо», — шепнулъ онъ, наклонившись къ сосѣду.

Предсѣдатель взялъ со стола *топорикъ* и постучалъ по столу.

— Добрые родственники (4), — сказалъ онъ значительнымъ, проникновеннымъ, глухимъ голосомъ, показывавшимъ, что началось серьезное дѣло. — Какова цѣль угольщиковъ?

— Она въ томъ, чтобы очистить лѣсъ отъ волковъ, — отвѣтилъ, немного запинаясь, мастеръ-солнце.

— Такова-ли, въ самомъ дѣлѣ, цѣль нашей венты?

— Да, она такова: орденъ угольщиковъ хочетъ очистить лѣсъ отъ волковъ, — громко и отчетливо произнесъ мастеръ-мѣсяцъ, точно хотѣлъ попрекнуть мастера-солнце за вялость.

— Ежели такъ, то приступимъ къ нашему великому дѣлу, — сказалъ предсѣдатель. Онъ всталъ и объявилъ, что на ихъ долю выпали большая честь и большая радость: хижину посѣтилъ великій англійскій писатель и государственный дѣятель, членъ палаты пэровъ, лордъ Байронъ. Карбонаріи затопали ногами, принося конспирацію въ жертву обряду.

---

4) Въ подлинникѣ карбонарскаго обряда: «*buoni cugini*». Авт.

— Добрые родственники, — сказалъ хозяинъ хижины (голосъ его опять измѣнился: онъ стоя говорилъ не такъ какъ сидя), — нашъ знаменитый гость не входитъ въ нашу венту. Но мы никакъ не должны считать его язычникомъ. Онъ входитъ въ близкое и родственное намъ общество Романтика. Другое общество, Американцы, ставящее себѣ тѣ же цѣли, что и мы, избрало его своимъ главой. Нашъ знаменитый гость имѣетъ, слѣдовательно, право присутствовать въ хижинѣ, и всѣ мы рады привѣтствовать въ его лицѣ одного изъ благороднѣйшихъ людей міра, великаго борца за свободу народовъ и, въ частности, за нашу страждущую страну, имѣющую столь великое прошлое. Освобожденная единая Италія, созданіе которой составляетъ нашу цѣль, вѣчно сохранить въ своей благодарной памяти людей, боровшихся за ея освобожденіе и за освобожденіе челоуѣчества. Ибо мы знаемъ, какъ прочна любовь къ свободѣ въ душѣ нашего народа! — Всѣ снова шумно затопали. — Добрые родственники, — сказалъ хозяинъ хижины, немного понизивъ голосъ въ знакъ того, что сейчасъ будетъ говорить слова тягостныя. — Въ каждой странѣ есть люди разные. Великимъ британскимъ народомъ теперь править виконтъ Кэстльри, врагъ свободы, защитникъ угнетателей во всемъ мірѣ. Мы объ этомъ скорбимъ. Но мы твердо помнимъ, что великій британскій народъ не несетъ отвѣтственности за своихъ правителей. Наряду съ лордомъ Кэстльри, — онъ немного помолчалъ, — у Англіи есть и лордъ Байронъ!

Карбонаріи затопали. Хозяинъ хижины сѣлъ и вопросительно взглянулъ на гостя. Наступила тишина, будто всѣ ожидали, что теперь-то странности и начнутся. Байронъ совершенно не предвидѣлъ, что ему придется сказать слово. Никакой рѣчи онъ не приготовилъ и смутился, хоть умѣлъ и любилъ говорить. Лицо его измѣнилось и поблѣднѣло. Онъ всталъ (веревка, оказавшаяся не повязанной, свалилась на полъ) и заговорилъ, къ общему удовлетворенію, по-итальянски, при томъ довольно свободно, хоть съ ошибками. Поблагодарилъ

за оказанную ему честь, за добрыя слова, столь имъ незаслуженныя, и выразилъ радость по тому случаю, что оказался въ Венеціи, съ которой у него связано столько пріятныхъ воспоминаній.

— Въ вашей прекрасной странѣ, — сказалъ онъ, — въ вашей прекрасной странѣ... Ибо для меня нѣтъ австрійской Венеціи, папскаго Рима и бурбонскаго Неаполя, а есть одна великая, прекрасная, единая Италія! — Снова всѣ восторженно затопали. — Въ вашей прекрасной странѣ существуетъ превосходная поговорка: *A Venezia si sogna, a Roma si pensa, a Firenze si lavora, a Napoli...* Онъ запнулся, забывъ, что дѣлаютъ въ Неаполѣ. Нѣсколько голосовъ радостно ему подсказали: «*Si vive!... Si vive*»! Байронъ улыбнулся, повторилъ: «*Si vive!* — и заявилъ, что всѣ, итальянцы и не-итальянцы, должны одновременно и мыслить, и мечтать, и трудиться, и жить во имя будущей великой, свободной Италіи!

Когда долгое топанье кончилось, Байронъ попросилъ разрѣшенія перейти на англійскій языкъ. «Просимъ, просимъ», — закричало нѣсколько голосовъ. Хозяинъ хижины ласково-бережно протянулъ руку къ оратору, предлагая ему на мгновенье остановиться, и сказалъ, что, такъ какъ всѣмъ дорого каждое слово знаменитаго гостя, а прекраснымъ англійскимъ языкомъ владѣютъ лишь немногіе, то не согласится-ли мастеръ-мѣсяцъ, хорошо знающій иностранные языки, потомъ перевести рѣчь? — «Хозяинъ, я повинуюсь», — отчетливо, солдатскимъ тономъ, сказалъ мастеръ-мѣсяцъ и вынулъ изъ кармана карандашъ.

... Онъ не хотѣлъ говорить серьезно. Былъ золь, что сюда пришелъ, и думалъ, что пора бы перестать дѣлать видъ, будто его беспокоитъ судьба венеціанцевъ, грековъ, венецуэльцевъ, еще какихъ-то экзотическихъ людей, непременно желающихъ сдѣлать изъ своей родины второсортную Англію, — ему была достаточно противна и первосортная (хоть въ душѣ онъ интересовался

почти исключительно Англїей и только Лондонъ, при всей своей ненависти къ нему, считалъ *настоящимъ* городомъ, — да еще Парижъ, въ которомъ никогда не былъ). Вдругъ настроеніе у него совершенно измѣнилось, — онъ самъ никогда не зналъ причинъ перемѣны своего настроенія, — на этотъ разъ оно, быть можетъ, измѣнилось отъ вызваннаго его словами у экзотическихъ людей искренняго и бурнаго восторга. Сидѣвшій въ немъ второй Байронъ, контролировавшій изнутри мысли и слова перваго Байрона, обычно контролировавшій ихъ критически, а то и съ издѣвательствомъ, теперь ему подсказалъ, что экзотическіе люди смѣшны и провинціальны, но что они все же менѣе смѣшны и менѣе глупы, чѣмъ разные лорды Кэстльри, отравляющіе жизнь и имъ, и ему. Онъ вдругъ съ радостью почувствовалъ приливъ злобы: это чувство считалъ своей главной силой и въ литературѣ, и въ жизни. Внезапная злоба придавала мощь его рѣчи, и говорилъ онъ, по общему отзыву, превосходно, — «какъ Байронъ». «Просто металл грома!» — восторженно повторялъ потомъ мастеръ-мѣсяцъ. Это ясно было даже людямъ, совершенно не понимавшимъ по-англійски. Громилъ онъ людей, правившихъ Европой, людей, пришедшихъ на смѣну Наполеону и бывшихъ въ сто разъ хуже его, ибо у нихъ не было его ума и геніальности, — съ ними восторжествовали глупость и бездарность. Когда онъ назвалъ имя Меттерниха, кое-кто невольно оглянулся на дверь. Она была затворена плотно. Байронъ сказалъ, что Меттерниха слѣдовало бы назвать самымъ презрѣннымъ человѣкомъ на свѣтѣ, еслибъ не существовало лорда Кэстльри. Хоть эта фраза и произнесена была такъ, что явно требовала знаковъ одобренія, топнулъ ногой только юный, недавно прпнятый въ венту карбонарій у края лѣвой стѣны и самъ смутился, увидѣвъ, что его не поддержалъ никто: старшіе изъ понявшихъ фразу, очевидно, признали, что въ такой формѣ можетъ говорить о британскомъ министрѣ лишь англичанинъ, а съ ихъ стороны тактичнѣе помолчать. Ораторъ и въ самомъ дѣлѣ не поскупился на выраженія.

— Я не могу признать свободной страну, въ которой владычествуютъ идіоты и негодяи, подобныя Кэстльри, — сказалъ онъ, показывая интонаціей, что кончаетъ. — Въ настоящее время всѣ народы нуждаются въ освобожденіи. Свободное и культурное государство существуетъ въ мірѣ теперь только одно: это Венецуэла великаго Боливара!

Послышалось новое долгое топанье: имя разобрали всѣ и въ англійскомъ произношеніи оратора. Мастеръ-мѣсяцъ гладко и подробно перевелъ на итальянскій языкъ рѣчь, имѣвшую огромный успѣхъ. Хозяинъ хижины горячо пожалъ руку гостю и перешелъ къ порядку дня. Сказалъ, что сейчасъ въ венту долженъ быть принятъ язычникъ... (онъ заглянулъ въ бумажку) Папаригопулосъ, по національности грекъ, по профессіи негоціантъ, постоянно проживающій въ Россіи, въ городѣ Одессѣ. Онъ — видный членъ греческой гетеріи филикеровъ, основанной именно въ этомъ городѣ.

— Добрые родственники, — сказалъ хозяинъ, — какъ мы стремимся къ освобожденію Италіи, такъ гетерія филикеровъ ставитъ себѣ цѣлью освобожденіе Греціи. Вы знаете, что три угольщика, въ томъ числѣ мастеръ-мѣсяцъ и я, рекомендовали принять язычника... Папаригопулоса въ нашу венту. При предварительной баллотировкѣ онъ ни одного чернаго шара не получилъ. Если нѣтъ возраженій, онъ сейчасъ будетъ принятъ и, по принесеніи присяги, прочтетъ намъ докладъ о борьбѣ греческаго народа за независимость. Цѣли греческихъ революціонеровъ тѣ же, что наши: они хотятъ очистить лѣсъ отъ волковъ! — Мастеръ-мѣсяцъ затопалъ, другіе послѣдовали его примѣру. — Добрые родственники, есть ли возраженія противъ того, чтобы язычникъ... Папаригопулосъ былъ принятъ въ венту? Возраженій нѣтъ. Мастеръ-мѣсяцъ, введи язычника въ хижину.

IV

Наступила тишина. Черезъ минуту слышался стукъ. Мастеръ-солнце отворилъ дверь камеры размышлений, и на порогъ пещеры пріема показались мастеръ-мѣсяцъ и язычникъ. Грекъ въ мѣшкѣ осторожно ступалъ все съ правой ноги, пробуя подъ собой твердую почву. Мастеръ-мѣсяцъ велъ его, какъ вожатый медвѣдя, и, невольно ему подражая, ступалъ столь же неловко, точно и онъ передъ собой ничего не видѣлъ. Поставивъ язычника тамъ, гдѣ ему полагалось стоять, онъ поспѣшно отступилъ на шагъ, какъ человѣкъ, сдѣлавшій свое нелегкое дѣло. Хозяинъ хижины постучалъ три раза *топоромъ* по столу и сказалъ замогильнымъ голосомъ:

— Добрые родственники, мнѣ нужна помощь.

— Хозяину нужна помощь, — повторилъ довольно нестройно хоръ старшихъ карбонаривъ у правой стѣны.

— Я слышу призывъ добраго родственника. Не принесъ ли онъ дерева, чтобы подбросить въ нашъ костеръ?

— Хозяинъ, я принесъ дерево, — отчетливо, громче хозяина хижины, сказалъ мастеръ-мѣсяцъ.

— Добрый родственникъ, откуда ты явился?

— Изъ лѣса.

— Куда ты идешь?

— Въ домъ чести, гдѣ я усмирю свои страсти, подчиню свою волю и получу наставленіе въ ученіи угольщиковъ.

— Что принесъ ты съ собой изъ лѣсу?

— Дерево, хлѣбъ и землю.

— Нѣтъ-ли у тебя чего-либо еще?

— Есть: вѣра, надежда и любовь.

— Кого привелъ ты съ собою?

— Человѣка, который заблудился въ лѣсу.

— Чего онъ хочетъ?

— Вступить въ хижину.

— Такъ веди же его къ нашему очагу.

При помощи мастера-мѣсяца, грекъ въ мѣшкѣ сдѣлалъ еще два осторожно-неловкихъ шага и остановился. Предсѣдатель гробовымъ голосомъ сбѣяснилъ по-французски язычнику, что цѣль общества карбонаріевъ вообще, и венеціанской венты въ частности, заключается въ борьбѣ съ угнетателями. Согласенъ-ли язычникъ посвятить всю свою жизнь дѣлу свободы и братства? — «Я согласенъ», — подсказалъ бодрымъ шопотомъ мастеръ - мѣсяць. — «Я согласенъ», — отвѣтилъ Папаригопулосъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ опустись на колѣни и испей изъ чаши забвенія.

Грекъ опустился на колѣни, неловко и тщетно стараясь за что-нибудь уцѣпиться, — ткнулся рукою въ полъ. Мастеръ-солнце подалъ чашу. Папаригопулосъ осторожно, по-дѣтски выпучивъ изъ мѣшка губы, прикоснулся къ ней ртомъ. Мастеръ-мѣсяць наклонилъ чашу и прошепталъ ласково, точно убѣждая ребенка проглотить невкусное лѣкарство: «Отпейте»... Папаригопулосъ отпилъ изъ чаши, стараясь не захлебнуться. Немного воды пролилось, кто-то слабо засмѣялся и замолкъ подъ грознымъ взглядомъ мастера-мѣсяца.

— Теперь повтори за мной слова присяги, — сказалъ хозяинъ хижины и сталъ читать, хотъ зналъ наизусть присягу и по-французски, и по-итальянски: «Я, Афанасій Папаригопулосъ, обѣщаюсь... и клянусь именемъ Креста, символами ордена... и кинжаломъ, карающимъ клятвопреступниковъ... честно хранить тайну союза угольщиковъ... и безъ письменнаго разрѣшенія не изображать ея... ни на полотнѣ, ни на мѣди... Клянусь въ трудныхъ дѣлахъ жизни... по мѣрѣ силъ... оказывать помощь всѣмъ добрымъ родственникамъ... и беречь честь ихъ семействъ... Если же я нарушу клят-

ву... (голосъ предсѣдателя повысился и сталъ еще болѣе гробовымъ)... то я согласенъ на то... чтобъ мое сердце и внутренности были выдраны... чтобъ тѣло мое было разорвано на части... сожжено и развѣяно вѣтромъ... дабы имя мое распространилось по всей землѣ...и внушало отвращеніе всѣмъ добрымъ родственникамъ... Да поможетъ мнѣ Господь Богъ!..»

Когда присяга была принесена, мастеръ-солнце и мастеръ-мѣсяцъ помогли греку встать съ колѣнъ и сняли съ него мѣшокъ. Мигая и сконфуженно улыбаясь, онъ стоялъ, не зная, что дѣлать, несмотря на давнюю привычку къ ритуалу. Хозяинъ хижины поздравилъ его съ вступленіемъ въ общество и разъяснилъ значеніе главныхъ карбонарскихъ символовъ. Крученая нить означаетъ висѣлицу для тирановъ. Топоръ нуженъ, чтобъ рубить злодѣямъ головы. Соль должна помѣшать гніенію ихъ тѣлъ, дабы они стали памятникомъ вѣчнаго позора. Лопата развѣетъ ихъ прахъ по вѣтру. Вода очиститъ свершителей казни отъ пролитой ими гнусной крови.

Затѣмъ хозяинъ хижины обнялъ новаго добраго родственника и велѣлъ поставить для него пень у стола. Грекъ сѣлъ, волнуясь и оглядываясь на человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ хозяиномъ: догадывался, что это и есть писатель-лордъ. Заученное наизусть благодарственное слово онъ произнесъ хорошо; къ большому своему облегченію, ни разу не сбился, хотъ слово было довольно длинное. Карбонаріи топали въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ, правда, гораздо менѣе дружно, чѣмъ въ честь Байрона. Затѣмъ грекъ вынулъ тетрадь и перешелъ къ дѣловому докладу :

— Пять лѣтъ тому назадъ, добрые родственники — неувѣренно началъ онъ (члены гетеріи филикеровъ называли другъ друга иначе), — три доблестныхъ гражданина греческой національности, Скуфасъ, Ксантосъ и Такаловъ, честно и съ пользой для общества занимающіеся торговлей въ русскомъ городѣ Одессѣ, сойдясь

однажды въ домѣ на улицѣ, носящей, къ сожалѣнію, злодѣйское имя извѣстнаго вамъ, конечно, де Рибаса, основали общество, названное ими гетеріей филикеровъ и теперь наполняющее славой весь міръ...

Онъ читалъ не очень внятно, тѣмъ не менѣе люди, владѣющіе французскимъ языкомъ, вполне могли понять его докладъ. Изложилъ исторію гетеріи филикеровъ, указалъ, что теперь въ нее входятъ или дѣйствуютъ съ ней заодно знаменитые люди, въ томъ числѣ Ботцарисъ, Маврокордато, Ипсиланти, самъ графъ Каподистріа, и намекнулъ, что сочувствуютъ ея цѣлямъ люди еще гораздо болѣе высокопоставленные, — интонація его ясно показывала, что тутъ онъ на кого-то *намекаетъ* (подразумѣвался императоръ Александръ). Затѣмъ онъ познакомилъ слушателей съ исторіей греческаго народа, съ его несчастной судьбой и перешелъ къ положенію грековъ въ Турціи.

Докладъ, несмотря на возвышенный слогъ, былъ составленъ вполне толково и давалъ ясную картину гоненій, которымъ подвергали греческій народъ — не столько султаны и Порты, сколько свирѣпые мѣстные правители, часто и не-турки по національности. Факты, сообщавшіеся грекомъ, были одинъ ужаснѣе и невѣроятнѣе другого. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе отъ затянувшегося доклада постепенно слабѣло: слишкомъ много было повѣшенныхъ, сожженныхъ, посаженныхъ на колы людей, зарѣзанныхъ дѣтей, изнасилованныхъ женщинъ. Байронъ, слушая, вспоминалъ, что одного изъ главныхъ звѣрей, Али-Пашу, онъ когда-то посѣтилъ въ Янинѣ, что этотъ благодушный съ виду старичекъ былъ съ нимъ и съ Гобгаузомъ очаровательно любезенъ, говорилъ комплименты, угощалъ ихъ дивнымъ кофе и вареньемъ. Однако, Байронъ зналъ, что все или почти все въ рассказѣ грека — совершенная правда: англійскій резидентъ въ Янинѣ имъ рассказывалъ о благодушномъ старичкѣ точно такія же вещи. Потомъ и Байрону стало скучно: посаженные на колы люди въ такомъ количествѣ больше не дѣйствовали и на него.

Второй же Байронъ, слушая, еще подумалъ, что, хотя греки борются за святое дѣло, но нельзя всерьезъ называться Папаригопулосъ или Маврокордато.

Когда Папаригопулосъ кончилъ и нервно закрылъ тетрадку, слушатели затопали и приняли подобавшее докладу выраженіе. Сочувствіе было вполнѣ искреннее, но всѣмъ хотѣлось поскорѣе пойти въ кофейню, выпить и поболтать: времени оставалось уже немного. Понимая общее настроеніе, предсѣдатель предложилъ не задавать вопросовъ (грекъ облегченно вздохнулъ) и сократилъ свое заключительное слово: горячо поблагодаривъ докладчика, выразилъ ему и всѣмъ его соплеменникамъ глубокое сочувствіе венты.

— Мы въ Венеціи, — сказалъ онъ, — думали, что на себѣ въ достаточной мѣрѣ испытываемъ ужасы деспотизма. Теперь мы видимъ, что другіе народы еще гораздо несчастнѣе, чѣмъ мы. Будемъ же твердо помнить, что цѣль у насъ одна и та же: надо очистить лѣсъ отъ волковъ! (Мастеръ-мѣсяцъ энергично затопалъ, за нимъ всѣ другіе, въ томъ числѣ и докладчикъ, теперь чувствовавшій себя гораздо болѣе свободнымъ). Когда изъ солнечной итальянской земли вы вернетесь въ объятую русскими льдами, благородную Одессу, скажите вашимъ угнетеннымъ братьямъ, всѣмъ безъ исключенія, отъ великаго мастера элевзиній до юношей, которые, конечно, увидятъ лучшее будущее! — скажите имъ, что у честныхъ людей подъ всѣми широтами бьются честныя сердца и что никто не можетъ понять лучше потомковъ Перикла, чѣмъ потомки Брута!..

Онъ особенно мастерски закончивалъ свои рѣчи. Всѣ одобрительно переглядывались. Затѣмъ хозяинъ хижины по обряду закрылъ баракку: выразилъ надежду на побѣду угольщиковъ во всемъ мірѣ и на скорое созданіе великой республики Авзоніи. Карбонаріи стали снимать съ себя веревки, прятать кинжалы, складывать въ корзину чаши и сосуды. Многіе горячо пожимали руку греку и говорили подходящія слова, болѣе или менѣе краткія въ зависимости отъ знанія

французскаго языка. Мастеръ-мѣсяць пригласилъ Папаригопулоса пожаловать къ нему запросто на обѣдъ, — «хоть завтра, если вы свободны».

Хозяинъ хижины упрашивалъ Байрона провести съ нимъ остатокъ вечера, — всѣ будутъ такъ рады! Гость любезно, но твердо отказался: онъ и безъ того опоздалъ. «Мы будемъ всегда счастливы видѣть васъ въ нашей средѣ», — горячо сказалъ хозяинъ, не знавшій, какъ называть гостя теперь, когда баракка кончилась и отпали ритуальные титулы. Подходили къ Байрону и другіе карбонаріи. Старшихъ представлялъ ему хозяинъ; тѣ, что помоложе и посмѣлѣе, представлялись сами, восторженно отзывались объ его рѣчи и объ его произведеніяхъ. Хозяинъ хижины, мастеръ-солнце и мастеръ-мѣсяць проводили его до корридора: дальше не пошли по соображеніямъ конспиративнымъ. Онъ побѣжалъ къ выходу. «Сумасшедшій Байронъ! Лордъ Байронъ!» — снова понесся шопоть.

V

Мастеръ-мѣсяцъ внимательно слушалъ докладъ Папаригопулоса, вздыхая и сочувственно кивая головой. Когда заговорилъ хозяинъ хижины, мастеръ-мѣсяцъ пересталъ слушать и разсѣянно думалъ о своемъ. Его давно занималъ вопросъ, кто именно состоитъ на службѣ у мѣстной полиціи: хозяинъ хижины или мастеръ-солнце? Все какъ будто говорило, что скорѣе мастеръ-солнце: хозяинъ хижины былъ человѣкъ не только съ именемъ, — имя тутъ ничего не доказывало, — но и съ большимъ достаткомъ; онъ въ побочныхъ заработкахъ не нуждался. «Да, конечно, скорѣе тотъ, или же кто-нибудь изъ менѣе видныхъ, Торелло, напрымѣръ, или Бравози?» — соображалъ мастеръ-мѣсяцъ, все вдыхая. Самъ онъ служилъ въ британской развѣдкѣ.

Съ предсѣдательскаго стола ему прислали подписанный грекомъ текстъ присяги, въ которой Папаригопулосъ выражалъ согласіе на то, чтобы, въ случаѣ измѣны, его сердце и внутренности были выдраны, а тѣло разорвано на части. Мастеръ-мѣсяцъ бережно ее спряталъ (текстъ долженъ былъ храниться у него). И вдругъ ему пришла мысль, что сегодняшнее засѣданіе можно использовать для устройства поѣздки въ Лондонъ. Самъ онъ не придавалъ особеннаго значенія ни карбонаріямъ, ни филикерамъ, ни тайнымъ обществамъ вообще: больше болтовня. Однако, представить дѣло можно было отлично: греческіе революціонеры установили связь съ венеціанскими, а тѣ связаны съ римскими и неаполитанскими, готовится возстаніе въ Турціи, за нимъ послѣдуютъ другія, — чего же еще? Мастеръ-мѣсяцъ радостно подумалъ, что и полоумный

лордъ тутъ появился очень кстати: изъ него можно сдѣлать главнаго вождя возстанія. Вотъ и Американцы избрали его своимъ саро. Волненіе въ Лондонѣ будетъ необыкновенное. Не выѣхать-ли туда по своей инициативѣ? — откладывать такое дѣло нельзя.

По правиламъ британской тайной полиціи, мастеръ-мѣсяцъ былъ обязанъ предварительно испросить для командировки разрѣшеніе начальства. Но инструкція допускала исключенія въ особенно важныхъ случаяхъ: агенты должны проявлять инициативу, когда этого требуютъ обстоятельства. Мастеръ-мѣсяцъ все больше склонялся къ мысли, что теперь обстоятельства настоятельно требуютъ строчной поѣздки: съ возстаніемъ въ Турціи не шутятъ. Ему давно хотѣлось съѣздить за границу на казенный счетъ. Онъ подумалъ, что на обратномъ пути можно будетъ, конечно, остановиться на недѣльку въ Парижѣ.

Мастеръ-мѣсяцъ сталъ соображать, сколько можетъ очиститься денегъ. Отъ суточныхъ должна остаться круглая сумма, но главное не въ суточныхъ, а въ наградѣ. Въ отличіе отъ другихъ полицій (онъ въ разное время служилъ въ разныхъ полицейскихъ учрежденіяхъ), британская политическая развѣдка не скупилась при оплатѣ важныхъ заслугъ. Всѣмъ служившимъ въ ней людямъ извѣстны были легендарные рассказы, возбуждавшіе рвеніе и зависть: Колинъ Макензи, выѣдавшій секретныя статьи тильзитскаго договора, получилъ въ награду двадцать тысячъ фунтовъ. — «Правда, было за что, если не врутъ!» — восторженно подумалъ мастеръ-мѣсяцъ, — «переодѣлся казакомъ, пробрался на плотъ вслѣдъ за императоромъ Александромъ и все подслушалъ!...»

За сообщеніе грека и за свѣдѣнія о полоумномъ лордѣ двадцати тысячъ фунтовъ дать, разумѣется, не могли, но фунтовъ двѣсти, а то и триста можно было получить несомнѣнно. «Надо только, чтобы въ Вѣну не сообщили раньше», — озабоченно подумалъ мастеръ-мѣсяцъ: ему было извѣстно, что между лордомъ Кэстльри и княземъ

Меттернихомъ существуетъ соревнованіе въ быстротѣ и точности ихъ секретной информации. Въ Вѣну изъ Венеціи было ближе, чѣмъ въ Лондонъ, опередить несомнѣнно могли. Мастеръ-мѣсяць, вздыхая, поглядывалъ то на мастера-солнце, то на хозяина хижины, уже кончавшаго рѣчь. «А можетъ и самъ грекъ?..»

Когда карбонаріи выразили надежду на близкое установленіе республики Авзоніи и стали покидать хижину, мастеръ-мѣсяць, болтая съ друзьями, вскользь сказалъ, что его здоровье нехорошо, совсѣмъ нехорошо: врачъ посылаетъ на воды за границу, во Францію, кажется, придется поѣхать, ничего не подѣлаешь. Друзья посочувствовали, спрашивали, какъ и что: «Печень? Да, воды очень помогаютъ»...

Изъ соображеній осторожности, карбонаріи у Флоріана не остались; они разошлись по другимъ кофейнямъ и расположились небольшими группами, заказывая кто *cappuccino diviso*, кто *crema marsala*, кто *spremito di arancio*. Мастеръ-мѣсяць еще сыгралъ съ пріятелемъ въ шахматы. Игралъ онъ очень хорошо и выигралъ обѣ партіи, такъ что за марсалу заплатилъ пріятель. Затѣмъ онъ показалъ пріятелю новую остроумную шахматную задачу графа Лабурдоннэ. Возникъ споръ о великомъ Филидорѣ. Пріятель сказалъ, что Филидоръ игралъ двѣ партіи, не глядя на доску, мастеръ-мѣсяць возразилъ, что не двѣ, а одну, да и на томъ сошелъ съ ума: играть двѣ партіи наизусть невозможно. — «Нѣтъ, игралъ двѣ». Мастеръ-мѣсяць вспыхнулъ. — «А я говорю: одну!...» — Успокоился онъ не сразу, но, успокоившись, съ застѣнчивой улыбкой выразилъ сожалѣніе, что погорячился: — «Такой ужъ у меня несчастный характеръ! Больше никогда не буду. *Jurons sur ces glaives sanglants*», — благодушно спѣлъ онъ хоръ изъ «Эркелинды» того же Филидора.

Разстались они въ первомъ часу ночи. Въ самомъ лучшемъ настроеніи духа мастеръ-мѣсяць направился домой, насвистывая мелодію хора и поглядывая на

проходившихъ женщинъ. Со многими онъ былъ знакомъ и обмѣнивался привѣтствіями и шуточками.

Дома, несмотря на усталость, онъ досталъ изъ шкапа папку документовъ о лордѣ Байронѣ. Мастеръ-мѣсяцъ получалъ отъ многихъ итальянскихъ агентовъ копіи интересныхъ бумагъ: британская политическая полиція считалась дружественной и, главное, очень хорошо платила. Документовъ, относившихся къ Байрону, было немного, и они были не слишкомъ интересны. Мастеръ-мѣсяцъ все внимательно просмотрѣлъ и отложилъ донесеніе начальника болонской полиціи главному директору полиціи въ Венеціи, отъ 2 октября, за номеромъ 37:

«12-го числа прошлаго мѣсяца англійскій дворянинъ, лордъ Байронъ, выѣхалъ отсюда въ Венецію. Этотъ господинъ — членъ Тайнаго Общества, называющагося Романтика (5). Онъ извѣстенъ какъ литераторъ и пользуется у себя на родинѣ репутаціей хорошаго поэта. Его большое состояніе даетъ ему полную возможность слѣдовать склонностямъ. Вышеупомянутыхъ обстоятельствъ достаточно было для того, чтобы ввѣренная мнѣ полиція обратила вниманіе на этого субъекта. Особенно онъ опасенъ потому, что его выдающіяся способности и богатство даютъ ему возможность собирать у себя въ домѣ людей наиболѣе образованнаго класса. Въ виду этого мое правительство, отмѣчая настоящее мѣстопробываніе лорда Байрона и считаясь съ вѣроятностью его возвращенія въ Болонью въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ, поручило мнѣ установить за нимъ постоянное наблюденіе и просить о свѣдѣніяхъ о немъ во время его пребыванія въ Венеціи. Въ надеждѣ на то, что Ваше Превосходительство благосклонно удовлетворите настоящее ходатайство, ставлю себя въ ваше распоряженіе, ежели бы Вашему Превосходительству въ будущемъ понадобилась сходная услуга»...

---

5) Roma antica, въ конспиративномъ сокращеніи—Romantica.

Авторъ.

Другое сообщеніе, тоже отложенное для работы мастеромъ-мѣсяцемъ, исходило отъ рядового агента, освѣщавшаго организацію изнутри. «Романтиковъ я знаю хорошо», — писалъ *fiduciario*, — «эта организація ставитъ себѣ цѣлью разрушеніе нашей литературы, нашей культуры, нашей страны. Ея безспорный вождь — лордъ Байронъ. Вы ошибаетесь, полагая, что онъ занятъ только обманываніемъ (6) Гвиччіоли. Онъ отличается чрезвычайнымъ сладострастіемъ и безнравственностью, часто мѣняетъ предметъ своихъ воздыханій и приноситъ очередную жертву на алтарь своего гордаго презрѣнія. Однако, въ политикѣ онъ не такъ непостояненъ: тутъ онъ англичанинъ въ полномъ смыслѣ слова. Байронъ вродѣ сумасшедшаго, онъ хочетъ разрушить все, что ему не принадлежитъ, хочетъ подорвать наши стремленія къ національной независимости («что за вздоръ!» — подумалъ мастеръ-мѣсяць), вызвать у насъ разореніе и кровопролитіе, дабы, въ концѣ концовъ, подѣлать тлѣющія развалины между деморализованными заговорщиками»... — «Ну, тутъ этотъ болванъ заврался», — сказалъ себѣ весело мастеръ мѣсяць. Онъ былъ очень доволенъ. Рѣшилъ завтра встать пораньше и тотчасъ приняться за работу.

---

6) Въ подлинникѣ донесенія: «a fare le corne a Guiccioli».

VI

День виконта Кэстльри былъ разсчитанъ не только по часамъ, но почти по минутамъ. Въ это утро министръ проснулся ровно въ шесть; его никто не будиль, онъ всегда просыпался тогда, когда себѣ это предписывалъ съ вечера. Онъ открылъ глаза съ чувствомъ тоски и испуга, сѣлъ на постели, низко опустивъ голову, и встряхнулся: ничего дурного какъ-будто не случилось.

Спальня его и туалетная комната были обставлены Шератоновской мебелью стиля Harlequin. Все было съ выдумкой, столъ заключалъ въ себѣ умывальникъ, зеркала представляли собой двери, за видимостью шкапа скрывалась каморка, предназначенная для бритья. Виконтъ Кэстльри брился всегда самъ и притомъ необыкновенно хорошо. Его бритвы были отточены до предѣловъ возможнаго; онъ себя не поцарапалъ, лучше не могъ бы побрить самый искусный парикмахеръ; щеки, подбородокъ, шея были гладки какъ мраморъ: ни единого волоса. Укладывая бритвы, лордъ Кэстльри съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ ящикѣ нѣтъ малаго ножа. Этотъ малый ножъ, собственно, не былъ нуженъ ни для бритья и ни для чего вообще; однако, его исчезновеніе вызвало непріятное чувство у министра. «Вѣроятно, остался въ Крѣѣ», — съ неудовольствіемъ подумалъ онъ.

На туалетъ по расписанію отводилось сорокъ минутъ. Безъ двадцати семь виконтъ Кэстльри вышелъ, одѣтый превосходно, хоть безъ щегольства, въ застегнутомъ кафтанѣ, при галстухѣ, — никакихъ халатовъ для работы онъ не признавалъ. Зеркало отразило его огромную стройную фигуру. Ему было пятьдесятъ лѣтъ, — онъ родился въ одинъ годъ съ Наполеономъ и

видѣлъ въ этомъ нѣчто вродѣ великаго предзнаменова-
нія. Онъ не потолстѣлъ и не обрюзгъ съ годами, былъ
еще очень красивъ, и на большихъ приѣмахъ, на между-
народныхъ конференціяхъ англичане съ удивленіемъ поглядывали на чело-
вѣка, представлявшаго ихъ
страну: виконтъ Кэстльри выигрывалъ по внѣшности отъ
сравненія съ большинствомъ иностранныхъ дипло-
матовъ. Онъ былъ необыкновенно dignified.

Послѣ очень легкаго завтрака, ровно въ семь ча-
совъ, министръ иностранныхъ дѣлъ вошелъ въ свой
громадный кабинетъ, великолѣпно обставленный ме-
белью готическаго періода Чиппендаля, но тоже съ хит-
рыми *арлекинными* произведеніями: такъ, у камина
стоялъ *отапливающійся* диванъ, одно изъ лучшихъ
Шератоновскихъ созданій. На стѣнѣ висѣлъ огромный
портретъ короля Георга III. Были и портреты другихъ
европейскихъ монарховъ, подаренные ими министру,
съ собственноручными лестными, почти дружественны-
ми, надписями. На столахъ, полочкахъ, въ шкафчи-
кахъ стояли другіе ихъ подарки, разныя вазы и произ-
веденія искусства. Одна изъ стѣнъ была выстлана кни-
гами въ великолѣпныхъ кожаныхъ перепшетахъ съ гер-
бомъ дома Лондондерри. Книги, какъ и вазы, предна-
значались лишь для украшенія комнаты: лордъ Кэль-
льри почти ничего не читалъ, да и не могъ читать, такъ
какъ былъ цѣлый день занятъ. Только по воскресеньямъ
въ своемъ имѣніи Крэй-фармъ, въ свободное отъ охоты
время, онъ имѣлъ возможность немного освѣжать въ
памяти запасъ цитатъ изъ латинскихъ классиковъ,
бывшій ему необходимымъ для парламентской работы.
Картинъ въ кабинетѣ не было. Но почему-то, въ отсут-
вленіе отъ общаго стиля комнаты, на стѣнѣ, надъ отап-
ливающимся диваномъ висѣла въ дорогой рамкѣ го-
лова гнѣдой лошади, нисколько не замѣчательная по
работѣ, написанная съ натуры въ Крэй-фармѣ малоиз-
вѣстнымъ художникомъ.

Въ каминѣ уже былъ зажженъ огонь. На письмен-
номъ столѣ горѣли четыре свѣчи. Въ работѣ при свѣ-

чахъ въ ранній утренній часъ было нѣчто пріятно-бодрящее, напоминавшее министру дѣтство, Армагскую школу, гдѣ онъ учился. Подъ столомъ на мягкомъ коврѣ лежала приготовленная лакеемъ грѣлка. Лордъ Кэстльри страдалъ подагрой, что подавало друзьямъ вѣчный поводъ для шутокъ: онъ не признавалъ крѣпкихъ напитковъ, почти не пилъ вина и былъ весьма умѣренъ въ ѣдѣ, — друзья, потреблявшіе въ большихъ количествахъ виски, шампанское, коньякъ и все же подагрой не болѣвшіе, говорили, что, видно, нѣтъ на землѣ справедливости.

Министръ иностранныхъ дѣлъ по утрамъ работалъ безъ секретарей, — какъ одѣвался безъ помощи камердинера: по своей деликатности, не хотѣлъ заставлятъ подчиненныхъ вставать въ столь ранній часъ. Да секретари ему, собственно, не были нужны. Онъ зналъ всѣ дѣла превосходно, и находились они у него въ образцовомъ порядкѣ. На столѣ уже лежалъ запечатанный пакетъ съ ночными депешами, присланный въ седьмомъ часу изъ министерства. Сбоку стояла частная шкатулка министра, большая, желѣзная, инкрустированная золотомъ, тоже украшенная гербомъ ихъ рода, истинное чудо искусства и техники. Надъ ней, по особому заказу, съ годъ трудились лучшіе мастера Англіи. Открыть ее можно было только зная секретный шифръ; послѣ того, какъ первая крышка поднималась, появлялись еще крышки, отдѣленія, были двойныя стѣны, двойное дно, все со сложнѣйшими приспособленіями, извѣстными только самому лорду Кэстльри. Эта драгоценная шкатулка предназначалась для храненія важнѣйшихъ бумагъ, вынимавшихся ненадолго изъ стальныхъ шкаповъ министерства, или же копій, которыя онъ заказывалъ лично для себя. Въ самомъ секретномъ отдѣленіи лежали его собственныя записи, обычно по дѣламъ долговременнаго значенія, касавшіяся вѣковой политики Англіи и имѣвшія большую историческую важность.

Виконтъ Кэстльри распечаталъ пакетъ и сталъ

читать депеши одну за другой. Каждая депеша укрѣпляла въ немъ увѣренность въ правильности его политики. Онъ не могъ бы допустить и мысли, что послы и дипломатическіе агенты хоть отчасти, сознательно или бессознательно, поддѣлываются подъ его взгляды и подбираютъ для него соотвѣтственные свѣдѣнія. Будучи англійскимъ джентльмэномъ, министръ не считалъ другихъ англійскихъ джентльменовъ способными на подлаживаніе и угодничество.

Всѣ его предположенія оправдывались. Тѣмъ не менѣе у него росло тоскливо-безпокойное чувство, съ которымъ онъ проснулся въ это утро и съ которымъ просыпался въ послѣднее время все чаще. Положеніе въ мірѣ было очень, очень тревожно. Вездѣ ежеминутно могли вспыхнуть возстанія, любой инцидентъ могъ вовлечь Англію въ новую войну. Эта мысль была кошмаромъ лорда Кэстльри.

Особенно серьезно было положеніе въ разныхъ земляхъ Турціи. Резидентъ въ Янинѣ сообщалъ, что Али-паша изжарилъ на медленномъ огнѣ пятнадцать человѣкъ. Свѣдѣнія о звѣрствахъ разныхъ пашей были и въ другихъ депешахъ. Министръ морщился съ гадливостью, читая эти сообщенія. Враги обвиняли его въ сухости, черствости, даже въ жестокости. Это обвиненіе было невѣрно. Звѣрства, о которыхъ онъ читалъ были ему чрезвычайно противны. Но онъ твердо зналъ, что ничего тутъ подѣлать невозможно, что нельзя руководиться въ политикѣ чувствами, хотя бы самыми лучшими. Турція все же представляла собой порядокъ, — а самый жестокій порядокъ всегда лучше безпорядка. Обобщать ничего не слѣдуетъ, на одного свирѣпаго пашу приходится десять не-свирѣпыхъ, и всѣ они вмѣстѣ такъ или иначе выражаютъ государственное начало. Время, конечно, сдѣлаетъ свое дѣло. Къ тому же, съ Яниной англичане вели выгодную торговлю, за товары Али-паши платилъ исправно и, по словамъ резидента, былъ настроенъ вполне благожелательно къ Англіи.

Министръ иностранныхъ дѣлъ съ раздраженіемъ подумалъ, что многіе британскіе политическіе дѣятели, въ томъ числѣ и самъ Каннингъ, были бы не прочь втравить Англію въ войну съ Турціей. «Пока я у власти, этого во всякомъ случаѣ не произойдетъ!» — твердо сказалъ себѣ онъ и рѣшилъ при случаѣ напомнить врагамъ въ палатѣ выраженіе своего друга, герцога Веллингтона: «Nothing is more tragical than a victory, except a defeat» (7).

Тревожныя извѣстія шли и изъ итальянскихъ государствъ. Это было довольно естественно: міръ все не могъ прійти въ равновѣсіе послѣ французской революціи и наполеоновскихъ войнъ. Неспокойно и въ самой Англіи. Лицо лорда Кэстльри становилось все болѣе мрачнымъ.

Онъ занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ и былъ лидеромъ палаты общинъ. Однако и друзья, и враги не безъ основанія считали его настоящимъ главой правительства: первый министръ, лордъ Ливерпуль, большой роли не игралъ. На виконта Кэстльри валили отвѣтственность и за внутреннія дѣла Англіи, особенно за ея финансы. Враги говорили, что его экономическая политика строится на эксплуатаціи низшихъ классовъ. Онъ давно приучилъ себя къ мысли, что отъ враговъ не дождаться ни фактической правды, ни справедливой оцѣнки; все же это его немного удивляло: самъ онъ былъ совершенно справедливъ къ врагамъ, и не его вина была въ томъ, что они ничего въ политикѣ не понимали. Несправедливъ былъ и бросавшійся ему упрекъ въ черствости въ отношеніи бѣдныхъ людей. Доходы и жалованіе лорда Кэстльри составляли около сорока тысячъ фунтовъ въ годъ. Онъ никогда изъ своего бюджета не выходилъ, отроду не имѣлъ никакихъ долговъ и тоже немного удивлялся, слыша, что у другихъ людей есть долги, — не только у какихъ-нибудь бездѣльни-

---

7) «Если не считать пораженія, то нѣтъ ничего болѣе трагическаго, чѣмъ побѣда».

новъ или мотовъ — это было бы неувидительно, — но и у людей вполне порядочныхъ; отчего же они не приводятъ своего бюджета въ порядокъ? Изъ своихъ сорока тысячъ фунтовъ онъ ежегодно удѣлялъ одну и ту же, немалую долю на благотворительныя дѣла, впрочемъ и тутъ не безъ легкаго удивленія: какимъ образомъ могутъ быть люди, нуждающіеся въ благотворительной помощи?

Отдѣльный запечатанный пакетъ исходилъ отъ вѣдомства развѣдочной службы. Министръ иностранныхъ дѣлъ вскрылъ его безъ большого интереса: по долгому опыту зналъ, что сообщенія этого вѣдомства вообще не заслуживаютъ довѣрія и что нельзя относиться къ нимъ серьезно. Ему было извѣстно, что на континентѣ, напротивъ, съ ужасомъ и восхищеніемъ приписываютъ этому британскому учрежденію огромную важность, необычайную освѣдомленность, какія-то дѣла историческаго значенія. Лордъ Кэстльри слушалъ и читалъ такіе рассказы съ улыбкой: съ этимъ мифомъ трудно и незачѣмъ бороться. Вѣдомство развѣдочной службы знало мало интереснаго, почти ничего не дѣлало и вдобавокъ, по своему крайне сложному, запутанному и секретному устройству, находилось въ хаотическомъ состояніи: отдѣльныя его службы были разбросаны по разнымъ министерствамъ, обычно другъ съ другомъ враждовали и даже не обмѣнивались между собой сообщеніями. Болѣе цѣнныя секретныя свѣдѣнія приходили отъ британскихъ военныхъ агентовъ при иностранныхъ арміяхъ: эти были завѣдомые шпіоны, чего нисколько и не скрывали, — каждый грамотный чело-вѣкъ понималъ, что никакого другого дѣла и другихъ обязанностей, кромѣ шпіонажа, у нихъ нѣтъ; тѣмъ не менѣе ихъ вездѣ принимали, съ ними поддерживали дружескія отношенія всѣ, вплоть до иностранныхъ монарховъ. Отъ военныхъ агентовъ иногда приходили интересныя донесенія; отъ вѣдомства же политической развѣдки почти никогда.

Не было ничего особенно важнаго въ запечатан-

номъ пакетѣ и на этотъ разъ. Тѣмъ не менѣе одно до-
несеніе пріѣхавшаго изъ Венеціи агента обратило на
себя вниманіе министра. Агентъ сообщалъ, что гре-
ческіе филикеры установили связь съ венеціанскими
карбонаріями, что ими также налажена опасная связь съ
Римомъ и Неаполемъ, что возстаніе должно вспыхнуть
съ минуты на минуту въ разныхъ городахъ южной и
восточной Европы, что во главѣ заговора стоитъ ан-
глійскій поэтъ, лордъ Байронъ, намѣченный въ прези-
денты европейской республики и тратящій на это дѣло
свое несмѣтное богатство. Лордъ Кэстльри внимательно
прочелъ сообщеніе и подумалъ, что все это, разумѣется,
преувеличено, однако доля правды, должно быть,
есть; на него всегда производило впечатлѣніе обиліе
всевозможныхъ подробностей: агентъ сообщалъ, что
Байронъ произнесъ въ Венеціи кровожадную зажига-
тельную рѣчь и что толпы итальянскихъ и греческихъ
революціонеровъ, выхвативъ кинжалы, клялись ему
въ вѣрности до гроба.

Этотъ скандальный поэтъ былъ всегда чрезвычайно
непріятенъ лорду Кэстльри. Онъ зналъ его по лон-
донскому обществу, слышалъ ходившіе о немъ безчис-
ленные рассказы, иногда весьма непристойные. Какъ
немало пожившій и знавшій свѣтъ человѣкъ, лордъ
Кэстльри дѣлалъ поправку на общественное вранье:
наиболѣе непристойнымъ рассказамъ онъ не вѣрилъ.
Но ему было достаточно и десятой доли того, что го-
ворили: Байронъ былъ человѣкъ не вполне нормаль-
ный умственно, не джентльмэнъ и не dignified, — да еще
вдѣлавакъ вмѣшивающійся въ дѣла, которыя нисколь-
ко его не касались и въ которыхъ онъ ничего не пони-
малъ (министръ разумѣлъ высшую политику). »Что-жъ,
можетъ быть этотъ сумасшедшій и въ самомъ дѣлѣ хо-
четъ стать президентомъ всемірной республики», — съ
досадой сказалъ себѣ Кэстльри и рѣшилъ обратиться на
Байрона вниманіе австрійскаго посла Эстергази: пусть
доложитъ князю Меттерниху. «Вѣдь этотъ господинъ
на Австрію тратитъ теперь свое *несмѣтное богатство*»,

— съ усмѣшкой подумалъ министръ. Имѣя сорокъ тысячъ фунтовъ годового дохода, онъ не считалъ себя богатымъ человѣкомъ; Байронъ же, бывшій кругомъ въ долгу, покинувшій Англiю не изъ романтической ненависти къ ней, а изъ опасенiя долговой тюрьмы, могъ казаться богачемъ только итальянскимъ нищимъ, — какъ только плебеямъ могъ казаться утонченнымъ аристократомъ этотъ воспитанный въ бѣдности сынъ Катерины Гордонъ. Виконтъ Кэстльри, впрочемъ, отнюдь не сравнивалъ его съ итальянскими нищими и плебеями: лордъ Байронъ былъ лордъ Байронъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ занесъ въ книжку нѣсколько словъ для памяти. При этомъ онъ подумалъ, что въ сущности можно было бы кое-съ-чѣмъ согласиться изъ того, чего требовали всѣ эти карбонаріи, филикеры, эрколаны, романтики, дженнаты, граціадеи и другіе экзотическіе люди со смѣшными кличками. По существу, конечно, не было основанiй Турціи владычествовать въ греческихъ земляхъ, а Австріи — въ итальянскихъ. Нельзя было бы, пожалуй, возражать и противъ требованiя свободнаго строя. У лорда Кэстльри не лежала душа къ парламентскому строю, большой пользы отъ него онъ не видѣлъ. Но въ свободный строй вѣрили его отецъ, дѣдъ, предки, этотъ строй въ Англiи существовалъ давно, а все, что давно существовало въ Англiи, не могло не быть разумно. Экзотическіе люди однако до свободы еще не доросли, никакихъ государственныхъ дѣятелей у нихъ не было, — настоящими государственными людьми Кэстльри считалъ только себя, князя Меттерниха и еще, быть можетъ, двухъ или трехъ человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, британскому правительству до всѣхъ этихъ Ботцарисовъ и Маврокордато ни малѣйшаго дѣла нѣтъ. «То, что они называютъ свободой, уже однажды, тридцать лѣтъ тому назадъ, взорвало міръ, можетъ взорвать и во второй разъ. Все лучше войны и возстанiй. Али-паша изжарилъ пятнадцать человѣкъ, а сколько изжарятъ они? Да, совершенно безумные люди!» — подумалъ онъ,

читая о присягѣ Байрону и о полномочіяхъ великаго мастера элевзиній.

Виконтъ Кэстльри очинилъ перо — перья тоже чинилъ самъ, новыхъ, стальныхъ, не признавалъ, — и сталъ писать отвѣты посламъ и дипломатическимъ агентамъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ все писалъ собственноручно; его сотрудники занимались лишь стилистической отдѣлкой документовъ, да и ее онъ разрѣшалъ только въ ограниченныхъ предѣлахъ. Гордился тѣмъ, что его вѣдомство всегда отвѣчаетъ на вопросы въ тотъ же день, — за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отвѣтъ затягивается умышленно. Инструкціи посламъ оставались прежнія, неизмѣнныя: вездѣ поддерживать существующую власть и людей, представляющихъ государственный порядокъ; могли быть отступленія отъ этого правила лишь въ тѣхъ случаяхъ, если-бъ этого требовали интересы британской имперіи, но такихъ случаевъ онъ пока не видѣлъ. Все же предписалъ янинскому резиденту обратить въ самой дружественной формѣ вниманіе Али-паши на то, что не слѣдовало бы злоупотреблять жестокостью и что лучше было бы не поджаривать вообще людей.

VII

Закончивъ отвѣтъ на всѣ депеши, онъ занялся вопросами не срочными, а долговременными. Виконтъ Кэстльри предпочиталъ дѣлать большую часть работы у себя, а не въ министерствѣ, которое помѣщалось въ комнатахъ тѣсныхъ, темноватыхъ и неудобныхъ. Поэтому онъ и держалъ дома свою секретную шкатулку.

Какъ разъ тогда, когда онъ придвинулъ ее къ себѣ, дверь кабинета отворилась безъ стука; вошла жена министра, очень толстая, добродушная дама. Въ рукахъ у нея было вязанье; ее сопровождалъ бульдогъ. Лордъ Кэстльри всталъ, улыбнулся (улыбка у него была тоже въ высшей степени dignified), поцѣловалъ женѣ руку, спросилъ, какъ она спала. Онъ имѣлъ репутацію сбрацованаго супруга и былъ вѣренъ женѣ, что въ тѣ времена еще не было общимъ обязательнымъ правиломъ британскихъ министровъ. Лэди Кэстльри замахала руками, показывая, что не хочетъ мѣшать его работѣ, сѣла на отапливаемый диванъ и занялась вязаньемъ. Она боготворила мужа, считала его величайшимъ человекомъ въ мiрѣ, никогда съ нимъ не разставалась: сопровождала его и при поѣздкахъ на континентъ, на разныя международныя конференціи. Это подавало вездѣ въ Европѣ поводъ для шутокъ и насмѣшекъ, тѣмъ болѣе, что ее считали женщиной весьма недалекой.

Министръ пустилъ въ ходъ секретныя приспособленія шкатулки; пришли въ движеніе шифры, секреты, колесики. Лэди Кэстльри, какъ всегда, съ любопытствомъ на это смотрѣла: сложная диковинная шкатулка казалась ей символомъ британской государственной машины; она не выражала своей мысли этими словами, но именно таково было ея ощущеніе. И точно такое же

чувство испытывалъ старый лакей, вошедшій въ комнату — подложить дровъ въ каминъ. Онъ на цыпочкахъ прошелъ по мягкому ковру кабинета; ему было ясно — и пріятно, — что въ этой комнатѣ творятся большія дѣла: виконтъ Кэстльри, правитель Англїи, сынъ и наследникъ маркиза Лондондерри, размышляетъ о дѣлахъ британской имперїи и всего міра.

Поднявъ крышку секретнѣйшаго отдѣленія, министръ досталъ свою записку объ основныхъ линїяхъ англійской политики. Во всей государственной дѣятельности лорда Кэстльри имъ руководили три основныя идеи. Первая изъ нихъ заключалась въ томъ, что вѣковой историческій врагъ британской имперїи это Франція; каждый французъ во снѣ видитъ высадку французскихъ войскъ въ Англїи; поэтому нужно всегда и во всемъ вести и поддерживать такія дѣйствія, которыя помѣшали бы возстановленію французской гегемонїи въ мірѣ. Вторая политическая мысль министра иностранныхъ дѣлъ сводилась къ необходимости прочныхъ, добрыхъ, дружественныхъ отношеній съ Австріей, какъ съ самой устойчивой и благонамѣренной великой державой Европы. Этой державой вдобавокъ давно руководилъ большой государственный дѣятель, князь Меттернихъ, — лордъ Кэстльри считалъ его почти равнымъ себѣ. И, наконецъ, третья, если не основная, то очень существенная мысль касалась Россїи, къ которой отношеніе было двойственное. Россія еще не стала вѣковымъ историческимъ врагомъ, но были симптомы, что она можетъ имъ стать. Не внушалъ особеннаго довѣрія и императоръ Александръ. Лордъ Кэстльри не отрицалъ дарованій царя, но, подобно своему другу Веллингтону, видѣлъ въ немъ опаснаго якобинца, особенно съ той поры, какъ царь заговорилъ о созданіи какого-то международнаго совѣта государствъ, имѣющаго цѣлью разрѣшать спорныя вопросы и предупреждать войны. Ничто не могло быть болѣе противно виконту Кэстльри, чѣмъ подобное фантастическое учрежденіе, вмѣшивающееся въ чужія дѣ-

ла, нарушающее традиціи британской имперіи и явно несовмѣстимое съ ея интересами. Кромѣ того императоръ Александръ становился слишкомъ могущественнымъ человѣкомъ, а Россія — слишкомъ могущественной страной. Слѣдовательно, въ ея отношеніи необходима величайшая осторожность.

Министръ долго размышлялъ съ перомъ въ рукѣ, то нервно записывалъ нѣсколько строкъ, то погружался снова въ размышленія. Безъ двадцати пяти минутъ одиннадцать лэди Кэстльри положила вязанье и сказала съ улыбкой, что имъ пора. Онъ взглянулъ на часы и съ улыбкой, подтвердилъ: пора въ самомъ дѣлѣ. Снова пришли въ ходъ секреты, шифры, колесики, крышечки, крышки, и двойное дно магической шкатулки поглотило новый плодъ глубокихъ мыслей виконта Кэстльри, правителя Англіи, сына и наследника маркиза Лондондерри. Онъ всталъ, подошелъ къ женѣ, снова поцѣловалъ ее сначала въ руку, потомъ въ лобъ. Бульдогъ поднялся и потянулся, видимо тоже понимая, что имъ пора.

При этомъ взглядъ министра иностранныхъ дѣлъ внезапно упалъ на висѣвшую на стѣнѣ лошадиную голову. Почему-то она его удивила, точно онъ увидѣлъ ее впервые, и удивила какъ-то досадно: что-то въ этой гнѣдой лошади было неприятно виконту Кэстльри. «Что такое? Въ чемъ дѣло?» — спросилъ себя онъ и нахмурился. — «О, нѣтъ, ничего рѣшительно», — ласково отвѣтилъ министръ женѣ, спросившей его съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, ужъ не случилось ли что-либо дурное.

Они вышли вмѣстѣ, лакеи вытягивались на лѣстницѣ, вытянулся швейцаръ, распахнувшій передъ ними двери, вытянулись на улицѣ сыщики, охранявшіе министра отъ покушеній. Прогулка продолжалась двадцать минутъ. Нѣкоторые прохожіе почтительно кланялись министру, другіе дѣлали видъ, что не узнаютъ его — не надо мѣшать государственному человѣку, — третьи съ ненавистью смотрѣли ему вслѣдъ. Сыщики

слѣдовали за министромъ иностранныхъ дѣлъ на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, не спуская глазъ съ проходившихъ людей. Прежде на пути министра не разъ раздавались крики: «Добрый старый Кэстльри!, но уже давно что-то никто не кричалъ. Министръ объ этомъ не скорбѣлъ, зная человѣческую неблагодарность. Да эти возгласы и не шли къ его стилю.

Ровно въ одиннадцать они подошли къ министерству. Швейцаръ отворилъ настежь дверь, на лѣстницѣ вытянулись лакеи, старшій секретарь почтительно поздоровался съ министромъ. Въ душѣ секретарь не одобрялъ того, что лордъ Кэстльри является въ министерство въ сопровожденіи жены и бульдога: это противорѣчило традиціямъ, такихъ прецедентовъ не было. Но видъ у министра былъ настолько dignified, что сомнѣнія тотчасъ разсѣивались: этотъ человѣкъ самъ былъ традиціей и прецедентомъ. У секретаря, у служащихъ, у швейцара, у лакеевъ было все то же пріятное чувство: государственная машина работаетъ превосходно, фактическій правитель государства, виконтъ Кэстльри, сынъ и наслѣдникъ маркиза Лондондерри, явился на свой постъ, какъ всегда, ровно въ одиннадцать часовъ, безъ единой минуты опозданія.

VIII

Въ третьемъ часу дня герцогъ Веллингтонъ медленно проѣзжалъ верхомъ по Гайдъ-Парку. Матери показывали его дѣтямъ: «Веллингтонъ», «желѣзный герцогъ», «побѣдитель Наполеона»... Онъ привѣтливо кивалъ всѣмъ головой. Лошадь подъ нимъ была необыкновенно хороша, и ѣздилъ онъ такъ, что лучшіе штатскіе наѣзники смотрѣли на него съ восторженной завистью. Одинъ же изъ нихъ, не то съ гордостью, не то съ легкой ироніей, подумалъ, что тутъ цѣлая культура: надо бы написать картину съ этого человѣка, который похожъ на конную статую самому себѣ; какъ, по извѣстной шуткѣ, нетрудно создать британскіе газоны — нужно только шестьсотъ лѣтъ полоть и поливать траву, — такъ для созданія этой картинной фигуры нужно было не одно поколѣніе Каулеевъ, Морнингтоновъ, Денганновъ и Вельслеевъ, бывшихъ сэрами, баронами, виконтами и графами, честно служившихъ въ королевской арміи и ѣздившихъ всю жизнь на кровныхъ лошадяхъ.

Герцогъ Веллингтонъ кружнымъ путемъ ѣхалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ навѣстить лорда Кэстльри, котораго онъ очень любилъ, хотъ считалъ человѣкомъ слишкомъ либеральнымъ и не чуждымъ якобинскаго духа или, по крайней мѣрѣ, дѣлающимъ якобинскому духу въ мірѣ чрезмѣрныя уступки. Онъ остановился у параднаго подъѣзда. Швейцаръ, служившій когда-то въ его арміи, превратился у двери въ каменную статую. Какіе-то люди бросились къ лошади. Герцогъ сошелъ съ коня и, хотъ сдѣлалъ онъ это необыкновенно легко и быстро, сказать о немъ, что онъ *соскочилъ*, было бы совершенно невозможно. Веллингтонъ вошелъ въ холлъ и медленно поднялся по лѣстницѣ,

живая всѣмъ съ ласковымъ величіемъ. Онъ не былъ такъ dignified, какъ лордъ Кэстльри, или былъ dignified по иному: въ его наружности, осанкѣ, выраженіи лица была королевская привѣтливость.

Дежурный секретарь почтительно проводилъ герцога къ дверямъ министерскаго кабинета. Въ комнатѣ, кромѣ министра и его жены, находился иностранный посоль. — «Madame, je ne vous savais pas en si bonne compagnie», — съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ произнесъ Веллингтонъ, и, смѣясь, пояснилъ, что это ритуальная формула французскихъ королей: такъ говорилъ госпожѣ Мэntenонъ Людовикъ XIV, заставляя гостей у нея въ гостиной, такъ же съ тѣхъ поръ говорили всѣ его престоланаслѣдники; и нынѣ благополучно царствующій Людовикъ, появившись въ Парижѣ послѣ революціи, послѣ террора, послѣ четверти вѣка эмиграціи, войдя въ салонъ какой-то маркизы, пробывшей двадцать пять лѣтъ чулочницей въ Лондонѣ, сказалъ ей: «Madame, je ne vous savais pas en si bonne compagnie».

Веллингтонъ предупредилъ, что захалъ безъ всякаго дѣла. — «Выгоните меня безъ стѣсненія, если я мѣшаю», — добавилъ онъ тономъ человѣка, увѣреннаго въ томъ, что его не выгонятъ, даже если онъ мѣшаетъ. Гость дѣйствительно мѣшалъ: у посла былъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ дѣловой разговоръ, который на худой конецъ можно было вести при лэди Кэстльри (она мѣшала не болѣе, чѣмъ бульдогъ или мебель), но не при постороннихъ людяхъ. Однако, хотя посоль куда-то спѣшилъ, онъ съ видимымъ удовольствіемъ отложилъ дѣловую бесѣду: всякому лестно было посидѣть въ тѣсномъ кругу съ побѣдителемъ Наполеона. И дѣйствительно, Веллингтонъ попотчевалъ собесѣдниковъ анекдотомъ, относившимся къ битвѣ при Ватерлоо. Говорилъ онъ изъ-за посла по-французски, но безпрестанно переходилъ на англійскій языкъ.

Посоль слушалъ съ почтительнымъ восхищеніемъ. Слушали также лордъ и лэди Кэстльри, хоть они эту исторію давно знали наизусть. Посторонній зритель и

туть сказаль-бы, что сцену эту можно увѣковѣчить: герцогъ Веллингтонъ рассказываетъ о битвѣ при Ватерлоо виконту Кэстльри. — «... Но гдѣ же находились главныя артиллерійскія силы Вашей Свѣтлости?» — вставилъ почтительный вопросъ посоль. Желѣзный герцогъ остановился: не любилъ, чтобы его перебивали, хотя-бы и почтительными вопросами. Кромѣ того, онъ забылъ, гдѣ тогда находились его главныя артиллерійскія силы. — «Вотъ они, штатскіе люди!» — сказаль онъ, — «дѣло было не въ артиллеріи: артиллерія и вообще, вѣрьте мнѣ, не имѣетъ будущаго, какъ родъ оружія. Дѣло было въ моихъ солдатахъ!...» Посоль больше не прерываль рассказа до конца: — ...«Тогда-то я обратился къ нимъ со словами: «Дѣтки, нельзя допустить, чтобы насъ разбили. Подумайте, что о насъ скажутъ въ Англіи!» И 95-ый полкъ ринулся въ атаку, какъ бѣшеный. Дѣло было рѣшено!» — «Это удивительно, Ваша Свѣтлость!» — сказаль восторженно посоль.

Онъ въ самомъ дѣлѣ находилъ это удивительнымъ. Посоль, слушая, думаль, какую огромную силу представляютъ собой этотъ человѣкъ и другіе подобные ему, менѣе знаменитые, но столь-же крѣпкіе, порядочные, вѣрные традиціямъ люди, не хватающіе звѣздъ съ неба, и вся эта удивительная, во всемъ преуспѣвающая, свято почитающая традиціи страна. Ему показалось, что въ Веллингтонѣ, въ Кэстльри, въ лежавшемъ на полу бульдогѣ есть что-то общее, очень пріятное, породистое, вмѣстѣ и добродушное, и рекомендуемое осторожность: сердить не надо. — «... Sound sense is better than abilities» (8), — сказаль герцогъ Веллингтонъ, любившій афоризмы. Онъ теперь говорилъ о международной политикѣ и критиковаль дѣйствія императора Александра. «Да, да, вотъ именно», — подумаль посоль.

Виконтъ Кэстльри слушаль безъ улыбки. Герцогъ Веллингтонъ былъ его другъ и былъ герцогъ Веллингтонъ. Однако, никому не слѣдовало отрывать отъ рабо-

---

8) «Здравый смыслъ лучше дарованій».

ты министра иностранныхъ дѣлъ во время его дѣловой бесѣды съ посломъ. Точно такое же выраженіе ласковаго дружескаго неодобренія было написано на лицѣ занятой вязаньемъ лэди Кэстльри. Но все разбивалось о благодушіе гостя и о несокрушимую его увѣренность, что для него время есть у каждыаго.

— ... Не думаете-ли, вы, Ваша Свѣтлость, что война съ Турціей не могла бы быть для Россіи особенно серьезной, — въ полувопросительной формѣ сказалъ посоль.

— Великая страна не должна вести малыхъ войнъ, — отвѣтилъ Веллингтонъ и перевелъ афоризмъ на англійскій языкъ: «A great country ought never to make little wars...» Онъ вернулся къ военнымъ вопросамъ и сказалъ, что присутствіе Наполеона во главѣ войскъ бывало по значенію равноцѣнно 40-тысячной арміи. — «Неужели 40-тысячной?» — переспросилъ посоль, пораженный точностью разсчета. — «Да, да, 40-тысячной», — подтвердилъ герцогъ. — «Какое великое предзнаменованіе въ томъ, что ваша свѣтлость родились въ одинъ годъ съ Наполеономъ!» — сказалъ посоль и пожалѣлъ о неудачномъ замѣчаніи: онъ вспомнилъ, что въ одинъ годъ съ Наполеономъ родился также лордъ Кэстльри. «Все-таки, они должны были бы какъ-нибудь между собой устроиться насчетъ великаго предзнаменованія...»

Герцогъ поговорилъ еще минутъ десять о финансовыхъ вопросахъ, — онъ почему-то считалъ себя глубокимъ финансистомъ, — поговорилъ и о разныхъ другихъ предметахъ, все въ тонѣ королевской благосклонной шутливости, затѣмъ сказалъ: «Однако, я вамъ порядочно надоѣлъ» — и нащупалъ въ карманѣ часы; лицо его освѣтилось дѣтской улыбкой. У Веллингтона была слабость къ часамъ; онъ имѣлъ огромную ихъ коллекцію, въ которой были и часы Типпу-Саиба, захваченные послѣ взятія Серингаптама, и часы съ картой Испаніи на крышкѣ, подаренные Наполеономъ испанскому королю Іосифу, и еще очень много другихъ историческихъ

и неисторическихъ часовъ. Недавно Брегетъ изготвилъ, по особому его заказу, часы съ замысловатымъ циферблатомъ, — время можно было опредѣлять наощупь. «Пора, пора», — сказалъ герцогъ и показалъ Брегетовскіе часы. «Послѣдняя новинка, очень удобно: не надо вынимать изъ кармана», — пояснилъ онъ, вставая.

Кэстльри проводилъ его до выхода. Изъ дверей высывались переписчики, желавшіе увидѣть вблизи желѣзнаго герцога. Старшій секретарь вполголоса перечислялъ, всѣ его титулы: герцогъ Веллингтонъ, герцогъ де Брюнуа, князь Ватерлоо, маркизь Дуро»... Веллингтонъ сѣлъ на коня — нельзя было сказать: вскочилъ, — и поскакалъ домой. Всѣ испытывали странное чувство: какъ это памятникъ скачетъ?

— *Mon cher comte, nous réglerons cette question à l'aimable*, — сказалъ лордъ Кэстльри послу въ заключеніе дѣловой бесѣды. Онъ всегда говорилъ «à l'aimable» вмѣсто «à l'amiable», но видъ у него при этомъ былъ столь увѣренный и столь dignified, что даже французы иногда терялись: можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ надо говорить «à l'aimable»? Посоль горячо поблагодарилъ, простился и вышелъ. Его лордъ Кэстльри провожалъ только до лѣстницы: посоль представлялъ иностраннаго монарха, но это не былъ герцогъ Веллингтонъ.

Въ три часа дня, отдавъ послѣднія инструкціи, министръ отправился въ Палату. Жена сопровождала его и туда. Лэди Кэльстри поднялась наверхъ, лордъ Кэстльри вошелъ въ залу засѣданій и занялъ свое первое мѣсто на правительственной скамьѣ, холодно-вѣжливо отвѣчая на привѣтствія. Въ парламентѣ не очень любили министра иностранныхъ дѣлъ. Тори считали его человѣкомъ высокоумнымъ, виги возмущались его внѣшней и внутренней политикой. Почти всѣ, однако, отдавали должное личнымъ качествамъ министра, уму, волѣ, трудолюбію, послѣдовательности, джентльманству; многіе считали его глубокимъ государственнымъ мыслителемъ. Были у него немногочисленные

личные друзья, преклонявшіеся передъ нимъ и фанатически ему преданные. Но были и немногочисленные личные враги, отрицавшіе за нимъ какія-бы то ни было качества.

Въ этотъ день въ палатѣ преній по внѣшней политикѣ не было. Былъ вопросъ, относившійся къ недороду и къ тяжелому положенію низшихъ классовъ. Виги говорили, что народъ переобремененъ налогами, что такъ дальше продолжаться не можетъ. Виконтъ Кэстльри слушалъ равнодушно: зналъ, что такъ оппозиція говорить должна по обязанности, что въ этомъ ея ремесло: это условныя слова, вродѣ того, какъ новые министры неизмѣнно говорятъ, что ихъ кабинету пришлось встрѣтиться съ небывалымъ и неслыханнымъ по трудности положеніемъ изъ-за наслѣдства, полученнаго ими отъ ихъ предшественниковъ. Онъ даже сомнѣвался, стоитъ-ли ему отвѣчать. Все-же рѣшилъ отвѣтить и сказалъ холодно нѣсколько словъ на свою обычную тему: — «It is delusive and dangerous, to say that distress arose from taxation and not from Providence and the great principles of Nature...» На скамьяхъ тори слышались возгласы: «Hear, hear...» Главный же врагъ и недоброжелатель лорда Кэстльри, членъ Палаты отъ Винчельси, Генри Брумъ, все время съ ненавистью на него поглядывавшій, подумалъ, что подлинное Божье наказаніе не въ недородѣ: оно въ томъ, что огромной имперіей и отчасти судьбами міра править тупой, ограниченный, невѣжественный человѣкъ, не знающій даже англійскаго языка.

Отвѣтивъ оппозиціи, министръ иностранныхъ дѣлъ вернулся съ женой домой. Они пообѣдали вдвоемъ, безъ гостей. Гости должны были у нихъ собраться вечеромъ послѣ оперы. Такъ какъ обѣщаль заѣхать принцъ-регентъ, то лэди Кэстльри распорядилась, чтобы ужинъ былъ поданъ на великолѣпномъ саксонскомъ сервизѣ, подаренномъ монархами министру послѣ Вѣнскаго конгресса. Обѣдъ-же, скромно сервированный, былъ очень

простой, англійскій: черепаховый супъ, джойнтъ, стилтонъ, пуддингъ; все запивалось пивомъ въ весьма умѣренномъ количествѣ. Послѣ обѣда, лордъ Кэстльри поцѣловалъ руку женѣ. Они отправились одѣваться.

Въ туалетной комнатѣ, передъ зеркаломъ, вдѣланнымъ въ Шератоновскую штучку, министръ замѣтилъ, что на подбородкѣ у него успѣло выступить нѣсколько сѣдыхъ волосковъ. Онъ не любилъ бриться во второй разъ въ день и рѣшилъ снять волоски, не намыливая лица. Виконтъ Кэстльри досталъ бритву и опять, съ непонятнымъ ему самому тревожнымъ неудовольствиемъ, обратилъ вниманіе на то, что небольшой ножъ куда-то исчезъ.

Затѣмъ онъ зашелъ къ женѣ, — всегда высказывалъ свое мнѣніе объ ея туалетѣ. Лэди Кэстльри одѣвалась, по общему отзыву, плохо; о ней ходили разные анекдоты: говорили, напримѣръ, что однажды, на Вѣнскомъ конгрессѣ, она надѣла, вмѣсто діадемы, осыпанный брилліантами орденъ Подвязки ея мужа. Министръ совершенно искренно похвалилъ платье и поцѣловалъ жену въ голову, молчаливо благодаря за ея восторженный взглядъ: лордъ Кэстльри былъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпенъ; едва-ли на свѣтѣ когда-либо существовалъ человѣкъ болѣе dignified, чѣмъ онъ.

Сложная прическа жены еще не была додѣлана: по пришедшей изъ Парижа модѣ, надлежало носить въ волосахъ отъ восьми до двѣнадцати перьевъ, — чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Это требовало времени. Министръ развелъ руками, показывая, что тутъ онъ безсиленъ. — «Я готовъ и пропустить первый актъ», — сказалъ онъ, показывая улыбкой, что это для него большой жертвы не составитъ, — «буду ждать васъ у себя».

Кабинетъ былъ теперь освѣщенъ только лампой надъ Шератоновскимъ диваномъ. При входѣ взглядъ министра остановился на лошадиной головѣ. Какая-то неясная мысль опять тревожно его поразила. «Нѣтъ, въ депешахъ ничего особеннаго печальнаго, кажется, не было?» — неувѣренно сказалъ онъ себѣ. Лордъ Кэст-

льри неторопливо расхаживалъ своей величественной походкой по кабинету, переходя изъ освѣщенной части комнаты въ полутемную. Почему-то въ немъ все усиливалось чувство тревоги, съ которымъ онъ проснулся въ этотъ день. Въ депешахъ все было не слишкомъ пріятно, но не было ничего особенно дурного. Ничего дурного не произошло и днемъ на засѣданіи Палаты. Вдругъ когда министръ приблизился къ дивану, гнѣдая лошадь съ полотна показала ему языкъ... Онъ приросъ къ полу отъ негодованія: «Что это? Какъ она смѣетъ?...» Виѳонтъ Кэстльри вздрогнулъ, провелъ рукой по лбу, пришелъ въ себя. «Просто я переутомился», — подумалъ онъ и поспѣшно отошелъ отъ дивана.

Х

— ... Вы меня осуждаете за невѣріе, милый другъ, — сказала Байронъ. — Между тѣмъ, слухи о моемъ атеизмѣ распускаются конкурентами моего издателя, дабы повредить распространенію моихъ книгъ. Разсчитъ, кстати сказать, невѣрный, ибо періодически возстаивающаяся мода на невѣріе возвращается въ Европѣ и сейчасъ. Очень сожалью, что князь Меттернихъ считаетъ Господа Бога австрійскимъ патриотомъ и оберъ-канцлеромъ, а лордъ Кэстльри — верховнымъ лидеромъ партіи тори. Но самъ я не атеистъ. Не могу назвать себя и вѣрующимъ человѣкомъ. Прежде боялся, что природа произвела меня въ день совершеннаго равнодушія. Теперь вижу, что все-таки сомнѣваюсь, — это по моему, не plus ultra вѣры. Наставлять-же меня тутъ совершенно бесполезно. Такъ-же напрасно говорить человѣку: не сомнѣвайся, вѣруй, какъ напрасно говорить: не спи, бодрствуй. Онъ заснетъ все равно.

Тереза Гвиччіоли подавила зѣвокъ. Собственно, она не очень его наставляла и не такъ ужъ опасалась его невѣрія. Знала, что послѣ долгой работы онъ любитъ поговорить, и что говорить ему не съ кѣмъ: въ Пизѣ, гдѣ они жили уже довольно долго, ихъ небольшое общество успѣло очень ему надоѣсть. Она понимала, что ей надо лишь изображать на лицѣ вниманіе и время отъ времени вставлять осторожныя замѣчанія, которыя не могли бы ему показаться слишкомъ глупыми. *Въ посѣщеніи кладбища съ любимой женщиной* было то, что, по ея мнѣнію, полагалось поэту. Однако, они уже съ четверть часа стояли передъ «Торжествомъ смерти». Именно изъ-за фресокъ Campo Santo разговоръ перешелъ на религіозное предметы; о нихъ говорить съ нимъ Тереза Гвиччіоли не любила.

— Великій писатель не можетъ быть невѣрующимъ человѣкомъ. А вы, Байронъ, величайшій изъ писателей, — замѣтила она.

— Мнѣ, напротивъ, иногда кажется, что религія несовмѣстима съ искусствомъ, — сказалъ онъ, не дослушавъ. — Существуетъ-ли строго-религіозное искусство? Вы назовете Данта, нѣкоторыхъ великихъ живописцевъ, и вы будете, конечно, правы. Я не рѣшилъ этого вопроса, все тщетно пытаюсь разрѣшить. Существуютъ невѣрующіе люди, по разнымъ причинамъ желающіе, чтобы ихъ искусство было «насквозь религіозно». Они меня не интересуютъ, какъ не интересуютъ меня люди неискренніе вообще. — Графиня Гвичіоли улыбнулась; онъ холоднымъ выраженіемъ лица показалъ, что не понимаетъ ея улыбки. — Существуютъ также такъ называемые «люди, ищущіе Бога». Этой распространенной формулы я никогда не могъ понять; она, въ сущности, ничего не значитъ и ни къ чему не обязываетъ. Какъ это они «ищутъ Бога»? И если ищутъ, то почему не находятъ? Когда же они найдутъ? Существуютъ, наконецъ, истинно религіозные художники, среди нихъ есть люди гениальные. Но религіозно-ли ихъ искусство? Когда они писали, они больше думали о рифмахъ, о звукахъ, о краскахъ, о стилѣ, чѣмъ о вѣчной жизни и безсмертіи души. Вы возразите, что религіозность ихъ душевной природы сказывалась въ нихъ, о чемъ бы они ни думали...

— Разумѣется! — вставила Тереза: мысли, которыя онъ самъ ей подсказывалъ, можно было выражать безъ опаски.

— Пусть, но они не могли не видѣть соблазновъ своего искусства. Вѣдь все искусство само по себѣ есть великій соблазнъ, оно соперничаетъ съ вѣрой, и для искренне вѣрующаго человѣка эта мысль, я думаю, нестерпима. Религіозное творчество должно быть понятно, общедоступно, опредѣленно, односмысленно. Искусство-же почти всегда не-общедоступно, неопредѣленно, двусмысленно, даже многосмысленно. Кромѣ

того, религія живетъ добромъ, дышетъ добромъ и прекрасна добромъ. Искусство-же по природѣ зло или живетъ преимущественно злобой... Впрочемъ, въ такой формѣ моя мысль преувеличена. Однако, вѣрно то, что искусство, — по крайней мѣрѣ литература, — гораздо лучше помнить о злѣ, чѣмъ о добрѣ, гораздо чаще вдохновляется зломъ, чѣмъ добромъ, гораздо больше обязано злу, чѣмъ добру. И не вѣрьте тѣмъ художникамъ, которые, вѣчно описывая зло, увѣряютъ, что служатъ такимъ образомъ добру или даже Богу: это самые неискренніе изъ художниковъ. Да вотъ, взгляните на эти геніальныя фрески. Я не живописецъ, у меня нѣтъ вѣрнаго глаза, — когда я смотрю на картину, я интересуюсь не тѣмъ, что занимаетъ живописцевъ; меня прежде всего занимаетъ вопросъ: что за человѣкъ былъ тотъ, кто это создалъ. И тутъ, слава Богу, мы въ догадкахъ почти свободны. Вазари насъ погубилъ, рассказавъ анекдоты обо всѣхъ художникахъ Италіи. Но объ авторѣ этихъ фресокъ онъ самъ почти ничего не зналъ. Говорятъ, что «Торжество смерти» написалъ нѣкій Андреа ди Чіоне, называвшій себя Орканья, жившій въ Пизѣ въ 14-омъ вѣкѣ, бывшій одновременно живописцемъ, архитекторомъ, скульпторомъ и поэтомъ. О немъ Вазари не сообщилъ намъ ни пустыхъ анекдотовъ, ни серьезныхъ свѣдѣній. Нѣкоторые знатоки вдобавокъ приписываютъ «Торжество смерти» кому-то другому. Во всякомъ случаѣ, мы совершенно не знаемъ, что за человѣкъ былъ этотъ Орканья. Кажется, онъ къ искусству относился съ легкой ироніей: по крайней мѣрѣ, на своихъ картинахъ писалъ: «Fese Andrea di Cione scultore», а на статуяхъ: «Fese Andrea di Cione pittore». Впрочемъ, это могло происходить и отъ маніи величія: «все умѣю!...» Въ религіозныхъ чувствахъ этого человѣка мы какъ будто сомнѣваться не должны: онъ строилъ церкви, расписывалъ стѣны часовень, набожные пизанцы довѣрили ему стѣнную живопись ихъ знаменитаго кладбища. Что-же онъ написалъ? Въ этихъ фрескахъ все двусмысленно.

— Почему, Байронъ? — спросила графиня. Она чувствовала, что тутъ слѣдовало бы записывать: великій поэтъ высказываетъ свои мысли о произведеніи великаго художника, да еще на пизанскомъ *Campro Santo*.

— Посмотрите, справа молодые люди и дамы танцуютъ, поютъ, играютъ на лютнѣ... Разумѣется, это должно означать поэзію, свѣтъ, радость жизни. Замѣтьте, однако: ни одного красиваго лица, ни одной привлекательной фигуры. Точно онъ хотѣлъ сказать, что все это очень преувеличено, что ничего хорошаго тутъ нѣтъ, что радоваться собственно нечему. А вотъ рядомъ собрались калѣки, нищіе, уроды, — эти, напротивъ, изображены очень наглядно. По срединѣ фресокъ летитъ смерть. Обратите на нее вниманіе, я такой смерти не видѣлъ ни на одной картинѣ. Обыкновенно, смерть рисуютъ дряхлой старухой съ косою. Здѣсь она здоровенная злая баба. Калѣки, нищіе и уроды простираютъ руки къ атлеткѣ-смерти. И по милому, простодушному обычаю того времени, художникъ, очевидно не очень вѣря въ свою изобразительную силу или въ понятливость зрителей, пояснилъ мысль еще словами, — видите, тутъ помѣщены стихи, вѣроятно, его собственнаго сочиненія: «*Dacche prosperidade ci ha lasciati, — O Morte, Medicina d'ogni pena, — Deh vienì a darne omai l'ultima Cena!...*». Однако смерть знать не хочетъ калѣкъ, нищихъ и уродовъ. Минуя ихъ, она летитъ къ тѣмъ невеселымъ прожигателямъ жизни, къ не очень красивымъ богатымъ дамамъ, за которыми волочатся не очень привлекательные богатые юноши. Не думаю, чтобы это была благочестивая мысль. Скорѣе здѣсь можно усмотрѣть насмѣшку. Но вотъ — настоящій центръ картины. Три короля, въ сопровожденіи любовницъ, слугъ, пажей, ѣдутъ на охоту или, быть можетъ, на «оргію». Передъ ними на дорогѣ — три открытыхъ гроба. Въ гробахъ мертвые короли въ разныхъ степеняхъ разложенія: одинъ сгнилъ совершенно, другой — наполовину, по его тѣлу ползаетъ змѣя, третій —

сталь скелетомъ. Живые короли въ ужасѣ останавливаются передъ тѣлами мертвыхъ... Какъ хорошо для этого Орканья, что въ его время не было ни газетъ, ни рецензентовъ. Если бы что-либо подобное написалъ я, меня забросали бы ироническими вопросами: что за короли? почему такая симметрия: три живыхъ, три мертвыхъ? почему гробы стоятъ на дорогѣ? откуда взялась змѣя? почему поэтъ пишетъ чепуху? Но прежде всего, сказали бы, конечно, что только циникъ, только чело-вѣкъ, любящій копаться въ грязи и тлѣни, могъ избрать подобный сюжетъ, — кто-же не знаетъ, что люди смертны и что мы всѣ умремъ... Мысль эта была не такъ нова и во времена Орканья, но его за подобный сюжетъ, вѣрно, не бранили...

— Вы не хотѣли бы, однако, Байронъ, — сказала, смѣясь, Тереза, — чтобы онъ на стѣнѣ кладбища изобразилъ какой-нибудь веселенькій сюжетъ!

— И я тоже не склоненъ къ веселенькимъ сюжетамъ.

— Но вы все-таки не пишете фресокъ на кладбищѣ!

— Двусмысленныя, соблазнительныя, злыя фрески! Что тутъ сказано? Можетъ быть, живые короли, увидѣвъ мертвыхъ, раскаялись и стали отшельниками? Нѣтъ, они, вѣроятно, поѣхали дальше на свою оргію или на охоту. Видите, съ какимъ отвращеніемъ одинъ изъ нихъ смотритъ на гробы: скорѣй бы отъѣхать подалее! И онъ совершенно правъ: это настоящій король! Умрешь, — пусть и отъ тебя убѣгаютъ другіе, ничего другого изъ гробовъ не слѣдуетъ. Я увѣренъ, онъ не умретъ смертию, которую называютъ естественной, — точно *это* можетъ быть естественнымъ, — и точно «естественная» чѣмъ-то лучше: она хуже во сто кратъ! Настоящій король найдетъ *свою* могилу... Вы не думаете?

— Я думаю, что сторожъ у воротъ больше всего мечтаетъ о томъ, какъ бы мы ушли возможно скорѣе.

— Исполнимъ его желаніе: онъ останется одинъ, со своими фресками, со своими покойниками, со своей палестинской землей. Вы знаете, ученые установили, что въ землѣ этого кладбища тѣла истлѣваютъ вдвое быстрѣе, чѣмъ во всякой другой. И еще удивительно: позднѣе всего въ землѣ на мертвомъ тѣлѣ истлѣваютъ волосы и зубы, — то, чего живой человѣкъ лишается всего раньше...

— Ради Бога! Ради Бога! — сказала она, морщась съ отвращеніемъ.

— Простите меня. Пойдемъ отсюда, тамъ на площади веселѣе. Вы слышите, поютъ пѣсни.

Выходя, онъ сунулъ сторожу золотую монету. Графиня Гвичіоли только вздохнула: знала, что и денегъ не такъ ужъ много, и что не всегда онъ бываетъ столь щедръ, — вѣрнѣе, борется со своей природной скупостью. Сторожъ проводилъ ихъ съ низкими поклонами, съ «эччеленца». На площади, по случаю праздника, бойкій бродячій пѣвецъ пѣлъ старыя пизанскія пѣсни. Они едва нашли мѣсто за столикомъ; лакей, не спрашивая, принесъ бутылку вина и мороженное. Въ послѣднее время Байронъ почему-то полюбилъ эту невзрачную кофейню, дешевенькое бѣлое вино, которое даже не имѣло названія.

— «Voi siete la piu bella creatura — Venuta dal cielo in terra cristiana», — повторилъ онъ слова пѣсни. — Какъ дальше? Я не разобралъ словъ.

— «Tutte le stelle non si lascian vedere, — Tutte le belle non si posson avere», — пропѣла она вполголоса. — Вы огорчены? У васъ было ихъ, вѣрно, не болѣе тысячи?... Правда, прелестная пѣсня? Она очень, очень старая...

— Можетъ быть, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Андреа ди Чіоне, прозванный Орканья, на этой площади, передъ этимъ соборомъ, передъ этой сумасшедшей башней, въ такой-же вечеръ, со столь же прекрасной женщиной, слушалъ эту же пѣсню, потрудившись въ теченіе дня надъ «Торжествомъ смерти», и его дама подшу-

чивала надъ нимъ: зачѣмъ морочишь людей? Ни о какихъ мертвыхъ короляхъ ты не думаешь, а думаешь о бѣломъ винѣ, о славѣ, о дукатахъ.

— Тогда ужъ и «обо мнѣ». Но мы опоздаемъ къ обѣду, Байронъ, — сказала Тереза, испугавшись, что, снова вспомнивъ объ Орканья, онъ начнетъ длинный монологъ. Онъ посмотрѣлъ на нее, улыбнулся, окинулъ взглядомъ соборъ, «батистеро», наклонную башню и подумалъ, что незачѣмъ себя дальше обманывать: ему въ самомъ дѣлѣ надоѣла Италия, въ которую онъ *влюбленъ*, ея памятники, ея дворцы со звучными названіями, картины и фрески, наклонныя и не-наклонныя башни; надоѣла и комедія съ графиней Гвиччіоли, и все надоѣло *просто*, безъ байронизма, и ужъ если гдѣ жить, то все-таки у себя въ Англіи.

— ... Вы говорите: бессмертіе души, — сказалъ онъ, хоть она ничего такого не говорила. — Знаю, я воспитался на книгахъ восемнадцатаго столѣтія, которыя уже стали пошловатыми, а скоро станутъ совсѣмъ пошлыми — впредь до ихъ возможнаго воскресенія. Я самъ человѣкъ 18-го столѣтія. Это придаетъ и мнѣ, и моимъ мыслямъ, и моимъ разговорамъ скучную трезвую сухость, которой нѣтъ въ моихъ стихахъ, отъ чего они, впрочемъ, не становятся лучше. Мои мысли о бессмертіи души вы угадываете, я не стану повторять общія мѣста. Но долженъ сказать, бессмертіе души я принялъ бы скорѣе какъ наказаніе: я не такъ доволенъ собственной душой.

— А тѣломъ? — спросила она себя и, увидѣвъ по выраженію его лица, что замѣчаніе ему не понравилось, огорчилась. Разговаривать съ нимъ было такъ трудно. — Не сердитесь, Байронъ: я вѣдь постоянно говорю глупости.

— Я и самъ часами несу ерунду, — сказалъ онъ, вдругъ засмѣявшись добродушнымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ. — Да и сейчасъ я высказывалъ вамъ о вѣрѣ, объ искусствѣ мысли самодовольныя, скучныя, сухія. О вѣрѣ, по моему, не должны говорить ни вѣрующіе,

ни невѣрующіе люди. Объ искусствѣ-же мои сужденія мѣняются каждый день. Я занимаюсь искусствомъ чуть не двадцать лѣтъ и совершенно не знаю, что это такое. Но знаю твердо, что меня искусство уже удовлетворить не можетъ: ни мое, ни даже чужое, самое лучшее. Человѣкъ не созданъ для того, чтобы писать стихи или сказки. Надо дѣлать дѣло? А если ни въ какое дѣло не вѣришь, что тогда?

— Въ самомъ дѣлѣ, что тогда?

— Тогда надо жить со дня на день. Или, когда станетъ ужъ очень гадко, надо найти *свою* могилу, *королевскую*, — произнесъ онъ, помолчавъ.

— Больше никогда не буду ходить съ вами на кладбище, — сказала она, разсердившись полуискренне, полупритворно. — «Могилы, могилы», что можно новаго и умнаго сказать о могилѣ! Вамъ надо творить: вы первый писатель міра, вы такъ знаете людей, друзья ваши говорили мнѣ, что вы читаете въ душахъ какъ въ книгѣ.

— Какъ въ книгѣ! — съ комической торжественностью подтвердилъ онъ и подумалъ, что друзья совершенно правы, что, главнымъ образомъ, поэтому жизнь его такъ тяжела, такъ скучна и становится все скучнѣе и тяжелѣе. Подумалъ также, что читать въ птичьей душѣ графини Гвичіоли не очень трудно, но вслухъ читать незачѣмъ. Подумалъ, что сошлась она съ нимъ изъ-за счастливаго обычая: у нихъ молодымъ замужнимъ женщинамъ, особенно при старомъ мужѣ, полагается имѣть *cavalier servante*, и онъ превосходный *cavalier servante*: богатый, знаменитый, знатный, красивый; а когда онъ исчезнетъ, то появится слѣдующій, похуже, ибо она станетъ старше. Роковая же страсть изображается по модѣ, имъ самимъ въ мірѣ введенной. Слѣдующій будетъ уже вѣрно по другой модѣ.

— Скажите, скажите, Байронъ, что вы во мнѣ видите? — спросила она, улыбаясь.

И слова ея, и *кокетливая улыбка*, и весь глупый разговоръ были ему привычно-противны. Онъ изобразилъ

на лицѣ роковую страсть и повторилъ страстнымъ шопотомъ: «Voi siete la piu bella creatura — Venuta dal cielo in terra cristiana...» Она *подарила* его *нѣжнымъ* *взглядомъ*. «Теперь настоящій cavaliere servante»...

XI

Герцогъ Веллингтонъ давалъ обѣды въ честь короля. Георгъ IV, въ бытность свою принцемъ-регентомъ, охотно принималъ приглашенія въ частные дома. У себя онъ устраивалъ три рода приемовъ. На большіе приемы посылались оберъ-камергеромъ официальные приглашенія, отпечатанныя на огромныхъ листахъ картона, и являться надо было въ придворныхъ костюмахъ. Затѣмъ были приемы средніе, съ приглашеніемъ не отпечатаннымъ, а писаннымъ рукой секретаря, — гости приходили во фракахъ. И, наконецъ, иногда устраивались во дворцѣ малые приемы, человѣкъ на пять или на шесть, которымъ письменныхъ приглашеній не посылалось: къ нимъ приходилъ дворцовый лакей и устно просилъ, «если у нихъ нѣтъ ничего лучшаго», прійти къ его высочеству поужинать, запросто, не одѣваясь: будутъ только свои. Устные приглашенія считались особой честью, и получали ихъ только избранныя лица.

Съ тѣхъ поръ какъ принцъ-регентъ, со смертію Георга III, вступилъ на престолъ, этикетъ сталъ болѣе строгимъ. Новый король почувствовалъ съ годами усталость. Онъ свои шестьдесятъ лѣтъ прожилъ очень весело. Повліяла на короля и исторія съ женой. Послѣ развода съ ней, его популярность значительно уменьшилась; при проѣздѣ по улицамъ Лондона, онъ не разъ слышалъ радостные возгласы: «Where's your wife, Georgy?... (9) Затѣмъ жена его скончалась; къ собственному его изумленію, на немъ отразилось и это, хотъ онъ совершенно ее не выносилъ. Георгъ IV вдругъ очень потолстѣлъ, отяжелѣлъ, обрюзгъ. Ему тяжело было смо-

---

9) «Джорджи, гдѣ твоя жена?».

трѣть на свои портреты, въ молодости, писанные въ тѣ времена, когда онъ считался красавцемъ и, подъ прозвищемъ «перваго джентльмэна Европы», сводилъ съ ума красивѣйшихъ женщинъ міра.

Новая фаворитка, маркиза Конингэмъ, пришедшая на смѣну лэди Хертфордъ, старалась не отпускать его въ общество. Да и самъ онъ ее покидалъ неохотно, смутно-тревожно предполагая, что эта *старческая любовь* (безъ ужаса и подумать было невозможно). — послѣдняя любовь его жизни. Собираться съ людьми, даже пріятными, безъ женщинъ, стало ему скучно и тягостно. Однако, изрѣдка все же приходилось принимать гостей и ѣздить въ гости. Подражая королю, малые пріемы въ его честь устраивали знатнѣйшіе сановники Англій.

Отказаться отъ приглашенія побѣдителя при Ватерлоо было почти невозможно. Вдобавокъ, Веллингтонъ недавно купилъ великолѣпный домъ, Apsley House, и желалъ его показать. Георгъ IV и вообще недолюбливалъ герцога. При мысли же о томъ, что придется осматривать и хвалить разныя сокровища и достопримѣчательности, дурное настроеніе короля усилилось. Ему достаточно надоѣли и собственные, и тѣмъ болѣе чужіе дворцы, картинныя галлерей, стильная мебель, коллекціи фарфора, старинное серебро. Если-бъ дѣло было зимой, можно было-бы сказать, что при свѣчахъ нельзя ничего оцѣнить по достоинству. Но въ августѣ въ семь часовъ вечера еще было свѣтло, какъ днемъ. Король понималъ, что хозяинъ его не пощадитъ и покажетъ рѣшительно все.

Достопримѣчательности начались уже въ холлѣ. Георгъ IV покорно остановился передъ огромной статуей; это былъ Наполеонъ Кановы съ земнымъ шаромъ въ рукѣ. Хозяинъ дома разсказалъ исторію сокровища. «...Когда же лордъ Бристоль сказалъ скульптору, что земной шаръ недостаточно великъ по размѣрамъ статуи императора, Канова отвѣтилъ: «*Vous pensez bien, mylord, que la Grande Bretagne n'y est pas comprise*». Король слабо улыбнулся. Отвѣтъ показался ему до-

вольно забавнымъ; однако онъ подумалъ, что, если не только осматривать произведенія искусства, но еще выслушивать по ихъ поводу историческіе анекдоты, то обѣдать вообще не придется.

Георгъ IV пошелъ дальше тяжелой, переваливающейся походкой. Почти не глядя на вещи, почти не слушая объясненій, онъ, какъ при открытіи разныхъ музеевъ, повторялъ, въ зависимости отъ предмета: «Это поистинѣ прекрасно» или «Очень, очень интересно». Увидѣвъ въ зеркалѣ свою грузную фигуру, помятое, теперь совсѣмъ старческое, лицо, король только вздохнулъ. Онъ по-прежнему одѣвался лучше всѣхъ въ Англіи; по-прежнему зналъ, что, если сегодня криво застегнуть пуговицу или воткнетъ носовой платокъ въ туфлю, то завтра то же сдѣлаетъ весь Лондонъ. Но теперь ему было ясно, что все это ни къ чему.

За нимъ почтительно слѣдовали хозяинъ и гости: маркизъ Лондондерри (его по старой памяти все еще называли лордомъ Кэстльри), русскій посоль, графъ Ливень, и еще три человѣка, — Георгъ IV не помнилъ одного изъ нихъ: зналъ его по наружности, зналъ, что этотъ гость былъ въ свое время представленъ (иначе онъ не могъ бы быть приглашенъ на обѣдъ), зналъ, что фамилія гостя значилась въ списокѣ приглашенныхъ, и все-таки не могъ вспомнить, кто это. «Плохой признакъ, старость», — хмуро подумалъ онъ: память у него вообще была профессиональная, очень хорошая. По облику гостя король понялъ, что это дэнди (больше не говорили «beau») самаго послѣдняго образца: онъ былъ нехорошо одѣтъ, ногти у него были длинные, волосы немного растрепанные, видъ болѣзненный, разсѣянный и роковой, — Георгу IV было извѣстно, что новая мода эта создавалась въ подражаніе сумасшедшему поэту Байрону, тому, который находился въ любовной связи съ собственной сестрой. «Да, странное, странное время!» — сердито думалъ онъ, вспоминая себя и друзей своей молодости, Фокса, графа д'Артуа, такъ худо кончившаго Филиппа-Эгалитэ. Когда изъ разговора фамилія

гостя выяснилась, король пожалъ плечами. Это былъ обыкновенный, ничѣмъ не замѣчательный лордъ, дальнѣй родственникъ Веллингтона, — очевидно, герцогъ хотѣлъ его угостить королемъ. «Но кѣмъ-же онъ угощаетъ меня!...» Георгъ IV, отъ природы человекъ умный, хорошо знавшій общество, перевидавшій всевозможныхъ знаменитыхъ людей, больше никѣмъ вообще не интересовался и ни для кого себя не утруждалъ. Разговоры на серьезныя темы были еще хуже глупыхъ разговоровъ. Самъ онъ говорилъ почти всегда одно и то же: такъ проще, и незачѣмъ стараться, и совершенно неинтересно, что о немъ подумаютъ Веллингтонъ, Кэстльри, растрепанный лордъ, да и вообще кто-бы то ни было.

Хозяинъ давалъ объясненія, и по его интонаціямъ былъ виденъ чинъ художника: Сальватора Розу онъ представлялъ королю не такъ, какъ Мурильо, а Мурильо не такъ, какъ Тиціана. Гости вставляли замѣчанія, и Георгъ IV видѣлъ, что они ничего не понимаютъ въ искусствѣ. Самъ онъ зналъ толкъ въ картинахъ; въ другое время, въ лучшемъ настроеніи духа, быть можетъ, кое-что посмотрѣлъ бы въ этомъ домѣ: наряду съ плохими картинами и поддѣлками, тутъ были превосходныя вещи. Но ему не хотѣлось доставлять удовольствіе Веллингтону, и ничего, кромѣ «Это поистинѣ прекрасно» и «Очень, очень интересно», онъ такъ изъ себя и не выдалъ. Позабавило его и вмѣстѣ раздражило, что Наполеонъ былъ въ Apsley House'ѣ буквально на каждомъ шагу, во всѣхъ видахъ, — скончавшійся въ прошломъ году императоръ былъ въ Лондонѣ вообще въ большой модѣ. При видѣ картины Уилькиса, изображавшей, какъ англійскіе инвалиды читаютъ въ газетѣ сообщеніе о битвѣ при Ватерлоо, король подумалъ, что картина неважная и что вывѣшивать ее Веллингтону не слѣдовало бы. Когда же дѣло дошло до часовъ Типпу-Саиба, захваченныхъ послѣ взятія Серингапатама, Георгъ IV такъ открыто и рѣшительно зѣвнулъ, что хозяинъ тотчасъ повелъ гостей къ столу.

— Ваши русскія идеи у меня сегодня побѣждаютъ, какъ вы увидите, лишь наполовину, — сказаль онъ русскому послу, смѣясь и показывая на столъ. Его слова относились къ революціи, которая происходила въ мірѣ въ вопросахъ сервировки. Старыя, французскія правила тутъ боролись съ новыми, русскими. Во Франціи, а за ней во всей Западной Европѣ, при званыхъ обѣдахъ на огромный столъ ставились сразу десятки самыхъ разныхъ блюдъ, подъ крышками, подъ колпаками, на жаровняхъ. Однако въ послѣднее время стала распространяться русская мода: блюда приносились въ столовую изъ кухни одно за другимъ. Между знаменитыми поварами, мѣтръ-д-отелями, гастрономами шелъ ожесточенный споръ о недостаткахъ и преимуществахъ новой моды, *assiettes volantes*. На столѣ герцога Веллингтона стояли золотыя и серебряныя блюда, но ихъ было не такъ много, и ясно было, что это не весь обѣдъ. — Сегодня мой шефъ придумаль «*dîner tout en boeuf*», — поясниль герцогъ. У короля вытянулось лицо.

— Я знаю эту штуку. Идея Эліо, да? Каремъ всегда это отрицаль, — сказаль онъ довольно угрюмо. Рѣчь шла тоже о новой модѣ, вѣрнѣе, о возрожденной модѣ временъ Людовика XV: многочисленныя блюда обѣда готовились изъ одного и того же мяса. Георгъ IV взяль меню и прочель съ хмурымъ видомъ. Тамъ значились: «*potage a la jambe de boeuf*», «*alimelles de palais de boeuf*», «*petits pâtés de boeuf*», «*poitrine de boeuf a la Hongrie*», «*gateau de grâisse de boeuf*», «*griblottes de boeuf*», «*hatereaux de boeuf*», «*clarquet de jus de boeuf*» и еще какія-то мало понятныя блюда, все изъ *boeuf*. — У меня тоже былъ какъ-то «*souper tout en cochon*»... Герцогъ поясниль разочарованнымъ гостямъ, что *dîner tout en boeuf* составляетъ только часть обѣда; остальное напечатано на другой сторонѣ меню. Король заглянулъ и просвѣтлѣль: жаловаться на вторую часть обѣда никакъ не приходилось.

— Это меню сдѣлало бы честь самому Камбасересу, великому архиканцлеру покойнаго Наполеона, — сказаль Ливень.

— Ахъ, не говорите мнѣ объ этомъ человѣкѣ, — отвѣтилъ герцогъ. — Въ Парижѣ онъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ и я имѣлъ неосторожность ему сказать, что не очень интересуюсь ѣдой. — «Чѣмъ-же вы интересуетесь?» — закричалъ онъ, — «и зачѣмъ-же вы ко мнѣ пришли?»

Король улыбнулся, гости засмѣялись. Лакеи подали мадеру въ золотыхъ кубкахъ, она была превосходна. Растрепанный лордъ сказалъ, что гораздо лучше начинать обѣдъ не съ хереса, а именно съ мадеры, — «особенно если съ такой, вѣдь это Мальвазія бабоза?» Графъ Ливенъ высказалъ мнѣніе, что обѣдъ надо начинать съ русской водки, которая лучше всякой мальвазіи бабоза, «и вдобавокъ стоитъ не два фунта бутылка, а пять или шесть пенсовъ». Король, смѣясь, замѣтилъ, что Каремъ сбѣжалъ отъ императора Александра и перешелъ къ нему на службу, такъ какъ не могъ вынести этого варварства: передъ началомъ обѣда люди убиваютъ чувствительность неба, глотая залпомъ разбавленный водою спиртъ; а затѣмъ изъ кухни, откуда итти въ столовую не меньше пяти минутъ, приносятъ одно за другимъ стынущія по дорогѣ блюда!

— Я высказываю не свое мнѣніе, а мнѣніе великаго Карема, — сказалъ онъ Ливену. — Впрочемъ, великій Каремъ сбѣжалъ и отъ меня. Онъ такъ мнѣ и объяснилъ: король поваровъ можетъ творить только въ Парижѣ.

Разговоръ былъ пріятный. Настроеніе короля стало улучшаться, особенно когда разныя *gribettes de boeuf* были убраны и начался настоящій обѣдъ. Однако, къ концу, послѣ шампанскаго (никакихъ тостовъ на малыхъ пріемахъ не полагалось) произошелъ не совсѣмъ пріятный инцидентъ. Король заговорилъ на военныя темы, которыя очень любилъ. Онъ высказалъ мнѣніе, что первая пѣхота въ мірѣ — русская. Наступило молчаніе. — «Послѣ пѣхоты Вашего Величества», — отвѣтилъ очень холодно герцогъ Веллингтонъ. — «Ну, какая же у насъ пѣхота! Наша кавалерія это, пожалуй, другое дѣло!... Думаю, однако, что,

при столкновении съ французской арміей, въ случаѣ равныхъ силъ, мы непременно должны потерпѣть поражение, правда?» — «Я не могу согласиться и съ этимъ мнѣніемъ Вашего Величества», — ледянымъ голосомъ произнесъ хозяинъ дома. Король такъ озлился, что сталъ хвалить военные таланты генерала Англъси. Нельзя было задѣть Веллингтона чувствительнѣе: въ военныхъ кругахъ многіе приписывали не ему, а лорду Англъси, честь побѣды при Ватерлоо. Гости переглянулись. Графъ Ливенъ поспѣшно заговорилъ о предстоящемъ въ Веронѣ международномъ конгрессѣ, составлявшемъ главную злобу дня.

Маркизь Лондондерри, бывшій лордъ Кэстльри, не сказалъ почти ни одного слова за весь вечеръ. Онъ и вообще былъ не очень разговорчивъ, но на этотъ разъ его молчаливость и измученный видъ обратили на себя общее вниманіе гостей. Хозяинъ дома раза два пытался вовлечь его въ разговоръ; министръ отвѣчалъ кратко «да», «нѣтъ», и то невпопадъ. Онъ мало ѣлъ, зато пилъ въ этотъ вечеръ нѣсколько больше обычнаго, хоть гораздо меньше, чѣмъ другіе гости. Когда разговоръ зашелъ о Веронскомъ конгрессѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ вдругъ оживился, но оживился, какъ потомъ вспоминали гости, нѣсколько странно.

— Этотъ конгрессъ очень, очень опасенъ, — взволнованно сказалъ онъ. Въ его словахъ ничего особенно удивительнаго не было. Однако, голосъ и видъ министра были таковы, что гости съ недоумѣніемъ на него взглянули.

— Почему-же? — спросилъ Веллингтонъ. — Вы сами, дорогой другъ, не разъ мнѣ говорили, что предпочитаете систему непосредственныхъ встрѣчъ и переговоровъ съ иностранными монархами и государственными людьми. Вы указывали, что она удобнѣе дипломатической переписки и даетъ лучшіе результаты. А я всегда думалъ, что нужно выбирать меньшее зло. «In all circumstances the duty of a wise man is to choose the lesser of any two difficulties which beset him», —

повторилъ онъ ту же мысль въ афористической формѣ и оглядѣлъ гостей.

— Я вамъ говорю, что ѣхать въ Верону опасно, — повторилъ Кэстльри, — очень, очень опасно.

— Въ какомъ же смыслѣ? — осторожно спросилъ графъ Ливень.

Министръ иностранныхъ дѣлъ пробормоталъ что-то невразумительное. «Заговоръ, заговоръ!» — произнесъ онъ и оглянулся въ сторону окна. Гости насторожились. Веллингтонъ сказалъ, что поѣздка въ Италію очень утомительна.

— Не для желѣзнаго герцога, надѣюсь? — спросилъ король, желавшій передъ уходомъ загладить свои нелюбезныя замѣчанія.

— Увы, и я, Ваше Величество, начинаю чувствовать тяжесть лѣтъ.

— Я знаю, что вы родились въ одинъ годъ съ Наполеономъ, — сказалъ король. Графъ Ливень спросилъ хозяина, видѣлъ-ли онъ когда-либо Наполеона. — «Никогда. Но въ самый разгаръ Ватерлоо я вдругъ услышалъ совсѣмъ близко отъ себя крики: «Vive l'Empereur!...». Помню, я тогда стоялъ подъ деревомъ, на перекресткѣ двухъ дорогъ...» Георгъ IV подавилъ зѣвокъ и подумалъ, что все-таки, въ былыя времена, обѣды съ Филиппомъ-Эгалитэ бывали веселѣе. Онъ зналъ, что о Ватерлоо герцогъ рассказываетъ долго; зато рѣшилъ минутъ черезъ пять послѣ окончанія разсказа проститься и уѣхать къ маркизѣ Конингэмъ. — ...«Думаю, что онъ былъ отъ меня тогда совсѣмъ близко. Миѣ очень жаль, что я никогда его не видѣлъ. Всѣхъ знаю, а его никогда не видалъ».

— «Всѣхъ» можно будетъ увидѣть въ Веронѣ. Положительно, туда собирается весь Лондонъ, — сказалъ Ливень.

— Да, но лошади? Гдѣ достать надежныхъ лошадей? — вскрикнулъ маркизъ Лондодерри. Хозяинъ взглянулъ на него уже съ тревогой. «Кажется, ровесникъ Наполеона начинаетъ понемногу выживать изъ ума»,

— подумалъ король и рѣшилъ, что можно уѣхать и сейчасъ. Онъ всталъ, поднялись всѣ гости, вопросъ министра иностранныхъ дѣлъ остался безъ вниманія.

Во холлѣ повеселѣвшій король наговорилъ любезностей Веллингтону. Георгъ IV умѣлъ быть очаровательнымъ, когда хотѣлъ. — «Конечно, это была съ моей стороны большая смѣлость спорить о военныхъ предметахъ съ Вашей Свѣтлостью», — сказалъ король на прощанье, крѣпко пожимая руку хозяину. «Нѣтъ, все-таки онъ прекрасный человѣкъ, совершенный джентльмэнъ и гордость Англїи»... — «Напротивъ, замѣчанія Вашего Величества показались мнѣ чрезвычайно интересными», — отвѣтилъ почтительно желѣзный герцогъ.

Гости, смѣясь, еще поговорили о лэди Конингэмъ (ее въ Лондонѣ называли просто «the lady»), объ ея предшественницѣ, лэди Хертфордъ, объ ихъ острой ненависти другъ къ другу, о томъ, насколько достойнѣе вела себя въ свое время, получивъ отставку, госпожа Фицгербертъ. Первый всталъ графъ Ливенъ, за нимъ поднялись другіе гости. Маркизь Лондондерри, видимо, еще не собирался уходить. — «Вотъ это мило, дорогой другъ», — сказалъ хозяинъ дома, — «мы съ вами допьемъ портвейнъ 1788 года, оставленный намъ безумцами»... Графъ Ливенъ почему-то взглянулъ на маркиза Лондондерри.

Проводивъ гостей, Веллингтонъ съ непріятнымъ чувствомъ вернулся въ столовую. Лордъ Лондондерри сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, неподвижно глядя въ сторону окна и вертя въ рукахъ фруктовъ ножикъ. Безпокойство хозина усилилось. Онъ изобразилъ на лицѣ преувеличенную радость; при его совершенной правдивости, это не очень ему удалось.

— Я думаю, не стоитъ переходить въ гостиную? Здѣсь отлично, неправда-ли, старый другъ? Выпьемъ еще портвейна, онъ недуренъ.

Маркизь Лондондерри ничего не отвѣтилъ; онъ все вертѣлъ ножикъ, глядя лезвіе пальцемъ.

— Теперь такъ трудно доставать настоящій портвейнъ, безъ примѣси этой проклятой *джеропига*, — сказалъ хозяинъ. — Вы знаете, что такое *джеропига*? — Лондондерри всталъ, подошелъ къ окну и вернулся съ ножикомъ на свое мѣсто. Веллингтонъ спокойно слѣдилъ за нимъ взглядомъ. — Нѣтъ, дожда нѣтъ.

— Это Джонъ, — сказалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, — я такъ и зналъ: Джонъ тутъ.

— Какой Джонъ? — мягко спросилъ Веллингтонъ.

— Мой кучеръ. Вѣдь это онъ ее настраиваетъ противъ меня.

— Кого?

— Ее. Гнѣдную лошадь.

Хозяинъ дома испуганно замолчалъ. Онъ еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что произошло, но чувствовалъ, что случилось нѣчто очень, очень нехорошее. «Можетъ быть, онъ пьянъ? Однако, эти глаза!... Въ полномъ замѣшательствѣ, Веллингтонъ зачѣмъ-то отодвинулъ стулъ, снова его придвинулъ, переставилъ бокаль. «Что же надо теперь сдѣлать?....» Такого случая въ его жизни никогда не было.

— Въ портвейнъ они обыкновенно подбавляютъ какую-то аптекарскую дрянъ, которая называется джеропига, — произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія. Помолчалъ еще и высказалъ мнѣніе, что политика изнуряетъ людей, какъ война. — Да тутъ еще эта свѣтская жизнь. Я самъ часто чувствую себя переутомленнымъ. И знаете, что я тогда дѣлаю, дорогой другъ? Я первымъ дѣломъ иду къ нашему милому доктору Бэнкхеду. Онъ меня псылаетъ въ Брайтонъ или въ деревню, и черезъ двѣ недѣли я возвращаюсь въ Лондонъ другимъ человѣкомъ.

Вы возвращаетесь въ Лондонъ другимъ человѣкомъ. — задумчиво повторилъ гость.

— Да... Этотъ докторъ творить чудеса и съ настоящими больными, тогда какъ просто усталые люди...

— Какой хорошій ножикъ! — перебилъ его лордъ Лондондерри. — Какой хорошій ножикъ! Вы обратили вниманіе, какой ножикъ?

— Вамъ нравится? Этотъ сервизъ мнѣ поднесли послѣ сраженія при Талаверѣ, — сказалъ Веллингтонъ, стараясь говорить особенно вразумительно. — По поводу этого сраженія мнѣ вспоминается одинъ интересный случай...

— При Талаверѣ? Да, при Талаверѣ... Это какой годъ?

— 1809-ый годъ, — тихо сказалъ хозяинъ дома. Они опять помолчали. Веллингтонъ почему-то не сводилъ глазъ съ ножика. — Да, такъ по поводу сраженія мнѣ вспоминается одинъ интересный случай. Моя ставка была...

— Вы обратили вниманіе на то, что этотъ ножъ шеффильдской работы? Я убѣжденъ, что это шеффильдская работа!

— Очень можетъ быть, хотя...

— Шеффильдскія бритвы — самыя лучшія въ мірѣ. Я всегда пользуюсь шеффильдскими бритвами, но мой маленькій ножикъ куда-то пропалъ! — сказалъ съ ужасомъ въ голосъ лордъ Лондондерри. Веллингтонъ взглянулъ на него и тотчасъ, поблѣднѣвъ, опустилъ глаза.

— Ахъ, у васъ пропалъ ножъ? Цѣнная вещь?

— Ножъ пропалъ, тотъ ножъ! Развѣ вы не видите, какъ я плохо выбрить? Всѣ замѣтили, всѣ! Видите, вотъ волосы и вотъ здѣсь!

— Напротивъ, вы выбриты превосходно, какъ всегда... Но я говорилъ, кажется, о докторѣ Бэнкхедѣ, — началъ снова Веллингтонъ и остолбенѣлъ: маркизь Лондондерри опустилъ палецъ въ стаканъ съ портвейномъ, провелъ пальцемъ по шеѣ и сталъ пробривать горло фруктовымъ ножикомъ.

Такъ они просидѣли минуты три или четыре. Веллингтонъ думалъ, что произошла катастрофа, послѣдствія которой еще нельзя охватить; думалъ, что надо немедленно, не теряя ни секунды, обратиться къ доктору Бэнкхеду, взявъ съ него клятву молчать; думалъ, что *это* могло случиться въ присутствіи короля; думалъ, что, быть можетъ, русскій посоль уже что-либо замѣтилъ.

Швейцаръ громовымъ голосомъ вызвалъ коляску маркиза Лондондерри. Къ подъѣзду подкатила карета, запряженная гнѣдыми лошадьми. — «Это она! Лѣвая! Вотъ она!» — закричалъ въ ужасѣ министръ. Веллингтонъ грозно оглянулся на испугавшагося швейцара, взялъ своего друга подъ руку и велѣлъ кучеру ѣхать домой: «Мы хотимъ пройтись пѣшкомъ».

По дорогѣ онъ вразумительнымъ тономъ, съ постановкой и повтореніями, говорилъ о докторѣ Бэнкхедѣ, о преимуществахъ сельской жизни, о томъ, что самому крѣпкому человѣку бываетъ нуженъ отдыхъ. — «Я совѣтовалъ бы вамъ даже отказаться отъ поѣздки въ Верону. Если хотите, я могу васъ тамъ замѣнить... А вы, дорогой другъ, это время провели бы въ вашемъ милomъ Крэй-фармѣ». — Онъ говорилъ мягкимъ успокоительнымъ голосомъ и, по своей природной жизнерадостности, почти начиналъ вѣрить, что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ все окажется пустяками. «Головокруженіе, приливъ крови къ мозгу, мало-ли что!» — «Въ Верону я охотно съѣзжу вмѣсто васъ, если, какъ я надѣюсь, вы мнѣ довѣряете», — повторилъ онъ. Вдругъ у фонаря министръ иностранныхъ дѣлъ повернулся и, задыхаясь, прошепталъ: «Вы ее не знаете! Она способна на все!...» Увидѣвъ глаза Кэстльри, его блѣдное, искаженное, безумное лицо, Веллингтонъ похолодѣлъ и отшатнулся, едва не вскрикнувъ. Имъ овладѣлъ ужасъ, подобнаго которому онъ не испытывалъ никогда въ жизни. Они пошли дальше. «Все надо скрыть! Все!» — мелькало въ головѣ у Веллингтона. Но онъ уже понималъ, что скрыть трудно, что скрыть невозможно, что черезъ недѣлю всѣмъ станетъ извѣстно: Англіей править сумасшедшій! Англіей править сумасшедшій!

Лэди Лондондерри уже цѣлый мѣсяцъ находилась въ Крэй-Фармѣ. Герцогъ Веллингтонъ пошептался съ камердинеромъ, глядя на него страшными глазами, затѣмъ особенно крѣпко пожалъ руку своему другу и вышелъ. Оставшись одинъ на улицѣ, онъ вздохнулъ съ

облегченіемъ и, все еще вздрагивая, поспѣшно отправился къ доктору Бэнкхеду.

На его сильные, властные удары молоткомъ — стучить герцогъ Веллингтонъ, — не сразу отворила дверь молодая, хорошенькая горничная. Она обомлѣла, узнавъ посѣтителя. Доктора Бэнкхэда не было дома. Веллингтонъ задумался, затѣмъ поспѣшно направился въ кабинетъ. Онъ былъ такъ взволнованъ и разстроенъ, что противъ своего обычая не оглядѣлъ красивой горничной и не улыбнулся ей. Герцогъ написалъ Бэнкхэду записку: лордъ Лондондерри заболѣлъ и нуждается въ немедленной помощи. «I have no doubt he labours under mental delugium» (*), — писалъ онъ своимъ твердымъ отчетливымъ почеркомъ. Горничная, растерянно зажигала въ кабинетѣ одну свѣчу за другой, бросая взгляды на гостя, заранѣе себѣ представляя, какъ завтра всѣмъ расскажетъ, что у нихъ былъ желѣзный герцогъ и что она тотчасъ его узнала. Веллингтонъ потребовалъ сургучъ и тщательно запечаталъ листокъ: нельзя было оставлять открытой записку, содержащую въ себѣ государственную тайну.

---

*) «Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ находится въ состояніи помѣшательства».

ХІІ

За день до прїѣзда герцогини Пармской къ отведенному ей въ Веронѣ дому подѣхали подѣ вечерѣ три телѣги со слугами и вещами. Мажордомъ-нѣмецъ съ ругательствомъ слѣзъ съ первой телѣги, держась рукой за кованый сундукъ, и, увидѣвъ стоявшаго на крыльцѣ толстаго человѣка, нерѣшительно снялъ шляпу: начальство или нѣтъ? Оказалось — начальство. Толстый человѣкъ сказалъ, что назначенъ отъ императорскаго двора въ распоряженіе ея высочества герцогини Пармской, Пьяченской и Гвастальской. — «Вы кто? Дворецкій?» — строго спросилъ онъ. — «Такъ точно, мажордомъ», — отвѣтилъ, оробѣвъ, нѣмецъ, не зная, какъ называть толстаго человѣка. — «Сколько всего слугъ?» — «Шесть». — «Когда прїѣзжаетъ ея высочество?» — «Завтра». — «Знаю, что завтра, да когда?» — «Думаю, часовъ въ десять утра». — «Надо не думать, а знать. Перемѣнъ нѣтъ? Съ ея высочествомъ придутъ господинъ почетный кавалеръ и двѣ фрейлины?» — «Такъ точно». — «По приказу его величества, ея высочеству отведенъ этотъ домъ».

Слуги сердито снимали съ телѣгъ вещи и вносили въ первую большую комнату. Всѣ устали и проголодались: съѣстныхъ припасовъ въ Пармѣ было отпущено въ дорогу немного. «Сейчасъ же все убрать. Вымыть стекла, почистить, ну, сами должны знать», — приказалъ толстый человѣкъ. — «Завтра съ утра все сдѣлаемъ», — началъ было недовольнымъ тономъ одинъ изъ слугъ. — «Не завтра, а сегодня». — «Надо сначала поѣсть и отдохнуть. Завтра встанемъ съ зарей и все сдѣлаемъ». — «А я приказываю: сегодня!» — вспылилъ чиновникъ императорскаго двора. Слуги притихли. — «Вещи ея

высочества откладывать отдѣльно. Я укажу комнаты... Это еще что такое?» Камеристка внесла огромную клетку съ птицей. — «Это попугай ея высочества». — «Louise, je t'aime!» — вдругъ хрипло заоралъ попугай. Чиновникъ усмѣхнулся и, видимо смягчившись, объявилъ слугамъ, что ужинъ имъ будетъ черезъ часъ доставленъ отъ дворцоваго вѣдомства. — «Хорошій ужинъ. Его величество приказали, чтобы всѣхъ во время конгресса кормили какъ слѣдуетъ. Будете получать по бутылкѣ вина въ день, *нашего*, отличнаго».

Въ сопровожденіи мажордома, онъ пошелъ по комнатамъ, отдавая распоряженія, спрашивая о вкусахъ и привычкахъ герцогини. — «Это будетъ спальня ея высочества... Господина почетнаго кавалера мы помѣстимъ здѣсь. Тутъ столовая... Вотъ гостиная... Домъ былъ не очень большой и довольно запущенный. Мажордомъ, слѣдуя за чиновникомъ, думалъ, что ея высочество могли бы устроить лучше. Когда они вернулись въ первую комнату, полъ уже былъ засыпанъ соломой и стружками. Слуги вынули изъ ящиковъ серебро, посуду, клавесинъ. — «А это что?» — «Кровать ея высочества. Ея высочество привыкли спать на своей», — робко отвѣтила камеристка. Чиновникъ взглянулъ на огромную двуспальную кровать и опять усмѣхнулся. — «Поставить въ спальную. Ту вынести. Клавесинъ въ гостиную. Для серебра и посуды есть три буфета. Это все сундуки съ туалетами?» — «Такъ точно». — «Разставить и разложить такъ, какъ любить ея высочество. И такъ же вещи господина почетнаго кавалера. Попугая куда хотите. Свѣчи въ томъ ящикѣ. Зажжете, когда стемнѣетъ. Лишнихъ не жечь».

Онъ съ любопытствомъ осмотрѣлъ серебро и посуду и подумалъ, что есть вещи недурныя, а въ общемъ дешево. «У *ogresse de Corse* могли бы быть вещи лучше»... Отдавъ еще нѣсколько распоряженій, чиновникъ строго сказалъ, что придетъ завтра въ девять часовъ утра и все осмотритъ самымъ тщательнымъ образомъ. — «Чтобъ было готово, слышите? Все чтобъ сверкало»,

— потребовалъ онъ и, кивнувъ головой мажордому, удалился. — «Будеть тутъ сверкать! Домъ послѣ нашего дрянъ. Грязь, паутина», — сказалъ недовольный слуга. Всѣ принялись за работу. Поминутно оказывалось, что нѣтъ того, другого: щетокъ не захватили, тряпокъ мало. — «Кто же могъ знать?» — огрызались виновные. Скоро принесли ужинъ, въ самомъ дѣлѣ очень хорошій: были и макароны, и рыба, и мясо, и сыръ, и вино. Всѣ съ жадностью набросились на ѣду. Въ Пармѣ кормили хуже.

На слѣдующее утро толстый чиновникъ явился, какъ сказалъ, ровно въ девять часовъ и, дѣйствительно, все внимательно осмотрѣлъ. Немного покричалъ, но въ общемъ остался доволенъ. Затѣмъ онъ велѣлъ слугамъ выстроиться, спросивъ мажордома о старшинствѣ cadaго. — «Когда *поѣздъ* покажется, всѣмъ стать на вытяжку. Вы на три шага впереди», — объяснилъ онъ мажордому, — «я отрапортую. Затѣмъ вы сдѣлаете шагъ впередъ и шляпой — вотъ такъ», — онъ сдѣлалъ жестъ шляпой, коснувшись ею земли, если не какъ при дворѣ, то какъ въ театрѣ при изображеніи двора. Слуги смотрѣли на него съ изумленіемъ. — «У насъ въ Пармѣ никогда этого не дѣлаютъ», — нерѣшительно возразилъ мажордомъ. — «Дѣлать, что я приказываю, и не разсуждать!» — снова вспылилъ чиновникъ, — «то у васъ въ Пармѣ, а здѣсь Верона. Здѣсь владѣнія его императорскаго величества!»

Прорепетировавъ со слугами встрѣчу, онъ сѣлъ въ кресло у раствореннаго окна, — осенній день былъ солнечный, очень теплый. «Все-таки слѣдовало бы выслать ей навстрѣчу какого-нибудь камергера, хоть завалящаго», — думалъ чиновникъ. — «Правда, сейчасъ такой разгонъ, но камергера могли бы отыскать»... Онъ нѣсколько разъ выходилъ на крыльцо, подозрительно вглядываясь въ проходившихъ людей. Наконецъ, показался *поѣздъ*. Впереди на клячахъ разной масти скакали два драгуна. За ними слѣдовали три кареты, запряженные лошадьми немного получше.

Драгуны соскочили съ клячь и неловко выхватили шпажонки. Съ козелъ слѣзъ, ступивъ на колесо, лакей въ дорожномъ балахонѣ поверхъ потертой ливреи и откинулъ подножку изъ двухъ ступенекъ.

Почетный кавалеръ, осанистый человѣкъ съ черной повязкой на глазу, помогъ герцогинѣ выйти изъ кареты. Онъ взглянулъ на салютовавшихъ солдатъ и съ неудовольствіемъ пожалъ плечами. Герцогиня, полная, красивая блондинка, привѣтливо улыбалась, вопросительно глядя на толстаго чиновника. Онъ отдалъ придворный поклонъ и почтительно рапортовалъ: сообщилъ что, по порученію императорскаго двора, приставленъ въ полное распоряженіе герцогини. — «Такъ какъ часъ пріѣзда вашего высочества въ точности извѣстенъ не былъ, то не было возможности устроить у заставы подобающую встрѣчу. Его величеству не было даже извѣстно, именно ли сегодня прибудетъ ваше высочество». Герцогиня нисколько не была обижена. Улыбнувшись слугамъ, она прошла въ домъ. Почетный кавалеръ, графъ Нейппергъ, съ недоумѣніемъ взглянулъ на чиновника, на выстроившихся слугъ, на некрасивый фасадъ дома и послѣдовалъ за герцогиней. «Да, могли принять лучше», — подумалъ онъ.

Фрейлина изъ второй кареты внесла въ домъ шкапулку. Толстый чиновникъ догадался, что это драгоценности герцогини Пармской. Изъ третьей кареты горничная-негритянка подала кошку; герцогиня страстно ее поцѣловала и засыпала нѣжными словами. «Дайте ей, бѣдной, молочка, она устала и проголодалась»... Появились и собачки, видимо отлично уживавшіяся съ кошками въ этомъ мирномъ домѣ. Ихъ тоже было приказано накормить. «Сейчасъ же сбѣгать за уголь, тамъ лавка», — прошепталъ мажордому чиновникъ, не предвидѣвшій кошекъ и собачекъ. Герцогиня Пармская была всѣмъ очень довольна. Она велѣла приготовить ванну и подать лиловый халать. — «Я буду завтракать послѣ ванны. Вы меня подождете, правда?» — съ нѣжностью обратилась она къ графу. Тотъ

почтительно поклонился. — «Умоляю васъ, убедите очень осторожны. Не забывайте о своемъ положеніи», сказалъ онъ по-англійски. Толстый чиновникъ, знавшій англійскій языкъ, скользнулъ взглядомъ по талии герцогини. «Вотъ оно что! Поздравляю», — подумалъ онъ. — «Louise, je t'aime!» — прокричалъ радостно попугай. Придворный кавалеръ, морщась, оглянулся на клѣтку. Герцогиня засмѣялась и протянула попугаю палець. «Я не зналъ, что у попугаевъ большой языкъ», — подумалъ чиновникъ и попросилъ разрѣшенія отлучиться, дабы сообщить о благополучномъ прибытіи ея высочества. — «Вы намъ не нужны», — весело сказала герцогиня, — «проводите время, какъ вамъ будетъ угодно, а мы всѣмъ объявимъ, что вы съ нами не разстаетесь». — «Мы королевское или мы съ нимъ?» — спросилъ себя игриво чиновникъ. — «Не будетъ ли какихъ приказаній отъ вашего высочества?» — «Никакихъ... Ахъ, да, скажите: гдѣ тутъ находится гробница Джульетты?» — «Какой Джульетты, ваше высочество?» — «Джульетты! Джульетты Шекспира... Я думала, что это тутъ всѣ знаютъ?» — «Ахъ, да, разумѣется!» — поспѣшилъ сказать чиновникъ, на счастье знавшій, гдѣ гробница, — «это у Сатро ді Фиера. Нѣтъ, недалеко, здѣсь все близко, ваше высочество. Верона — маленькій городъ»... Онъ объяснилъ, гдѣ Сатро ді Фиера, и, почтительно откланявшись, удалился. На прощанье герцогиня протянула ему руку. Чиновникъ былъ очень доволенъ.

Мастеръ-мѣсяцъ, давно разоблаченный и съ позоромъ изгнанный изъ венты, теперь открыто служилъ въ полиціи, въ томъ ея отдѣлѣ, который соприкасался съ дипломатическимъ вѣдомствомъ: его часто приставляли къ высокопоставленнымъ людямъ, для ихъ охраны или для наблюденія за ними. На время конгресса онъ былъ откомандированъ въ распоряженіе герцогини Пармской. Никто въ Веронѣ не ждалъ покушенія на

герцогиню, но время было безпокойное: даже въ Пармѣ появились какіе-то *sublimi*. Мастеру-мѣсяцу было поручено слѣдить за герцогиней, охранять ее, и заботиться объ ея удобствахъ.

Онъ шель бодро, хоть отяжелѣвшей походкой, подозрительно вглядываясь въ прохожихъ: возможны были непріятныя встрѣчи со старыми знакомыми по Венеціи. Мастеръ-мѣсяць не опасался, что у него будутъ вырваны сердце и внутренности, но непріятность случиться могла. На всякій случай онъ всегда носилъ при себѣ небольшой пистолетъ и тяжелую, налитую свинцомъ палку. Съ палкой и ходить было удобнѣй: онъ очень потолстѣлъ.

Улицы были полны людей. Въ Верону уже прибыли или должны были прибыть оба императора, пять королей, множество владѣтельныхъ особъ менѣе высокаго ранга и всѣ знаменитые министры Европы. «Естественно, что тутъ не до моей красоты», — думалъ мастеръ-мѣсяць. Герцогиня Пармская ему понравилась. Онъ, впрочемъ, не разъ и прежде видалъ ее на улицахъ Пармы. Въ послѣдній разъ встрѣтилъ прошлымъ лѣтомъ. «Тогда была грустна, голубушка; похоронила мужа», — съ улыбкой думалъ онъ, вспоминая объявленіе, появившееся въ «Пармской газетѣ»: безъ траурной каймы, не называя имени, офиціальная газета сообщала, что 5-го мая скончался почтенный супругъ нашей августѣйшей государыни. Мастеръ-мѣсяць политикой особенно не интересовался, но его тогда все же развеселило, что какъ «почтенный супругъ нашей августѣйшей государыни» обозначается Наполеонъ I. «Нѣтъ, нѣтъ, въ объявленіи они могли все-таки его назвать, если не по имени, то хоть по фамиліи. Фамилія извѣстная, не утаишь», — весело подумалъ мастеръ-мѣсяць и теперь. Чужая глупость всегда очень его радовала. Еще веселѣе онъ вспомнилъ двухъ кавалеристовъ на клячахъ и ихъ салютъ шпажонками. «Ей, бѣдненькой, салютовали не такія арміи! И мальчишку тоже называютъ «сыномъ ея высочества, герцогини Парм-

ской», точно онъ незаконный сынъ отъ неизвѣстнаго отца», — благодушно думалъ мастеръ-мѣсяцъ, имѣя въ виду ребенка, котораго называли герцогомъ Рейхштадтскимъ. «Значить, у него будетъ братецъ или сестрица. Старайтесь, графъ»... — «Louise, je t'aime!», — вспомнилъ онъ, засмѣялся и вдругъ подумалъ, что нѣмецъ Нейпергъ не сталъ бы говорить по-французски съ нѣмкой Маріей-Луизой: попугай, вѣрно, воспроизводитъ голосъ Наполеона. Мастеръ-мѣсяцъ ахнулъ. «Хоть черезъ попугая, а услышалъ!...»

Онъ остановился у кофейни. Торопиться собственно было некуда. По правиламъ слѣдовало бы тотчасъ оповѣстить начальство о благополучномъ прибытіи ея высочества. Но мастеръ-мѣсяцъ понималъ, что большаго впечатлѣнія это извѣстіе не произведетъ, — можно сначала выпить рюмку марсалы. Онъ незамѣтно осмотрѣлся. На террасѣ людей было немного, старыхъ знакомыхъ не было, и никто по виду на карбонарія какъ-будто не походилъ. Мастеръ-мѣсяцъ, однако, зналъ, что наружность обманчива: «вдругъ добрый родственничекъ?» Онъ занялъ угловое мѣсто: такъ сзади никто подкрасться не могъ.

ХІІІ

Послѣдняя смѣна изъ шестидесяти лошадей была для царя приготовлена австрійскимъ дворцовымъ вѣдомствомъ миляхъ въ пятнадцать отъ Вероны: нѣсколько прекрасныхъ колясокъ, экипажи и повозки для вагенмейстера, для второстепенныхъ служащихъ, для агентовъ полиціи, для слугъ, для вещей. Часовъ въ пять утра на станцію прибылъ австрійскій генераль-адъютантъ съ гусарами. Узнавъ, что императоръ Александръ спитъ, генераль тоже гдѣ-то прилежъ: мѣсто для него нашлось, хоть казалось, что рѣшительно вся станція занята русскими. Ночевать въ коляскѣ было неудобно.

Александръ І проснулся, какъ всегда въ дорогѣ, въ восемь часовъ утра. Спалъ онъ плохо. Наканунѣ до поздней ночи читалъ во французскомъ переводѣ книгу Іова и комментаріи къ ней госпожи Гюйонъ. Дочиталъ до главы 17-ой и остановился на словахъ: «Прошли дни мои и рушились мои думы, достояніе моего сердца... Если я жду, то преисподней, жилища моего. Во мглѣ постлалъ я мою постель. Говорю гробу: отецъ мой ты, а червю: ты мать и сестра моя. Гдѣ послѣ этого моя надежда и кто ее увидитъ? Въ преисподнюю сойдетъ она, и вмѣстѣ съ ней упокоюсь я въ прахѣ»... Ему показалось, что это написано прямо о немъ. Читать отвѣтъ Виллада Савхеянина ему не хотѣлось: отвѣты собесѣдниковъ Іова казались ему гораздо болѣе слабыми, чѣмъ жалобы и проклятья. Все же онъ заглянулъ и въ 18-ую главу, прочелъ и подумалъ, что, кажется, ошибался, — отвѣтъ тоже очень силенъ: «О, терзающей душу свою въ своемъ гнѣвѣ! Для тебя ли опустѣтъ землѣ и скалѣ сдвинуться съ мѣста? Да, гаснетъ свѣтъ у беззаконнаго,

и не свѣтитъ пламя его огня. Своими ногами запуталъ онъ себя въ тенета и по тенетамъ онъ ходитъ. Зацѣпляетъ за пята петля, и скрытно разложены по ней силки... Это тоже было о немъ. Не въ силахъ раскрыть противорѣчіе, — оба какъ-будто говорили одно и то же, — онъ положилъ книгу и тотчасъ задремалъ.

Во снѣ съ Вилдадомъ Савхеяниномъ странно связался квакеръ Алленъ, и ужъ больше ничего понять было нельзя, хоть, пока спалъ, казалось, что все совершенно ясно. Проснувшись, онъ думалъ о настоящихъ, неясныхъ и тяжелыхъ дѣлахъ. Морщась, вспоминалъ о квакерѣ Алленѣ, — зачѣмъ оказалъ въ Вѣнѣ этому туповатому человѣку такое вниманіе, такой почетъ? «Да, да, во мглѣ постлалъ я постель свою...И всѣ вы, не найду между вами мудраго, сколько бы вы ни говорили... Незачѣмъ скакать за тридевять земель на этотъ нелѣпый конгрессъ, совѣщаться съ жуликомъ Меттернихомъ и съ болваномъ Веллингтономъ», — съ досадой думалъ онъ (изъ-за вчерашней ли книги или по привычкѣ — о политическихъ дѣлахъ — думалъ по-французски). — «Но перерѣшать теперь поздно. Лучше оставить по старому и русскія дѣла, и итальянскія, и греческія... А экспедиція въ Испанію? Если французы пошлютъ войска на Мадридъ, отчего мнѣ не послать арміи на Константинополь? Борьба съ революціей? Что такое революція? Православные христіане хотятъ силой освободиться отъ мусульманскаго владычества, — какая же это революція?»

Его жизненный опытъ теперь говорилъ ему, что въ жизни почти ничего измѣнить нельзя. Вѣрнѣе, измѣнить можно, — Наполеонъ вѣдь былъ свергнутъ, и французская революція кончилась, — однако при этомъ все всегда выходитъ совершенно не такъ, какъ надѣялись и ждали, — можетъ быть, лучше было и не мѣнять: наменѣе плохая политика заключается въ томъ, чтобы возможно меньше вмѣшиваться въ какія бы то ни было, особенно въ чужія, дѣла. «Но если вмѣшиваются другіе? И развѣ невмѣшательство не есть также вмѣша-

тельство? Не вмѣшиваясь въ греческія дѣла, я позволяю туркамъ дѣлать что имъ угодно въ странѣ, которая имъ не принадлежитъ. А заявляя, что я въ эти дѣла не вмѣшиваюсь, я лишь толкаю грековъ на обращеніе за помощью къ Англіи или еще къ какой державѣ, не имѣющей къ нимъ ужъ совсѣмъ никакого отношенія»...

Отвѣтить тутъ было невозможно, какъ почти во всѣхъ политическихъ спорахъ: здѣсь всѣ были правы. Греки хотѣли свободы, русская военная партія стремилась къ изгнанію турокъ, т. е. къ захвату Константинополя, квакеръ Алленъ совѣтовалъ думать только о спасеніи души, и спорить не стоитъ, такъ какъ нельзя, за отсутствіемъ общаго мѣрила, сказать, что лучше: спасеніе души, или свобода, или увеличеніе Россіи? Вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ личная, слѣдовательно настоящая, жизнь — женщины, ослабленіе слуха, дѣла, рѣчи, переговоры. При мысли о конгрессѣ, о торжествахъ, о пріемахъ, онъ сразу почувствовалъ скуку, неодолимую, наследственную скуку, какая можетъ быть только у царей. «Хоть бы пріѣхала Зина Волконская? Но и это теперь не такъ ужъ важно. Зато та идиотка будетъ навѣрное», — съ внезапной улыбкой подумалъ онъ, разумѣя влюбившуюся въ него жену новаго маркиза Лондондерри. «Очередная побѣда. Бывали и болѣе блестящія»... (10).

Чай онъ пилъ въ постели. Послѣ молитвы и туалета принялъ князя Волконскаго, который въ послѣднее время входилъ къ нему въ дорожномъ тулупѣ. Царь зналъ, что эта вольность вызываетъ толки, досаду и недоумѣніе у другихъ генераль-адъютантовъ. «Какъ ихъ можетъ занимать подобная ерунда? Но и меня когда-то,

---

10) Фр. фонъ-Генцъ рассказываетъ въ письмѣ къ Пилату изъ Вероны, отъ 26 ноября 1822 г.: «Лэди Стюартъ, совершенная дура («eine vollkommene Naeggin»), увѣрила себя въ Вѣнѣ, что произвела на царя сильное впечатлѣніе. «Hier hat sie sich jedes erdenkliche Ridicule gegeben, um dies der Welt glauben zu machen».

да еще не очень давно, занимала такая же. Теперь желать для себя нечего, это и сила, и слабость моя по сравненію съ ними со всѣми. «И былъ тотъ человѣкъ знатнѣе всѣхъ сыновъ Востока»... Ему постоянно говорили, что нѣтъ въ мірѣ человѣка могущественнѣе, чѣмъ онъ, со времени паденія Наполеона. Это въ самомъ дѣлѣ было близко къ правдѣ, но теперь могущество казалось ему мнимымъ и почти ничего въ немъ не вызывало, кромѣ скуки, утомленія и тяжелаго чувства: послѣ бурной жизни онъ и къ этому слишкомъ привыкъ. — «Кто, говоришь, пріѣхалъ? Кто?» — переспросилъ онъ съ досадой. Волконскій, чуть повысивъ голосъ изъ-за плохого слуха царя, сообщилъ, что на станцію прибылъ ночью австрійскій генераль-адъютантъ и проситъ разрѣшенія представиться. — «Новый какой-то. Кажется, всѣхъ ихъ знаю, этого не знаю. И фамиліи не разобралъ, такія у нихъ фамиліи», — сердито сказалъ князь. — «Очень нужно было. Разговаривай съ нимъ всю дорогу», — подумалъ Александръ I. Ничего не отвѣтивъ, онъ вышелъ къ генераль-адъютанту съ готовой привѣтливой улыбкой, выслушалъ то, что полагалось, спросилъ то, что полагалось, — какъ пріѣхалъ императоръ Францъ и не слишкомъ ли усталъ отъ дороги? Спрашивать подробнѣе не требовалось, такъ какъ Александръ Павловичъ только что видѣлъ всю императорскую семью въ Вѣнѣ: австрійскій императоръ выѣхалъ въ Верону днемъ раньше его. — «Да, прекрасная, изумительная дорога. Мы проѣхали черезъ весь Тироль»... Поговоривъ еще немного съ генераль-адъютантомъ, царь подкинулъ его Волконскому и вернулся въ свою комнату. Тамъ онъ сѣлъ на неубранную постель и безжизненно опустилъ на грудь голову.

Кучера закладывали экипажи. Австрійскіе гусары выстроились на дорогѣ. Русскіе генераль-адъютанты, зѣвая послѣ дурно проведенной ночи, обмѣнивались впечатлѣніями. — «Ничего, гусары какъ гусары. Наши лучше», — сказалъ Меншиковъ. — «Люди да, а лошадки, пожалуй, у нихъ почище», — возразилъ Черны-

шевъ больше для того, чтобы поспорить. — «Ну, вѣтъ! И лошади наши — гдѣ же ихнимъ!...» Разговоръ не клеился. Изъ за мрачнаго настроенія царя вся поѣздка стала довольно мрачной. Волконскій, отдѣлавшійся отъ австрійца, сердито сообщилъ, что государь до поздней ночи читалъ Іова. — «Что до поздней ночи не спалъ, это вы можете знать по свѣчкѣ. А Іова онъ читалъ или не Іова, этого вы никакъ, Петръ Михайловичъ, знать не можете», — возразилъ Чернышевъ. — «Какой вы спорщикъ, почтальонъ. Я видѣлъ раскрытую книгу». — «*C'est plutôt maussade, Job*», — замѣтилъ, зѣвая, Меншиковъ. — «Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Вѣнѣ сталъ на колѣни передъ бродягой-квакеромъ и поцѣловалъ этому проходимцу ручку, я больше ничему не удивляюсь!» — гнѣвно сказалъ Волконскій. — «Вильямъ Алленъ не бродяга и не проходимецъ, а очень почтенный человѣкъ», — поспорилъ Чернышевъ. — «Ну, такъ цѣлуйте ему ручку и вы! По мнѣ хоть бы и не ручку!... И молится этотъ бродяга точно Березань пляшетъ или grosфатера: плечики вывертываетъ, и этакая на лицѣ веселость!» — Меншиковъ засмѣялся. — «Бросьте, господа, квакера. Ежели бъ еще квакерша... Скажите лучше, гдѣ будемъ закусывать? Вашего венгерскаго я выпилъ бы, но сейчасъ совѣстно, да и не хочется ѣсть, а обѣдать не ранѣе придется, какъ во второмъ часу». — «Успѣете выпить, будетъ еще остановка до Вероны: вѣдь онъ долженъ переодѣться. Не забудьте, господа, приготовить австрійскіе ордена». — «Приготовимъ, подготовимъ, Петръ Михайловичъ... Идемъ подъ сѣнь вершителей судебъ», сказалъ Меншиковъ, показывая взглядомъ на Нессельроде, вышедшаго на крыльцо съ озабоченнымъ видомъ; его сопровождали послы: Ливенъ и Поццо ди-Борго.

Черезъ нѣсколько минутъ коляски выѣхали на дорогу и выстроились длиннымъ рядомъ. Волконскій, кряхтя, вошелъ въ домъ. На крыльцѣ появился императоръ Александръ. Прозвучала незнакомая австрійская команда. Гусары обнажили сабли. Царь занялъ

мѣсто въ первой коляскѣ къ графомъ Нессельроде и съ австрійскимъ генераль-адъютантомъ. Поѣздъ, не спѣша, тронулся. Было всего девять часовъ, а встрѣча у Веронской заставы назначена была на двѣнадцать.

Стараясь скрыть скуку и дурное настроеніе, Александръ Павловичъ разспрашивалъ о Веронѣ. Австріецъ сообщилъ, что почти всѣ уже съѣхались, что въ городѣ не осталось ни одной свободной комнаты: предусмотрительные лайбахскіе спекулянты заблаговременно сняли много квартиръ и теперь сдаютъ ихъ туристамъ по бѣшенной цѣнѣ.

— Для вашего величества приготовленъ Палаццо Каносса, едва ли не самый лучшій изъ историческихъ дворцовъ Вероны. Онъ выстроенъ знаменитымъ архитекторомъ Санмикеле. Засѣданія конгресса происходятъ въ Палаццо Капеллари. Или, вѣрнѣе, будутъ происходить, такъ какъ безъ вашего величества ничего важнаго быть не могло. Французская делегація, съ Монморанси и Шатобрианомъ, остановилась въ Палаццо Родольфи...

— Ахъ, да, въ ней Шатобрианъ, — сказалъ царь, подавляя зѣвокъ. — Что онъ за человѣкъ? Я почти его не знаю.

— Могу только сказать вашему величеству, что по внѣшности онъ человѣкъ весьма невзрачный, — съ улыбкой отвѣтилъ австрійскій генераль-адъютантъ и покраснѣлъ, подумавъ, что этого не слѣдовало говорить при карликѣ Нессельроде.

— Да, да... Ну, а англійская делегація? Значитъ, нашего бѣднаго лорда Кэстльри замѣнилъ Веллингтонъ? Какое ужасное событіе! — со вздохомъ сказалъ императоръ, разумѣя главную злобу дня: самоубійство маркиза Лондондерри. Австрійскій генераль и графъ Нессельроде одновременно вздохнули.

— Да, его величество императоръ Францъ былъ тоже очень пораженъ, — сказалъ австріецъ и, со словъ Веллингтона, сообщилъ, что лордъ Кэстльри (въ Евро-

пѣ все еще его звали лордомъ Кэстльри) въ послѣднее время сталъ проявлять признаки сильнаго переутомленія. По совѣту врача, онъ уѣхалъ въ свое имѣніе Крэй-Фармъ и тамъ вдругъ, къ общему ужасу и изумленію, перерѣзалъ себѣ сонную артерію.

Графъ Нессельроде подѣлился воспоминаніями о лордѣ Кэстльри и рассказалъ о своей послѣдней съ нимъ встрѣчѣ.

— Я никакъ не могъ бы подумать, что этотъ гигантъ — тяжело больной человѣкъ, — рѣшился сказать Нессельроде, отступая отъ оффиціальной версіи. — До меня доходили слухи, что несчастный маркизь въ послѣдніе дни *бредилъ*: ему все казалось, что противъ него составленъ заговоръ.

— Да, то же слышалъ и я, — сказалъ со вздохомъ генераль и нерѣшительно сообщилъ подробности, которыя, очевидно, исходили не отъ герцога Веллингтона. Въ нихъ ничего веселаго не было. Тѣмъ не менѣе, какъ всегда бываетъ при разсказахъ о сумасшедшихъ, слушателямъ стало смѣшно. Говоря о лошадиномъ заговорѣ, австрійскій генераль не могъ сдержать улыбки.

— Исторія все-таки изумительная, — сказалъ, смѣясь, царь. — Большой страной правилъ сумасшедшій, и хоть бы кто-нибудь это замѣтилъ! Скажу даже, что дѣла Англіи никогда не шли такъ хорошо, какъ при сумасшедшемъ лордѣ Кэстльри. Какой печальный фактъ для насъ всѣхъ, правителей!

Генераль тоже засмѣялся.

— Ваше величество, когда онъ правилъ, лордъ Кэстльри, быть можетъ, еще не былъ сумасшедшимъ.

— Почему вы знаете? Впрочемъ, будемъ надѣяться, что вы правы. Такъ его замѣнилъ Веллингтонъ? Это тоже странно! Я не увѣренъ, что Веллингтонъ знаетъ, гдѣ находится Греція.

— Ваше величество изволите шутить. Герцогъ — опытный политическій дѣятель, — поспѣшно замѣтилъ Нессельроде, опасавшійся, что слова царя могутъ дойти до Веллингтона. — Но скажите, генераль, воз-

вращаясь къ покойному Кэстльри, скажите, какъ могли больного человека оставить безъ надзора? Какъ могли ему дать возможность покончить съ собой?

— Мнѣ рассказывали поразительную подробность, — сказалъ генераль, осмѣлѣвшій послѣ замѣчаній царя и отказа отъ оффиціальной версіи. — Покойный лордъ Кэстльри задолго до своего безумія потерялъ какой-то ножъ, которымъ онъ очень дорожилъ, хотя ножъ былъ, кажется, самый обыкновенный. Эта потеря почему-то страшно его взволновала: онъ все искалъ его и не могъ найти. Когда онъ сошелъ съ ума, у него, разумѣется, отобрали пистолеты, бритву, все. И представьте, вдругъ онъ гдѣ-то нашелъ этотъ самый затерявшійся ножъ! Именно имъ онъ и перерѣзалъ себѣ артерію.

Улыбки стерлись. Всѣ трое замолчали.

— Да, это перстъ судьбы, — сказалъ, наконецъ, царь.

Въ одиннадцатомъ часу была послѣдняя остановка передъ Вероной. Австрійскій генераль-адъютантъ велѣлъ остановиться у небольшого загороднаго дома (11), и на ломаномъ итальянскомъ языкѣ приказалъ оторопѣвшему садовнику отворить ворота. Узнавъ, что хозяевъ нѣтъ и что домъ пустъ, царь, въ сопровожденіи свиты, прошелъ въ маленькія, небогато обставленныя комнаты. Садовникъ, забѣгая впередъ, отворялъ ставни и двери.

Пока камердинеръ бѣгалъ за водой, Александръ Павловичъ устало сидѣлъ на грубо сколоченномъ некрашенномъ табуретѣ, разсѣянно глядя на чужія, дешевелькія, непривычныя вещи: пожелтѣвшій ручнойникъ, кувшинъ, щетку, сломанный гребешокъ. Окно туалетной комнаты выходило въ садикъ, тамъ были какія-то неизвѣстныя, залитыя яркимъ свѣтомъ, деревья.

---

11) Объ этой остановкѣ царскаго поѣзда въ домѣ госпожи Буттарини есть маленькая замѣтка въ хроникѣ «Moniteur Universel», отъ 11 ноября 1822 г.

Все было и привѣтливо , и странно, и чуждо до жуткости. «Здѣсь своя жизнь, чужая непонятная жизнь чужихъ непонятныхъ людей. И если я ничего не знаю у себя дома, если я не знаю, что мнѣ дѣлать въ Россіи, какъ я могу вмѣшиваться въ дѣла этихъ людей, или грековъ, или турокъ? Можетъ быть, они *такъ* гораздо счастливѣе меня, и лучше ничего нигдѣ не трогать?...» — «Сейчасъ согрѣютъ, ваше величество», — сказалъ камердинеръ, торопливо входя въ уборную съ бритвеннымъ ящикомъ. Царь вдругъ вспомнилъ о ножѣ лорда Кэстльри, вздрогнулъ и принялъ твердое рѣшеніе больше ни во что не вмѣшиваться. Все равно все будетъ неожиданно, не предусмотрѣно, не предвидимо, какъ этотъ потерянный и такъ странно найденный ножъ.

Въ ожившемъ домѣ шла суматоха. Слуги разбирали дорожныя шкатулки, чемоданы, погребцы, ставили, къ изумленію садовника, самоваръ, заваривали воду въ кофейникахъ. Времени было достаточно. Государь приказалъ его не ждать: онъ ничего не ѣлъ до обѣда. Волконскій угощалъ всѣхъ «чѣмъ Богъ послалъ». Богъ послалъ много хорошихъ вещей, въ ихъ числѣ купленное въ Вѣнѣ старое венгерское вино.

Когда Александръ I, въ австрійскомъ мундирѣ, съ орденомъ Маріи-Терезіи, вошелъ въ комнату, уже названную «синей гостиной», отъ прежней вялости и скуки не оставалось ничего. Австрійскій генераль откровенно говорилъ, что Верона, несмотря на историческіе дворцы, городишка дрянной и что на развлеченія большихъ надеждъ нѣтъ. — «Что-жъ, намъ со скуки пропадать?» — спрашивалъ съ негодованіемъ Меншиковъ, — «отчего нельзя было устроить этотъ проклятый конгрессъ въ Вѣнѣ, какъ тогда? Они нарочно стали выдумывать одинъ городъ хуже другого: Аахенъ, Лайбахъ, теперъ Верона». — «Еслибъ моя воля, я назначилъ бы конгрессъ въ Парижѣ, въ Палэ-Ройалѣ», — отвѣтилъ австріецъ съ улыбкой и всталъ, увидѣвъ въ дверяхъ царя. — «Угодно ли будетъ вашему величеству выпить рюмку венгерскаго?» — нехотя спросилъ

Волконскій, зная заранѣе отвѣтъ. — «Не угодно... Что, кажется, я ничего не напуталъ?» — обратился Александръ I къ австрійскому генералу. Тотъ поспѣшилъ отвѣтить, что все совершенно исправно и что ни одинъ австріецъ не могъ бы носить этотъ мундиръ лучше. — «Необыкновенно къ лицу вашему величеству», — вставилъ Чернышевъ. — «О, льстецъ!», — по-русски воскликнулъ Меншиковъ, — «прошу васъ, не вѣрьте, государь: не можетъ этотъ скверный мундиришка быть вамъ къ лицу такъ, какъ наши. Почтальонъ все вретъ, точно сочиняетъ батальную реляцію». — «Кажется, венгерское съ утра дѣйствуетъ особенно пріятно», — сказалъ, тоже по-русски, государь. — «Петръ Михайловичъ, запиши имя хозяйки дома». — «Уже, уже записано», — скучающимъ тономъ отозвался Волконскій. «Вѣрно, приласкаетъ эту лавочницу дорогимъ презентомъ, кого онъ только не приласкиваетъ?» — «Ее зовутъ Буттарини. Госпожа Буттарини *tout court*». — «Это Палаццо Буттарини, государь. Пятнадцатаго вѣка до Рождества Христова!» — сказалъ Меншиковъ.

Ровно въ двѣнадцать поѣздъ подошелъ къ Веронской заставѣ. Заиграла музыка, слышался дикій крикъ командира, войска отдали честь. Царя ждали австрійскій императоръ, прусскій король, еще короли и принцы. Александръ I вздохнулъ и заключилъ въ объятія сначала императора Франца, потомъ прусскаго короля, потомъ другихъ королей, впрочемъ не всѣхъ: нѣкоторымъ только протягивалъ обѣ руки, или даже одну руку. Сказавъ все, что требовалось, пройдя вдоль почетнаго караула, онъ пересѣлъ въ коляску австрійскаго императора. Подъ звуки военнаго марша, коляска медленно поѣхала между двумя шеренгами выстроившихся на улицѣ войскъ. Толпа за войсками изображала восторгъ. Царь отдавалъ честь и старательно поддерживалъ на лицѣ привѣтливую улыбку. — «Императрица просила тебя пожаловать вечеромъ къ фамильному столу, запросто, во фракѣ», — говорилъ императоръ

Францъ. — «Какъ я радъ! Благодарю сердечно»... — «Но мы у тебя еще будемъ сегодня днемъ, если вы не слишкомъ устали съ дороги? Такъ, для первой бесѣды обо всемъ». — «Очень радъ, искренно благодарю. Какой прекрасный городъ! И какъ прекрасна была вся эта дорога черезъ Тироль!...» Коляска остановилась у дворца на Корсо. — «Палаццо Каносса!» — восторженно сказалъ Александръ I, — «вѣдь это, кажется, постройки Санмикеле?» — «Совершенно вѣрно. Какая у тебя память!» — отвѣтилъ императоръ Францъ, впрочемъ, безъ особеннаго восхищенія: онъ и самъ хорошо зналъ секреты ремесла, — «это одинъ изъ лучшихъ, если не самый лучший дворецъ Вероны»... Они привѣтливо, съ улыбками, пожали другъ другу руки на глазахъ у толпы. Въ сопровожденіи ждавшаго его у подъѣзда австрійскаго генераль-адъютанта, царь вошелъ въ Палаццо Каносса.

Немного отдохнувъ послѣ дороги, Александръ I пообѣдалъ одинъ, — не пригласилъ никого къ столу. Пообѣдалъ плотно, выпилъ бутылку бургонскаго изъ запаса, который для него возили повсюду; другого вина онъ не признавалъ. На этотъ разъ ни прекрасный обѣдъ, ни вино его настроенія не улучшили. Онъ становился все мрачнѣе.

Затѣмъ онъ перешелъ въ другую комнату, которую австрійскій генераль-адъютантъ назвалъ его кабинетомъ. Разсѣянно осмотрѣлъ ее, — «да, отличный палаццо», — и сѣлъ въ кресло. — «Если ничего не дѣлать, слава скоро придетъ конецъ. Ну, и пусть, не все ли равно? Было той славы достаточно, а теперь будетъ другая», — вдругъ подумалъ онъ: при всей искренности своихъ чувствъ, понималъ, что отходъ отъ такого могущества къ чему-то новому, бездѣйственному, созерцательному можетъ только увеличить его славу, — это какъ бы повышение въ историческомъ чинѣ. «Ужъ очень, однако, они всѣ будутъ рады, что я развязалъ имъ руки», — еще возразилъ онъ себѣ съ непріятнымъ чувствомъ, ра-

зумѣя Веллингтона, Меттерниха и другихъ имъ подобныхъ. — «Но я не могу исходить изъ этого. Надо поступать по справедливости». — Онъ взглянулъ на часы. — «И для того, чтобъ поступить по справедливости. сейчасъ первымъ дѣломъ надо надѣть другой мундиръ»... Перешелъ еще куда-то, — пока плохо разбирался въ коридорахъ, — позвалъ камердинера и переодѣлся. Вѣчныя переодѣванія были мукой его жизни. Царь надѣлъ преображенскій мундиръ безъ эполетъ, эксельбантъ, лосиные панталоны, короткіе ботфорты, шарфъ вокругъ талии, Андреевскую ленту черезъ плечо, нацѣпилъ орденъ Маріи-Терезіи и спросилъ себя, не слѣдуетъ ли пристегнуть и Чернаго Орла? Находясь въ австрійскихъ земляхъ, онъ не былъ обязанъ носить прусскій орденъ. «Все равно, масломъ каши не испортишь», — подумалъ Александръ Павловичъ и нацѣпилъ также этотъ орденъ: изъ-за королевы Луизы всегда чувствовалъ себя немного виноватымъ передъ прусскимъ королемъ. Взявъ перчатки и шляпу съ чернымъ султаномъ на гребнѣ, онъ вышелъ въ большой залъ дворца. Тамъ уже были приготовлены длинный, крытый краснымъ бархатомъ, столъ и вокругъ него золоченныя кресла. На столѣ лежали карандаши, бумага.

Чернышевъ и Меншиковъ поднялись съ мѣстъ. Въ углу приподнялся Волконскій, записывавшій у небольшого столика расходы. — «За поѣздку отъ нашей границы уже ушло безъ малаго сорокъ тысячъ червонныхъ», — сокрушенно сказалъ онъ. — «Что такъ много?» — разсѣянно спросилъ императоръ. — «А я удивляюсь, государь, что мало! Въ Вѣнѣ вы же приказали дать на дворъ двѣ тысячи, на конюшню тысячу, прислугѣ семьсотъ, и полку вашего имени двѣ тысячи! Да еще ваши подарки!» — «Ахъ, кстати, Петръ Михайловичъ, вели тотчасъ отвезти браслетъ этой итальянкѣ, у которой мы переодѣвались. Выбери подходящій, хорошій»... Волконскій только на него взглянулъ: онъ и сердился на царя за расточительность, и въ душѣ былъ ею доволенъ: не нѣмецкій монархъ. Александръ I отошелъ къ

окну. — «Это Тъеполо», — говорилъ Чернышевъ Меншикову, — «одна изъ самыхъ лучшихъ его вещей. Петръ Михайловичъ, вы хоть бы взглянули, а?» — «Некогда мнѣ, да и экая невидаль! Прикажу въ деревнѣ своимъ мастерамъ, они еще лучше напишутъ». Чернышевъ захохоталъ. «Очень они мнѣ всѣ надоѣли, умные и глупые, ученые и невѣжды», — подумалъ царь. — «Отчего же вы не отдыхаете, господа?» — спросилъ онъ, чтобы что-нибудь сказать, — «мнѣ нельзя, а вамъ, слава Богу, можно».

Генералы переглянулись и незамѣтно покинули комнату. Волконскій еще ненадолго остался, онъ былъ на особомъ положеніи. «Я велѣлъ передать Веллингтону, что ваше величество можете принять его посѣщеніе въ четыре часа. Значитъ, сейчасъ пріѣдетъ... Тутъ васъ ждало много бумагъ»... — «Просьбы, что ли? Совсѣмъ какъ въ сага patria?» — «Просьбъ отъ итальянскихъ прощальгъ препорядочно, но есть и дѣловыя бумаги. Отъ Веллингтона два мемуара»... — «Отдай Нессельроде, я его мемуаръ читать не стану». — «И отъ Меттерниха программа работъ». — «Покажи». — Волконскій подалъ золотообрѣзный листъ бумаги и вышелъ.

На листѣ красивымъ писарскимъ почеркомъ, очень ровно, были написаны вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію на конгрессѣ. «... La traite des nègres... Les pirateries dans les mers de l'Amérique... «...Les démêlés de l'Orient... La position de l'Italie... Les dangers de la révolution d'Espagne... La navigation du Rhin... La régence d'Urgel»... «Хорошо, что заглянулъ: вѣдь придется предсѣдательствовать»... Предсѣдательствовать собственно полагалось императору Францу, во владѣніяхъ котораго происходилъ конгрессъ. Но австрійскій императоръ вскользь сказалъ, что на нынѣшнемъ засѣданіи рѣшено предоставить предсѣдательствованіе царю. Это былъ особый почетъ, который не могъ не доставлять удовольствія Александру Павловичу, несмотря на долгую привычку и несмотря на его новыя мысли.

Онъ снова все внимательно прочелъ. Царь зналъ по опыту, что вопросъ о торговлѣ неграми ставится неизмѣнно на всѣхъ конгрессахъ, преимущественно Англіей и преимущественно тогда, когда нужно отвлечь вниманіе отъ болѣе острыхъ вопросовъ. «Сами они перестали торговать рабами очень недавно и очень неохотно, и всѣ эти господа, Кэстльри, Веллингтонъ, даже Каннингъ всегда были противниками Вильберфорса и отмѣны рабовладѣнія. Что же это они теперь переполошились? Имъ обидно, что Португалія продолжаетъ загребать золото на торговлѣ неграми. Да еще, вѣрно, мнѣ хотятъ пустить шпильку изъ-за крѣпостнаго права. Въ чемъ они, конечно, правы... Пираты въ американскихъ водахъ, это изъ той же области: чтобы отнять время и чтобы морочить голову. И навигація на Рейнѣ то же самое, — кому это можетъ быть интересно?...» Онъ запросилъ себя и со всей искренностью отвѣтилъ, что, если есть дѣло, совершенно, ни съ какой стороны, его не интересующее, то именно навигація на Рейнѣ. Во всей программѣ конгресса важны были только вопросы объ Испаніи и о Востокѣ. «А это что такое? «La régence d'Urgel?» Какая еще régence d'Urgel?...»

Эти слова вдругъ его поразили. «Не есть ли все, что мы дѣлаемъ, сплошная régence d'Urgel? Вѣдь мы ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ даже тогда, когда слова намъ извѣстны и понятны! И греческій вопросъ это — régence d'Urgel, и итальянскій вопросъ тоже, все, все — régence d'Urgel!...» Доложили о пріѣздѣ герцога Веллингтона. — «Просить, просить», — сказалъ царь, снова почувствовавъ крайнюю неодолимую усталость. «Ему всего этого не разъяснишь. Какъ же ему сказать? Онъ будетъ въ восторгѣ. Можетъ, я ошибся опять, и нужно какъ было?»

Вошелъ Веллингтонъ въ русскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ съ Андреевской лентой. Они поздоровались съ преувеличенной радостью и тотчасъ приступили къ обычному введенію. Герцогъ спросилъ о здоровьи царя и императрицы Елизаветы, освѣдомился, не слиш-

комъ ли утомительна была дорога. Александръ I задалъ вопросы о королѣ Георгѣ, о разныхъ принцахъ. Первая часть вступленія не утомляла, но надо было за собой слѣдить, чтобы не зѣвнуть, не спросить о здоровьи умершаго, не перебить собесѣдника новымъ вопросомъ до отвѣта на предшествовавшій. Вторая часть была нѣсколько труднѣе. Наудачу царь использовалъ мундиръ Веллингтона. — «Въ сколькихъ арміяхъ вы состоите фельдмаршаломъ?» — «Въ семи: въ англійской, русской, австрійской, прусской, испанской, нидерландской». — «Это только шесть», — поправилъ царь съ соответственной улыбкой. — «Шесть? Я помню навѣрное, что семь. Въ англійской, русской, австрійской, прусской, нидерландской, испанской и португальской. Я забылъ, ваше величество, что я португальскій фельдмаршалъ». Они посмѣялись. «Теперь что? Ахъ, да»...

— Какое у васъ несчастье! Бѣдный маркизь Лондондерри! Я былъ совершенно пораженъ этимъ извѣстіемъ. Но какъ, какъ это случилось?

У Веллингтона лицо тотчасъ стало одновременно грустнымъ и каменнымъ.

— Маркизь Лондондерри былъ переутомленъ. Вашему величеству трудно себѣ представить, какъ много онъ работалъ! Я не разъ убѣждалъ его поѣхать на отдыхъ, но онъ не слушался ничьихъ совѣтовъ. Въ августѣ все же, передъ конгрессомъ, онъ рѣшилъ немного отдохнуть и выѣхалъ въ свое имѣніе Крэй-Фармъ. И вдругъ — очевидно, какая-то минута меланхоліи: къ изумленію и ужасу всей Англіи, онъ покончилъ съ собой.

— Но у него бывали и до того минуты... меланхоліи?

— Никогда, ни малѣйшихъ. Онъ былъ до послѣдняго дня бодръ, веселъ, здоровъ. Въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ проявлялъ обычную ясность, свой обычный свѣтлый умъ. Въ послѣдній разъ онъ обѣдалъ у меня дня за три до своей кончины. На этомъ обѣдѣ былъ и посоль вашого величества, графъ Ливень. Мар-

кизъ Лондондерри былъ бодръ, уменъ, любезенъ по обыкновенію.

— Такъ что вы и тогда ничего въ немъ не замѣтили?

— Ничего рѣшительно. Развѣ немного грустное настроеніе? Послѣ обѣда мы еще погуляли. Онъ былъ совершенно здоровъ.

— Бѣдный маркизъ! Я очень его любилъ, — сказалъ царь, нѣсколько раздраженный обманомъ. — Знаю, что у васъ мы найдемъ тѣ же качества свѣтлаго, яснаго ума, которыя отличали покойнаго маркиза. Кстати, разрѣшите поблагодарить васъ за вашу интереснѣйшую записку, я пока успѣлъ только пробѣжать ее, — бѣгло сказалъ царь; пожалѣлъ, что не спросилъ у Волконскаго заглавія записки, — и принялся излагать свои новыя мысли. Объяснилъ, что въ жизни народовъ очень трудно измѣнить что-либо къ лучшему, особенно когда не знаешь, что лучшее, что худшее. Поэтому все нужно предоставить волѣ Божіей, а въ первую очередь всѣ эти печальныя греческія дѣла, обозначенныя въ программѣ какъ «*les démêlés de l'Orient*».

— Провидѣніе не для того дало мнѣ восемьсотъ тысячъ солдатъ, чтобы я ихъ посылалъ на смерть ради идей, быть можетъ, невѣрныхъ, или ради своего честолюбія. Будемъ охранять то, что совершенно безспорно: вѣчные завѣты добра и правды. Они одни для насъ всѣхъ. Не можетъ больше быть англійской политики, или русской, или французской. Должна быть общая, единая политика, стремящаяся къ общему благу народовъ...

Царь говорилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, чувствуя въ своихъ словахъ неясность и противорѣчія. Еще больше раздражала Александра I радость, которая медленно всплывала на лицѣ его собесѣдника и которую тотъ тщетно пытался скрыть. Веллингтону сразу показалось, что въ царѣ произошла какая-то перемѣна (12).

---

12) «Съ той поры онъ сталъ проявлять признаки утомленія жизнью», — говоритъ объ Александрѣ I въ своихъ воспо-

Онъ еще не все понималъ, но чувствовалъ, что неожиданно-негаданно привалило счастье: Россія въ греческія дѣла не вмѣшивается! Это было то самое, чего онъ долженъ былъ добиваться по полученнымъ имъ въ Лондонѣ инструкціямъ. Теперь это осуществлялось само собой, безъ ожидавшейся упорной дипломатической борьбы. Россія съ Балканъ уходила, слѣдовательно, Англія могла занять ея мѣсто. Коварныхъ, макіавелическихъ мыслей у герцога не было, да онъ былъ на такія мысли и неспособенъ. Но тутъ за него думали и радовались инстинктъ, вѣковыя традиціи, души предковъ. Веллингтонъ проникновеннымъ голосомъ сказалъ, что понимаетъ, одобряетъ, высоко цѣнитъ благородныя слова царя; они всецѣло выражаютъ и точку зрѣнія правительства его величества.

— Я чрезвычайно этому радъ, — сказалъ Александръ I холодно. «Ну и пусть идетъ къ...», — вдругъ, уже не по французски, подумалъ онъ. Ему стало смѣшно. — Но я хотѣлъ побесѣдовать съ вашей свѣтлостью еще и по другому вопросу — неожиданно для себя самого, спросилъ онъ. — Это *régence d'Urgel*, вопросъ, какъ вамъ извѣстно, чрезвычайно важный. Что вы думаете о *régence d'Urgel*?

— Мнѣ пока трудно высказаться съ полной определенностью, — отвѣтилъ, запинаясь, герцогъ Веллингтонъ, то же впервые слышавшій о такомъ вопросѣ. Онъ не умѣлъ лгать, и лицо его выразило смущеніе.

минаніяхъ князь Меттернихъ. Впрочемъ, Шатобрианъ эту перемѣну относитъ къ нѣскольکو болѣе позднему времени и, со свойственной ему скромностью, приписываетъ своей отставкѣ: «*Son dégoût des affaires et des hommes publics s'augmenta quand nous fûmes jetés hors du ministère; et il mourut dix-huit mois après notre chute*».

— Но я долженъ знать ваше мнѣніе. Если мы не придемъ къ соглашенію по этому вопросу, мнѣ придется пересмотрѣть и мою греческую политику, — сказалъ царь, довольный своей шуткой. «Пусть его свѣтлость не спитъ всю ночь!...»

XIV.

Эпиграмма на лорда Кэстльри вышла не очень остроумной. Эпитафія, тоже въ стихахъ, просто непристойна (13). Какъ бы ни относиться къ Кэстльри, писать такъ объ умершемъ человѣкѣ, вдававокъ умершемъ трагической смертю, не очень по-джентльмэнски. «Кажется, ума и вкуса начинаетъ убавляться», — угрюмо подумалъ Байронъ. Онъ вынулъ изъ папки только что законченную рукопись двѣнадцатой пѣсни «Донъ-Жуана», перелисталъ ее и сталъ еще мрачнѣе. Иногда ему казалось, что эта поэма геніальна, что она , и только она, несмотря на провалъ у публики, обезпечитъ ему такъ называемое литературное безсмертіе. Но порою думалъ совсѣмъ другое. «Насмѣшки надъ Ротшильдомъ, Берингомъ, Веллингтономъ, Мальтусомъ, — какая же это поэзія? Что, если это политическій фельетонъ, вродѣ тѣхъ, которые начинаютъ появляться въ газетахъ, да еще и не очень остроумный?...»

Онъ бросилъ переписанные начисто листы въ ящикъ, взялъ со стола одинъ изъ пришедшихъ днемъ номеровъ «Journal des Débats» и сталъ читать корреспонденцію изъ Вероны: «Les présomptions que le Congrès se prolongerait jusqu'en 1823 ne se sont pas confirmées. On peut maintenant croire, avec assez de confiance, que la clôture aura lieu vers la mi-décembre. C'est l'heureux résultat de la parfaite harmonie qui, pour le bien-être et le bonheur des peuples, règne entre les monarques de l'Europe. Par là, augmentent de jour en jour les garanties pour le maintien de la paix du monde, le premier besoin

---

13) Въ англійскихъ собраніяхъ сочиненій Байрон а эта эпитафія печатается съ пропускомъ, обозначаемымъ точками.

des Etats à la suite des violentes secousses qui se sont fait sentir pendant tant d'années. Tous les monarques continuent de jouir d'une parfaite santé. L'Empereur Alexandre...»

Отложилъ газету. Чувства у него были смѣшанныя. Ко всѣмъ, или почти ко всѣмъ, собравшимся въ Веронѣ людямъ онъ относился съ совершеннымъ презрѣніемъ. Но они, именно они, *дѣлаютъ* жизнь, это не стихи. Большинство практическихъ людей, съ улыбкой говорившихъ ему комплименты, считали, конечно, вздорной его профессію, — вѣдь, что жъ отрицать? это профессія, — на ихъ мнѣніе онъ никогда никакого вниманія не обращалъ. Другимъ поэтамъ попрежнему совѣтовалъ писать, хоть ихъ поэзію не ставилъ ни въ грошъ. Однако, самъ чувствовалъ, что писать больше невозможно. Перейти на прозу, какъ совѣтуетъ поэтамъ старикъ Гете? Писать просто, совсѣмъ просто, какъ дневникъ, какъ письмо? Публика ждетъ поэмъ, притомъ именно такихъ, какія были прежде, *байроническихъ*, — о нихъ онъ теперь не могъ подумать безъ отвращенія. Новыхъ его стиховъ публика не любила, не признавала и не читала или читала гораздо меньше. И какъ онъ ни презиралъ чужое мнѣніе, чувствовалъ, что успѣхъ ему необходимъ, какъ воздухъ, — хоть говорить нужно всѣмъ обратное: и успѣхъ, и неуспѣхъ одинаково мало интересны. «Что же остается въ жизни?...» Ему показалось, что наверху плачутъ. Тереза теперь плакала чуть не цѣлыми днями. Онъ дѣлалъ видъ, будто не понимаетъ, и изумленно пожималъ плечами. Онъ понималъ. Нѣтъ, наверху ничего не было и не могло быть слышно: въ этой, подъ замокъ выстроенной, генуэзской виллѣ стѣны, полы, потолоки были толстые. «Что же съ ней дѣлать? Все безвыходно: литература, жизнь, дѣла съ женщинами... Одно утѣшеніе, что недолго»... Его здоровье тоже было плохо, совсѣмъ плохо.

Посмотрѣлъ на часы, — шелъ первый часъ ночи, — взглянулъ нерѣшительно на кровать, украшенную

баронскимъ гербомъ и девизомъ ихъ рода «Crede Viron». — раздраженно подумалъ, что пора убрать ерунду: глупо одновременно щеголять демократизмомъ и выставлять на показъ гербы и девизы. «Нѣтъ, заснуть будетъ невозможно»... Отворилъ дверь и, ничего не надѣвая, несмотря на холодную ночь, вышелъ на балконъ. Средиземное море было освѣщено луной. Зрѣлище въ самомъ дѣлѣ было прекрасное, — хотъ стихи пиши, тысячную по счету псѣму о морѣ и о лунѣ, — но ему надоѣло все: и пейзажъ, которымъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ восторгались посѣщавшіе ихъ изрѣдка туристы, и нарциссы, — «Байронъ страстно любитъ нарциссы», — и лимонныя деревья, и вилла Альбара, и садъ виллы Альбара, и Генуя, и Италія. Все красиво до отвращенія. Бѣжать подальше отъ этой красоты. Куда же? Не худо бы посидѣть въ палатѣ пэровъ: послушать, что тамъ говорятъ люди съ звучными, — по иному звучными, — англійскими именами, — тѣ, которые дѣлаютъ жизнь... Самъ изумился своей мысли. «Это ужъ предѣлъ человѣческаго паденія: скучать по палатѣ пэровъ! Вѣдь я оттуда бѣжалъ: *свѣтъ давилъ меня своей пошлостью*», — съ усмѣшкой подумалъ онъ: противоположность между нимъ и показнымъ Байрономъ, существовавшимъ только въ воображеніи поклонниковъ и теперь, пожалуй, болѣе подлиннымъ, чѣмъ настоящій, становилась ему все противнѣе. «Все было ошибкой: жена, сестра, любовницы, бѣгство»... Вздрагивая отъ холода, онъ вернулся въ комнату, затворилъ дверь балкона, и снова развернулъ «Journal des Débats» «...L'Empereur Alexandre fait fréquemment de petites promenades hors de la ville sans aucune suite»... «Все-таки этотъ головой выше другихъ», — ему казалось, что между нимъ и императоромъ Александромъ есть какое-то, почти неуловимое, сходство. — «Но и онъ политическое бѣдствіе. Да, да, эти люди дѣлаютъ жизнь, не свою только, а общую, *мою жизнь!*» — съ ненавистью подумалъ Байронъ. Взялъ другой номеръ газеты, и наткнулся на корреспонденцію изъ

Константинополя: «On a reçu des nouvelles un peu favorables d'Erzerum, accompagnées d'une soixantaine de têtes de Persans...» Фраза эта его поразила и неожиданностью, и глупостью, и соотвѣтствіемъ «parfaite harmonie» веронской корреспонденціи, и своимъ ужаснымъ прямымъ смысломъ: представилъ себѣ эти шестьдесятъ окровавленныхъ головъ, привезенныхъ въ подарокъ султану. — «Что если?..»

И долго онъ сидѣлъ за столомъ, съ замираніемъ сердца обсуждая новыя вдругъ поразившія его мысли. — «...Что если вправду посвятить остатокъ жизни большому дѣлу?... Стать во главѣ греческаго движенія, бороться за свободу уже не рѣчами? Собрать людей, собрать деньги, достать оружіе, выѣхать туда? Не вернешься? Разумѣется, не вернешься. Но впереди все равно ничего больше нѣтъ, ничего, кромѣ близкой могилы. Пусть по крайней мѣрѣ будетъ могила война... Это распутало бы весь узелъ. Бросить и стихи, и прозу, и пусть идетъ къ чорту литературная слава!»... Ему уже было ясно, что *та* слава безконечно выигрываетъ отъ дополненія *этой!* «Да, повышеніе въ чинѣ. Но не оно важно. Дѣло, большое, настоящее дѣло: не сатиры, не эпитафіи Кэстльри, не повязыванье веревки у Флоріана, не бутафорія вентъ и кинжаловъ... Дѣлать, что дѣлаютъ *ты*, — наперекоръ имъ, противъ нихъ, не такъ бездарно, какъ они. Этому дѣлу служить, не приглядываясь къ нему пристально, — если приглянешься, то служить перестанешь».

XV.

Мастеръ-мѣсяцъ оставался въ кофейнѣ очень долго. Тамъ онъ и пообѣдалъ, недурно и не такъ дорого, какъ опасался. Послѣ обѣда спросилъ марсалы. Спѣшить было собственно некуда, и ужъ очень пріятно было сидѣть на террасѣ: передъ нимъ проходили и проѣзжали люди знатные, даже знаменитые. Такого съѣзда Верона никогда не видѣла. Многихъ мастеръ-мѣсяцъ зналъ въ лицо и почти обо всѣхъ зналъ все худое и грязное, что было въ ихъ жизни. «Конечно, всѣ мерзавцы», — радостно думалъ онъ.

Постыдное изгнаніе изъ карбонарской венты нисколько не сдѣлало его мизантропомъ. Напротивъ, онъ теперь былъ какъ будто настроенъ даже нѣсколько благодушнѣе, чѣмъ прежде. Однако, мысли о томъ, что мерзавцевъ на свѣтѣ такъ много, всегда вызывали у него пріятное, успокоительное чувство. Себя самого мастеръ-мѣсяцъ не считалъ ни мерзавцемъ, ни порядочнымъ человѣкомъ, — просто объ этомъ не думалъ. «Ну, былъ видный карбонарій, а теперь сталъ шпионъ» (онъ считалъ, что *сталъ* шпиономъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ его разоблачили). «Ну, и что же? Они меня не уважаютъ? А что мнѣ въ ихъ уваженіи? А я ихъ уважаю? А они сами себя уважаютъ? Нѣтъ, разумѣется, всѣ мерзавцы и подлецы», — безъ малѣйшаго впрочемъ озлобленія думалъ мастеръ-мѣсяцъ.

Въ кофейнѣ за виномъ онъ продолжалъ размышлять о герцогинѣ Пармской. Эта красивая, милая, столь простая, дама очень ему понравилась. «Бѣдненькая, жалко ее. Деньги какія были, брилліанты, одинъ поясъ, говорятъ, стоилъ три милліона... А діадемы! А ожерелья!...» Мастеръ-мѣсяцъ имѣлъ слабость

къ драгоценностямъ и все о нихъ читалъ, что попадалось въ газетахъ. — «Ахъ, какіе были брилліанты! А жемчуга! Бѣдняжечка».

Расчувствовавшись, онъ выпилъ довольно много марсалы. Пилъ мастеръ-мѣсяцъ тоже отнюдь не для того, чтобы заглушить упреки совѣсти: совѣсть рѣшительно ни въ чемъ его не упрекала. Но ему легко и пріятно становилось обычно лишь послѣ бутылки-другой вина. Освѣжившись, онъ вышелъ изъ кофейни. Оживленіе на улицѣ еще увеличилось. Въ толпѣ попадалось немало сыщиковъ: для охраны монарховъ и министровъ была мобилизована вся полиція, пріѣхали еще агенты изъ Вѣны, изъ иностранныхъ государствъ. Кое-съ-къмъ мастеръ-мѣсяцъ незамѣтно обмѣнивался знаками, какъ когда-то съ карбонаріями. Но онъ вообще товарищей по ремеслу не любилъ, считая, что они мелкая сошка, сыщики, платные полицейскіе: самъ онъ былъ изъ совсѣмъ другого разряда людей. Ему казалось, что его прежняя роль въ вентѣ карбонаріевъ даетъ ему немалыя служебныя и моральныя права.

Передъ довольно скромной гостиницей собралась толпа. «Что такое?» — удивился мастеръ-мѣсяцъ: въ такой гостиницѣ едва ли могли помѣститься высокопоставленное лицо. Подойдя поближе, онъ услышалъ музыку и пѣніе. Два окна были растворены настежь. Превосходный женскій голосъ пѣлъ каватину изъ «Севильскаго Цырюльника». Спрашивать было незачѣмъ: въ этой гостиницѣ остановилась Каталани. «Да развѣ она здѣсь? Вѣдь офіціально она пріѣзжаетъ лишь 17-го?...» Но ошибиться было невозможно, — такъ пѣла лишь одна женщина въ мірѣ. «Изумительная! Божественная!», — умиленно думалъ мастеръ-мѣсяцъ. Онъ слушалъ, жмурясь и млѣя. «А все-таки верхи уже не тѣ»... Загремѣли рукоплесканія. Пѣвица показала у окна и съ улыбкой послала собравшимся воздушный поцѣлуй. Рукоплесканія еще усилились, со всѣхъ сторонъ сбѣгались люди, полицейскіе, тоже слушавшіе,

снисходительно улыбались. Толпа требовала повторенія — «La maravigliosa!...» «La maravigliosa Angelica!» — слышались восторженные крики. Каталани засмѣялась, отошла отъ окна, черезъ полминуты раздалась арія Фигаро : щеголяя особенностями своего голоса, примадонна полусерьезно-полушутливо пѣла и мужскія партіи оперы. Восторгъ сталъ неописуемымъ. «Y tanti palpiti!...» «La Sacra Alleanza!...» «Aria dei Rizzi!»... — орала толпа. Каталани еще спѣла арію, которую Россини написалъ за обѣдомъ, пока ему варили рисъ, затѣмъ послала толпѣ прощальный поцѣлуй и затворила окно.

Мастеръ-мѣсяцъ отправился дальше, сохраняя на лицѣ умиленную улыбку. Онъ ее стеръ только входя въ свое учрежденіе, гдѣ умиляться не полагалось. Тамъ онъ тоже оставался долго: писалъ докладъ, нарочно его растягивая, чтобы доказать усердіе. Затѣмъ получилъ суточные, — собственно, получать можно было сразу за всю недѣлю, но онъ не любилъ оставлять свои деньги въ чужомъ карманѣ, хотя бы въ самомъ надежномъ, и потому заходилъ за ними каждый день: зачѣмъ откладывать до субботы, когда можно все получить еще въ понедѣльникъ? Зато впередъ почти никогда не бралъ, чтобы увеличить уваженіе къ себѣ начальства.

Начальство вообще его цѣнило. Однако на этотъ разъ въ послѣднюю минуту его неожиданно потребовали въ кабинетъ и сдѣлали ему серьезное внушеніе: оказалось, что, пока онъ отдыхалъ въ кофейнѣ, герцогиня Пармская успѣла побывать у императора, и ее никто не сопровождалъ. Мастеръ-мѣсяцъ смущенно сказалъ, что герцогиня ему запретила слѣдовать за ней по пятамъ (запрещенія собственно не было, но толковать можно было и такъ). — «Это никакого значенія не имѣетъ», — рѣзко отвѣтилъ начальникъ, — «вы должны исполнять то, что я вамъ приказалъ. Герцогиня не можетъ знать, грозитъ ли ей въ Веронѣ опасность или нѣтъ. Потрудитесь впредь слѣдовать за ея высочествомъ неотлучно».

Мастеръ-мѣсяцъ вышелъ изъ кабинета очень раздраженный. Нахлобучка была непріятная: съ нимъ говорили почти такъ, какъ онъ говорилъ со слугами герцогини. И вообще здѣсь его, очевидно, не отличали отъ мелкой сошки, отъ обыкновенныхъ сыщиковъ и агентовъ. «Они могли бы знать, кто я и кѣмъ я былъ!... Нѣтъ, этому надо положить конецъ! У насъ не такъ много людей, чтобы на меня возлагать охрану захолустной герцогини, на которую рѣшительно никто въ мірѣ не покушается»... Мастеръ-мѣсяцъ принялъ твердое рѣшеніе предъявить начальству — не этому хаму, а главному начальнику — ультиматумъ: либо пусть его назначатъ на работу отвѣтственную и серьезную, либо онъ уйдетъ. «Слава Богу, полицій въ мірѣ достаточно, не одна имперская»...

Подъ серьезной работой онъ разумѣлъ командировку къ какой-либо настоящей особѣ. Мастеръ-мѣсяцъ понималъ, почему герцогинѣ Пармской оказали въ Веронѣ такъ мало вниманія: для императорскаго двора она своя, почти что даже не гостя. Однако, здѣсь оказалось и то, что престоль ея былъ третьестепенный. — «Пусть приставятъ меня къ русскому императору! Или же пусть отправятъ къ какимъ-нибудь добрымъ родственникамъ!»... Среди карбонаріевъ онъ естественно больше работать не могъ, хотя нѣсколько измѣнилъ наружность, но согласился бы на командировку въ Грецію или Испанію. «Право, работать съ англичанами гораздо пріятнѣе»... Изъ англійской развѣдки его собственно не увольняли: просто услуги мастера-мѣсяца отпали сами собой, когда его разоблачили въ карбонарской вентѣ, а съ ними отпали и англійскія деньги (на прощанье ему, впрочемъ, выдали экстренную и вполне приличную награду). «Одни англичане платятъ какъ слѣдуетъ. Лучше было немного переждать и остаться у нихъ: они не любятъ, чтобы отъ нихъ уходили. Но, конечно, можно къ нимъ вернуться, надо только предложить имъ что-либо интересное: сами они вѣдь ни до чего додуматься не могутъ»... Онъ считалъ англи-

чанъ барами, людьми щедрыми, туповатыми и тяжелыми на подъемъ.

Съ досады мастеръ-мѣсяцъ вошелъ въ кабачекъ и выпилъ одну за другой три рюмки уже не марсалы, а водки; хотѣлъ даже спросить четвертую, но было неловко. Мысли о томъ, какъ онъ уйдетъ къ англичанамъ съ имперской службы, стали особенно пріятными. Выйдя на улицу, онъ вдругъ на другой ея сторонѣ увидѣлъ герцогиню Пармскую. Она шла пѣшкомъ съ почетнымъ кавалеромъ и, нѣжно улыбаясь, съ нимъ разговаривала. Никто не обращалъ на нихъ вниманія, да и людей на этой улицѣ было не такъ много. «Кажется, не видѣли... Хорошо, что встрѣтилъ, а то еще вышла бы какая-нибудь исторія съ этимъ болваномъ... Не могутъ посидѣть спокойно дома». Мастеръ - мѣсяцъ немного отсталъ и пошелъ за герцогиней на небольшомъ разстояніи. «Куда же это кривой ее ведетъ?» Герцогиня и ея спутникъ свернули въ направленіи къ *Camprodi Fiera* — «Ахъ, вотъ оно что: къ той гробницѣ! Да, это, конечно, дѣло спѣшное. Впрочемъ, и на конгрессѣ у нея, голубушки, особеннаго дѣла нѣтъ». Графъ Нейппергъ остановилъ сторожа, тотъ ему показалъ дорогу. Они подошли къ саркофагу Джульетты. Тутъ, вѣрно, они, влюбленные дѣтки, постоятъ минутъ десять, иначе не стоило и ходить», — подумалъ мастеръ-мѣсяцъ. — «Чѣмъ ждаты безъ толку, надо бы еще выпить». Онъ всегда ясно чувствовалъ, достаточно ли выпилъ или нѣтъ. Въ томъ кабачкѣ выпилъ недостаточно: двухъ рюмокъ не хватало. Вспомнилъ, что у самой рѣки, совсѣмъ близко, тоже есть какое-то подобіе кабачка, дрянное подобіе, но водка, кажется, сносная. «Богъ дастъ, ихъ здѣсь пока не убьютъ, и моя помощь не понадобится».

Мастеръ-мѣсяцъ сбѣгалъ въ кабачекъ, наскоро проглотилъ двѣ рюмки — «вотъ теперь какъ разъ! — вернулся къ гробницѣ уже совсѣмъ въ хорошемъ настроеніи. Влюбленные все стояли у саркофага, держа другъ друга за руку. «Хорошо бы теперь посидѣть хоть

на камнѣ», — подумалъ онъ, чувствуя нѣкоторую усталость, впрочемъ, очень пріятную. Камней тутъ было достаточно; одинъ изъ нихъ лежалъ за стѣной, шагахъ въ десяти отъ саркофага, притомъ такъ, что пройти туда можно было незамѣтно. Мастеръ-мѣсяцъ кружнымъ путемъ пробрался къ стѣнѣ, сѣлъ на камень и широко зѣвнулъ. «Полежать на мягкомъ диванѣ было бы лучше»... Герцогиня и почетный кавалеръ видѣть его не могли. Онъ заглянулъ за стѣну не безъ интереса. «Если замѣтятъ, что-жъ, только должны будутъ оцѣнить усердіе»... Подумалъ, что при отъѣздѣ герцогини вѣрно получить какую-нибудь награду. «Хорошо бы, если бь деньги? Пригодились бы, ахъ, какъ пригодились бы».

Въ лѣвой рукѣ у почетнаго кавалера была книга въ золоченомъ переплетѣ. Графъ Нейппергъ взглянулъ на герцогиню, она нѣжно кивнула головой. Почетный кавалеръ высвободилъ свою правую руку, раскрылъ книгу и сталъ читать. «Что за дурачье! Вѣдь имъ вмѣстѣ за восемьдесятъ!» — изумился мастеръ-мѣсяцъ. Словъ онъ первоначально разобрать не могъ, понялъ только, что слова англійскія, и больше по выраженію лицъ догадался, что читаютъ стихи. «Ну, да, вѣрно, Шекспиръ»... Онъ вздохнулъ: «Драма, кажется, длиннѣйшая! Что если всю?»... — «...But, soft! what light through yonder window breaks? — It is the east, and Juliet is the sun! — Arise, fair sun!...» — читалъ почетный кавалеръ.

Мастеръ-мѣсяцъ рѣшилъ, что Шекспира слушать не обязанъ. Взглянулъ на часы, соображая, какъ дальше распределится время. «Ну, кривой юноша будетъ читать двадцать минутъ, не больше: вѣдь есть же и у него совѣсть? Потомъ домой. Вечеромъ они, вѣрно, отправятся къ императору. «... She speaks! — O speak again, bright angel!...» — говорилъ страстно графъ Нейппергъ. — Ежели они такъ любятъ другъ друга, отчего бы имъ не пожениться? Герцогскаго титула она все-таки терять не хочетъ... Денегъ у нея, должно быть,

и теперь достаточно. Пармскій дворъ вовсе не такъ ужъ бѣденъ. Молодецъ кривой, хорошо устроился»...

Ему было скучно, онъ зѣвнулъ и углубился въ мысли о собственныхъ дѣлахъ, объ ультиматумѣ, который предъявить начальству. «Если не согласятся, непременно уйду къ англичанамъ назадъ, непременно! Тогда поймутъ и пожалѣютъ!» Соображенія о томъ, какъ онъ встрѣтится позднѣе съ начальникомъ, сдѣлавшимъ ему выговоръ, и вскользь сообщить цифру своего заработка въ гинеяхъ, — можно будетъ и при- врать, — очень его заняли. Онъ не сразу даже замѣтилъ, что за стѣной началъ говорить женскій голосъ. — «Больше пяти минутъ теперь не простоятъ, вѣдь скоро обѣдать»... Снова бросилъ осторожный взглядъ изъ-за угла и увидѣлъ, что герцогиня Пармская, склонившись къ плечу графа Нейпперга, тихо читаетъ изъ его книги. — «...Good night, good night! parting is such sweet sorrow. — That I shall say good night till it be morrow...»

И вдругъ мастеръ-мѣсяцъ, взглянувъ на герцогиню Пармскую, подумалъ, что нѣтъ основаній жалѣть ее. — «Да она умница!» — сказалъ онъ себѣ изумленно. — «Паденіе? Какое паденіе! Ни малѣйшаго паденія! Что ей была за радость въ томъ, что она жена Наполеона? Развѣ можно быть счастливой за человѣкомъ, который всю жизнь воюетъ, вѣчно въ походахъ, а когда не въ походѣ, то занять цѣлый день и цѣлую ночь, а къ женѣ заходить на десять минутъ въ сутки? «Геніальнѣйшій изъ людей»? «Властелинъ міра»? А что ей въ томъ, что онъ геніальнѣйшій изъ людей и властелинъ міра, даже если бъ такимъ остался! Зачѣмъ ей политика? Зачѣмъ ей власть? Кривого она любитъ, этотъ настоящій мужъ, любящій, ласковый, всѣмъ ей обязанный. Вотъ и ребеночка ждетъ. Да, она мудрая женщина!...» Герцогиня Пармская порывисто обняла почетнаго кавалера и поцѣловала его. Онъ улыбнулся и, наклонившись къ саркофагу, оторвалъ камешекъ. — «Это еще что? Амулетъ?...» Графъ Нейппергъ приложилъ камень къ мизинцу Маріи-Луизы. «Колечко ей хочетъ

сдѣлать? (14). Отличная мысль. Подешевле, чѣмъ подарки перваго мужа, и право, очень мило. Ей Богу, она умнѣе ихъ всѣхъ, императрицъ и королевъ!» — съ восторженной искренностью подумалъ мастеръ-мѣсяцъ.

Когда они вышли изъ Campo di Fiera, уже начинало темнѣть. Мастеръ-мѣсяцъ попрежнему слѣдовалъ за ними, продолжая про себя восторгаться мудростью Маріи-Луизы. Онъ немного даже позавидовалъ графу Нейппергу: за что такое счастье кривому нѣмцу? «Да, да, лучше ничего нѣтъ! Надо бы и мнѣ скопить денегъ и жениться, не на герцогинѣ, такъ хоть на простой, доброй и честной дѣвушкѣ. И дѣтей надо имѣть. Безъ дѣтей человѣкъ на возрастѣ ни къ чему. Нужно, чтобъ было кому закрыть глаза», — думалъ онъ, печально-умиленно вспоминая, что у него нѣтъ ни своего угла, ни жены, ни семьи. — «А впрочемъ, можетъ и это не такъ ужъ хорошо? Ну, закроютъ тебѣ глаза, экая, подумаешь, радость!... Все равно и съ открытыми... Нѣтъ, все-таки лучше. Мудрая, женщина, очень мудрая. Даромъ говорили, что дура!»

На главной улицѣ ламповщики зажигали фонари. Герцогиня Пармская и почетный кавалеръ давно уже шли не подъ руку. Вдали слышался гулъ голосовъ. Толпа валила къ церкви св. Агнесы. Говорили, что черезъ площадь проѣдетъ императоръ Александръ. Марія-Луиза что-то сказала графу Нейппергу. Онъ почтительно наклонилъ голову. Какъ разъ въ ту минуту, когда они вышли на площадь, на огромномъ порталѣ пробѣжалъ по просмоленному шнуру огонекъ и во всю величину портала вспыхнула красными буквами надпись: «A Cesare Augusto Verona esultante».

Почетный кавалеръ, какъ показалось мастеру-мѣсяцу, взглянулъ на герцогиню съ нѣкоторой тревогой. «Бойтсѣ, какъ бы ей, по старой памяти, не взгрустну-

---

14) Марія-Луиза, по свидѣтельству очевидца, въ періодъ своей жизни, связанный съ Нейппергомъ, носила кольцо, вырѣзанное изъ саркофага Жульетты.

лось, бѣдняжкѣ?» — догадался мастеръ-мѣсяць. — «Или можетъ, ревнуетъ къ Наполеону? Хотя что-жъ ревновать къ покойнику? Вѣдь глупо, право, глупо. Отъ мужа нашей августѣйшей государыни уже только кости и остались въ мѣрѣ, на св. Еленѣ... Не ревнуй, кривой, брось, ерунда! Я тебѣ говорю, ерунда», — увѣщевалъ мысленно почетнаго кавалера мастеръ-мѣсяць.

XVI.

Для поэзіи, на *бригъ* говорили, что *разразилась страшная буря*. Въ дѣйствительности, бури не было, но вскорѣ послѣ того, какъ «Геркулесъ» вышелъ изъ генуэзской гавани, началась сильнѣйшая качка. На борту тоже не все обстояло благополучно, правда, больше въ мелочахъ. Такъ, досчатая стойла, устроенныя для пяти взятыхъ на бригъ лошадей, оказались непрочными. Испуганныя качкой лошади сорвались и стали носиться по судну. Были еще другія упущенія. Графъ Гамба, братъ Терезы Гвиччіоли, доложилъ Байрону, что *гафельный гротъ* не вполне исправенъ: ничего не подѣлаешь, надо вернуться въ портъ и все привести въ порядокъ; работы на нѣсколько часовъ, выйдемъ въ *открытое море* завтра. Байронъ помолчалъ съ минутой, затѣмъ кивнулъ головой. — «Да, разумѣется, можно вернуться»... Онъ былъ недоволенъ: упущенія въ самомъ началѣ, что же будетъ дальше? Однако не хотѣлъ смущать спутниковъ. Кромѣ того, его забавляло серьезное, нахмуренное лицо молодаго человѣка, который, видимо, игралъ въ войну, щеголяя морскими словами.

Къ ночи *буря* усилилась. Войти въ гавань было не такъ просто, капитанъ сказалъ, что раньше утра къ берегу не подойдутъ. Всѣ сошли въ каюты въ отчаяніи: когда морская болѣзнь, то не до освобожденія Греціи. Самъ Байронъ остался на мостикѣ: не заболѣлъ, — не лишено значенія для престижа главы экспедиціи. Думалъ обо всемъ этомъ иронически, распространяя иронію и на себя. «Ничего, есть неприкосновенный запасъ энтузіазма».

Утромъ подошли къ берегу, перебросили сходни и свели лошадей. Байронъ обошелъ бригъ и отдалъ распоряженія: позвать плотниковъ, еще кого-надо для парусовъ, приставить человѣка къ кассѣ, чтобы не стащили: въ шкатулкѣ лежало десять тысячъ піастровъ золотомъ и кредитное письмо на сорокъ тысячъ. Затѣмъ онъ сошелъ на берегъ. Оставаться въ порту бездѣла было скучно, да и не хотѣлось отвѣчать на вопросы, почему вернулись: въ порту нельзя было сказать, что разразилась буря. Отъ выздоровленія всѣ повеселѣли, точно Греція уже была освобождена. Только лакей Флетчеръ, вообще не одобрявшій всей затѣи, сердито говорилъ, что не слѣдовало выѣзжать на это проклятое дѣло 13-го. — «Мнѣ число 13 всегда приносило счастье», — сказалъ весело Баронъ. — «Неудачное начало благопріятная примѣта»... Онъ *вскочилъ на коня*, спросилъ, на сколько времени работы, и, услышавъ, что къ полудню кончатъ, сказалъ: «Это значитъ въ шесть вечера, да? Сойдемся на четырехъ часахъ, но зато безъ обмана. Въ четыре я приѣду».

Въ сопровожденіи графа Гамба, онъ медленно поѣхалъ къ своему дому, увидѣть который больше не рассчитывалъ. Лошадь, тоже пришедшая въ восторгъ отъ твердой земли, ржала и пыталась перейти въ галопъ. Гамба слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, старался запомнить каждое сказанное имъ слово: надо скорѣе записать. Байронъ думалъ, что это милый человѣкъ, но умомъ не блещетъ, и незачѣмъ брать его на войну за освобожденіе Греціи. Поддерживалъ бодрый разговоръ, немного (хоть не очень) считаясь съ тѣмъ, что все будетъ записано, а позднѣе издано. Рассказывалъ о своихъ молодыхъ годахъ, почти ничего не приукрашивая, говорилъ — и ничего: выходило — объ освобожденіи человѣчества. — «... Прожить бы еще лѣтъ десять, тогда всѣ увидятъ, что я человѣкъ не конченный. Напишу поэму? О, нѣтъ! Литература — дурацкое дѣло, въ особенности стихи, и у меня къ поэзіи нѣтъ ни малѣйшаго призванія. Вы напрасно улыбаетесь»...

На лицѣ графа Гамба дѣйствительно появилась подобающая улыбка. Онъ даже не протестовалъ: противъ *такихъ* словъ и протестовать не приходилось. — «Но гдѣ мы будемъ черезъ годъ?» — закончилъ со вздохомъ Байронъ.

Когда подъѣхали къ дому, онъ придумалъ для молодого графа какія-то порученія, чтобы отъ него освободиться. Бодрая улыбка выступающаго въ походъ полководца больше не была нужна. Байронъ вошелъ въ домъ. Уборщица встрѣтила его изумленно. — «Да, да, отложили отъѣздъ, была буря», — съ досадой сказалъ онъ и послалъ уборщицу за ѣдой, — «сыра и фигъ». Ёсть ему не хотѣлось. Старуха смущенно говорила, что въ домѣ безпорядокъ. — «Я часа черезъ два-три уѣду»... — «Можетъ, колбасы купить и вина?» — «Сыра и фигъ, больше ничего».

Въ кабинетѣ мебель была сдвинута къ стѣнѣ, въ углу лежали свернутые цилиндромъ ковры, полъ былъ засыпанъ соломой и стружками. Байронъ устало сѣлъ въ кресло у стола. Осталось непріятное чувство отъ первой неудачи, отъ глупаго вида освободителей, — хоть они не виноваты, что страдаютъ морской болѣзью, — отъ разговора съ графомъ Гамба: не любилъ рисоваться, — случалось, конечно, какъ всѣмъ, но въ послѣднее время рѣже. «Что, если теперь къ необязательному шарлатанству поэта присоединится обязательное шарлатанство *борца?*» По крайней внутренней его правдивости, мысль эта была ему противна. «Литература — дурацкое дѣло? Вѣрно, но зарекаться не надо: можетъ быть, еще придется писать поэмы»... Онъ подумалъ съ улыбкой, что, если писать, то слѣдовало бы теперь, сейчасъ: что-либо вродѣ «*And now I am in the world alone*», а внизу непременно помѣтить «Геркулесъ» и поставить число. «Стихи лорда Байрона, написанные въ день отъѣзда въ Грецію». Карандашъ былъ, но записная книжка осталась въ дорожномъ костюмѣ. Онъ разсѣянно выдвинулъ ящикъ, хоть писать не собирался, — и ахнулъ: въ коробочкѣ лежала прядь волосъ графини

Гвиччіоли — послѣдній подарокъ въ минуту разлуки, послѣ *душураздирающей* сцены: «прощаніе лорда Байрона съ любовницей». Забылъ здѣсь эту прядь не умышленно, не *байронически*, — просто забылъ. И хотя онъ былъ почти увѣренъ, что больше никогда не увидитъ графиню, ему стало смѣшно.

Уборщица принесла ѣду на бумажкахъ: тарелки уже всѣ спрятаны. За ѣдой онъ думалъ о томъ, что нужно сдѣлать еще. На бригѣ въ первый вечеръ было скучновато: больше двухъ часовъ любоваться моремъ нѣтъ возможности. Книги были заколочены въ ящикахъ, съ собой взялъ лишь двѣ-три. Слѣдовало бы докупить. Только что вышелъ «*Mémoires de Sainte-Hélène*» Ласъ-Каза, но его въ Генуѣ книгопродавцы еще не получили. «Главное, развлечь всѣхъ освободителей, чтобы приставали возможно меньше. «Шахматы есть, шпаги и гири есть».

Подумалъ также, что пока, быть можетъ, еще не поздно отказаться отъ поѣздки. Гамба сошлетъ на предзнаменованіе: изъ-за дурной примѣты великій поэтъ отказался отъ Греціи. «Но зачѣмъ отказываться? Все равно дальше жить нельзя. Это лучшій выходъ... А вдругъ, *можно?*» Быстро просмотрѣлъ тысячу разъ передуманные доводы, личные, политическіе, всякіе: нѣтъ, нельзя. «Къ Терезѣ, что ли, вернуться, на роль *cavaliere servante*? Или поѣхать въ Англію, къ *сестрѣ*? Или стишки писать? Или играть въ карбонаріи, какъ Гамба играетъ въ морскую войну?...» Онъ вздохнулъ, вышелъ изъ дому, окинулъ его взглядомъ, — на этотъ разъ ужъ въ самомъ дѣлѣ послѣднимъ, — и поѣхалъ въ городъ. Принялъ горячую ванну, оставался въ банѣ очень долго, взглянулъ на часы. «Да, пожалуй, пора ѣхать на бригъ».

Тамъ уже все было готово. *Буря* давно улеглась. На «Геркулесѣ» была снова тревожная суета, но чуть менѣе торжественная, чѣмъ наканунѣ. Онъ сѣлъ на скамейку у пушки, «Лайонъ» улегся у его ногъ. «Хоть картину пиши»... Подошелъ взятый въ Грецію пасса-

жиръ, Шилици, родственникъ Маврокордато, человекъ весьма непріятный. Байронъ не сомнѣвался, что это шпіонъ, — вопросъ только въ томъ, какой: турецкій, англійскій, русскій? Но это большого значенія не имѣло. Съ брига никому никакихъ сигналовъ не подашь. Напротивъ, даже лучше, на случай столкновенія съ турецкимъ фрегатомъ: своего человека турки топить не будутъ. Они любезно поговорили. — «Вы откуда сейчасъ ѣдете?» — «Изъ Петербурга». — «Изъ Петербурга? (вѣрно русскій шпіонъ?). Что же тамъ? Какъ императоръ Александръ? Правда ли, что онъ совершенно отошелъ отъ дѣлъ и занятъ только спасеніемъ души?» — «Доля правды есть. Онъ впалъ въ мистицизмъ», — отвѣтилъ съ улыбкой Шилици.

Графъ Гамба озабоченно выразилъ сомнѣніе, достаточно ли взято снарядовъ для двухъ пушекъ брига. — «Я думаю, достаточно», — со столь же серьезнымъ видомъ сказалъ Байронъ, — «хотя у Нельсона подъ Трафальгаромъ было, вѣроятно, еще больше»... Капитанъ что-то закричалъ съ мостика. Стали разматывать канатъ. — «Я проведу ночь подъ *фокмачтой*», — восторженно сообщилъ Гамба, — «тамъ для меня поставили походную постель». Бригъ покачнулся. «Теперь *поздно*», — подумалъ Байронъ. Онъ взглянулъ на Геную, твердо — или *почти* твердо — зная, что больше никогда этого не увидитъ, не увидитъ Италіи, не увидитъ культурной жизни. Всталъ съ веселой улыбкой и поднялъ высоко надъ головой дорожную шапочку, — всѣ немедленно сдѣлали то же самое. Лакей появился, держа въ рукахъ подносъ, уставленный бокалами съ шампанскимъ. — «За новую жизнь! За наше великое дѣло! За освобожденіе Греціи!» — сказалъ Байронъ. Въ эту минуту онъ съ досадой подумалъ, что снова забылъ въ ящикѣ прядь волосъ Терезы Гвиччіоли.

Въ Ливорно «Геркулесъ» остановился. Грузились съѣстные припасы. Надо было принять еще пассажира, которому тоже почему-то предоставили мѣсто на бри-

гѣ. Этотъ второй пассажиръ поднялся на бортъ въ сопровожденіи англичанина Скотта и низко поклонился, знакомясь. — «Я надѣюсь, вамъ будетъ у насъ не слишкомъ неудобно. Но торопитесь съ вещами, мы скоро отходимъ» («вѣроятно, тоже шпіонъ. Этотъ чей?» (15). Скоттъ передалъ почту, свѣжія газеты, книги, присланныя изъ Англіи. — «Есть еще письмо для васъ, милордъ, отъ вашего друга Стерлинга»... — «Вотъ какъ? Я очень радъ», — сказалъ Байронъ, распечатывая пакетъ. Выпалъ золотообрѣзный листокъ со странно, посрединѣ, начертанными строчками. — «Стихи!» Вѣрно, какой-нибудь влюбленный студентъ?» — «Кажется, не влюбленный студентъ, милордъ», — отвѣтилъ съ улыбкой англичанинъ, — «мнѣ Стерлингъ сообщилъ, что это такое». Байронъ пробѣжалъ препроводительное письмо и измѣнился въ лицѣ. Престарѣлый Гете, узнавъ объ его поѣздкѣ для освобожденія Греціи, просилъ передать ему свое напутствіе.

— Этого я не ждалъ! — сказалъ Байронъ съ волненіемъ. Онъ бережно взялъ въ руки листокъ. — Этого я не ждалъ! Какая награда!

— Ваша свѣтлость съ нимъ знакомы?

— Я никогда не имѣлъ счастья его видѣть... Но кто же мнѣ прочтетъ и переведетъ?

Шилици предложилъ свои услуги. — «Ахъ, ради Бога!» — попросилъ онъ съ непріятнымъ чувствомъ. Грекъ пробѣжалъ листокъ, прочелъ вслухъ по-нѣмецки, затѣмъ кое-какъ перевелъ. Байронъ слушалъ, блѣдный, опустивъ голову.

---

15) Въ исторической литературѣ есть указанія на то, что изъ двухъ пассажировъ «Геркулеса» одинъ состоялъ на службѣ у турецкой полиціи, а другой — у русской. Въ Миссолонги всевозможныхъ шпіоновъ было, разумѣется, великое множество.

Was soll ich dem, den ich so lang begleitet,
Nun etwas Traulich's in die Ferne sagen ?
Ihm der sich selbst im Innersten bestreitet,
Stark angewohnt das tiefste Weh zu tragen.
Wohl sey ihm doch wenn er sich selbst empfindet,
Er wage selbst sich hoch beglückt zu nennen,
Wenn Musenkraft die Schmerzen überwindet
Und wie ich ihn erkannt mög er sich nennen.

Онъ торопливо спустился въ свою каюту, откинулъ доску складного стола, взялъ листъ бумаги и сталъ писать отвѣтъ. «Но какъ надо обращаться къ Гете? Не писать же «дорогой собратъ»? «Господинъ баронъ»? Еще глупѣе». Написалъ «Illustrious Sir». Помѣтилъ: «Ливорно, 24-го іюня», — отъ волненія ошибся въ датѣ.

— «Не могу поблагодарить васъ такъ, какъ слѣдовало бы», — быстро писалъ онъ, — «...не смѣю обмѣниваться стихами съ тѣмъ, кто въ теченіе полустолѣтія признается безспорнымъ королемъ европейской литературы... Если я вернусь, то приѣду въ Веймаръ... Какъ одинъ изъ многихъ милліоновъ вашихъ поклонниковъ»...

Адресъ рѣшилъ писать по всѣмъ правиламъ. «Его превосходительству барону фонъ-Гете. Веймаръ». Надо бы добавить другія званія: у нѣмцевъ такъ полагается. — «Но какія званія у Гете?..» Подумалъ и, послѣ словъ «барону фонъ-Гете», приписалъ: «etc., etc., etc.» И еще подумалъ, что «etc., etc., etc.» можно бы приписать не только на адресѣ.

XVII.

Мастеръ-мѣсяцъ ходилъ по грязнымъ заламъ сераля и вздыхалъ: не арсеналь, а конюшня! При видѣ греческихъ часовыхъ онъ испытывалъ настоящее душевное страданіе: развѣ *такъ* стоятъ на часахъ? Дѣлать ему тутъ пока было нечего: слѣдить за уборкой и грозно покрикивать на чернорабочихъ: — «Погодите, погодите! Приѣдутъ англичане!...» Въ Миссолонги ожидалась большая артиллерійская миссія, которая должна была привезти все необходимое для ракетъ Конгрева(16).

На британской службѣ онъ снова находился уже довольно давно. Черезъ нѣкоторое время послѣ окончанія веронскаго конгресса мастеръ-мѣсяцъ въ самомъ дѣлѣ предъявилъ ультиматумъ своему австрійскому начальству. Его условія были отвергнуты. Онъ съ достоинствомъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ не останется въ вѣдомствѣ *ни минуты*. Мастеръ-мѣсяцъ утѣшалъ себя мыслью, что начальникъ въ душѣ разстроился, не ожидавъ подобнаго удара. Однако увѣренности относительно души начальника не было. Тотъ просто отвѣтилъ: «Не желаете служить, — не надо, мы никого насильно не держимъ. Смотрите, какъ бы потомъ не пожалѣли». — «Не пожалѣю, даже если придется просить милостыню на улицахъ!»

Впрочемъ, онъ зналъ, что милостыню просить на улицахъ не придется: переговоры съ англичанами были начаты давно. Мастеръ-мѣсяцъ навѣстилъ рыжаго подполковника, у котораго служилъ прежде, поговорилъ о томъ, о семъ, хоть и не рассчитывалъ убѣдить, что за-

---

16) Боевыя ракеты, изобрѣтенныя англійскимъ генераломъ Конгревомъ, вызывали тогда у военныхъ людей огромныя надежды.

шелъ въ сущности случайно: къ рыжему подполковнику случайно не заходятъ. Поболтавъ сколько надо для приличія, онъ вскользь замѣтилъ, что не худо бы имѣть подходящаго человѣка при императорѣ Александрѣ. Подполковникъ не разслышалъ его замѣчанія, однако въ концѣ бесѣды, тоже вскользь, спросилъ: — «Развѣ вы знаете русскій языкъ?» — «Нѣтъ, не знаю», — сознался мастеръ-мѣсяцъ, — «но если нужно, могу выучиться быстро. У меня къ языкамъ большія способности: я говорю, какъ вы помните, господинъ подполковникъ, по-французски, по-нѣмецки, по-гречески. Пошлите меня въ Петербургъ, я пригожусь вамъ». — «Нѣтъ, въ Петербургѣ намъ ничего не нужно», — отвѣтилъ подполковникъ, и по его тону мастеръ-мѣсяцъ понялъ, что равнодушіе не для торга объ окладѣ: «значить, у нихъ тамъ людей, достаточно». — «Вы хорошо говорите по-гречески?» — «Это почти что мой родной языкъ. Моя молодость прошла въ Константинополѣ, тамъ, въ Галатѣ, въ Стамбулѣ, всѣ говорятъ на всѣхъ языкахъ, а ужъ по-гречески»... — «Вы недурной работникъ», — холодно сказалъ рыжій подполковникъ, — «но у васъ два недостатка. Вы слишкомъ много говорите: мнѣ не интересно, гдѣ прошла ваша молодость и *почему* вы знаете по-гречески. Кромѣ того, вы энтузіастъ. Въ нашемъ дѣлѣ можно быть хамомъ, хотя это не обязательно. А энтузіастомъ быть нельзя. И всего хуже помѣсь хама съ энтузіастомъ. Если же вы дѣйствительно хорошо владеете греческимъ языкомъ, то работа для васъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ найдется. Совѣтую вамъ однако больше отъ насъ ни къ кому не переходить».

Мастеръ-мѣсяцъ удалился смущенный: все-таки, къ кому и къ чему относились слова о хамѣ? Подумававъ, онъ рѣшилъ, что рыжій говорилъ въ общей формѣ, никакъ его не имѣя въ виду. Но слово «энтузіастъ» было обращено прямо къ нему. Онъ не являлся къ подполковнику довольно долго, — тотъ впрочемъ и сказалъ: «черезъ нѣсколько мѣсяцевъ». При ихъ второй бесѣдѣ подполковникъ уточнилъ предложеніе: работа

есть, надо поѣхать въ Миссолонги. — «Надолго, господинъ полковникъ?» — «Можетъ быть и долго. Дальнѣйшее будетъ зависѣть отъ вашего усердія. Жалованіе прежнее. Проѣздъ и суточные». — «Какія суточные?» — Подполковникъ назвалъ цифру. — «Этого вамъ болѣе, чѣмъ достаточно: жизнь тамъ дешевая. Кромѣ того вы въ Миссолонги должны будете найти работу. Значить у васъ будетъ подсобный заработокъ. Ѣхать черезъ двѣ недѣли».

Послѣ этой бесѣды мастеръ-мѣсяцъ и предъявилъ ультиматумъ австрійскому начальству. Отъ британскаго предложенія онъ былъ не въ восторгѣ. Въ Миссолонги онъ никогда не былъ, но догадывался, что жизнь тамъ не сладкая. Все-же порученіе было серьезное, отвѣтственное. Если выполнить его съ успѣхомъ, откроется карьера: давно пора. Мастеру-мѣсяцу въ последнее время приходили непріятныя мысли: вдругъ онъ неудачникъ? Столько тратишь ума, энергіи, изобрѣтательности, и ни къ чему: денегъ не скопилъ, съ одной службы переходишь на другую. Имѣть дѣло съ турками ему очень не хотѣлось. «Могутъ по ошибкѣ посадить на колъ. Однако если отклонить предложеніе рыжаго, больше къ нему нельзя показаться на порогъ. Ужъ и теперь говорить что энтузіастъ». Слово это было весьма обидно мастеру-мѣсяцу: онъ понималъ что «энтузіастъ» много хуже чѣмъ дуракъ: пожалуй, приближается къ идиоту, но, можетъ быть легкимъ дополнительнымъ оттѣнкомъ, вродѣ скотины.

Получивъ прогонныя, заказавъ мѣсто на суднѣ, онъ пріобрѣлъ то, что требовалось для морского путешествія: складную кровать, оленьи шкуры, которыхъ не выносятъ клопы, компасъ, географическую карту, аптечку съ сатурновымъ уксусомъ, замки, кастрюли, спиртовую лампу, спенсеровъ спасательный поясъ изъ трехсотъ старыхъ пробокъ. Пистолетъ у него всегда былъ. Купилъ много съѣстныхъ припасовъ, дюжину бутылокъ вина, въ томъ числѣ бутылку марсалы. Платьемъ обзавелся среднимъ, какъ полагалось по его мис-

сіи: не то, чтобы совсѣмъ простой человѣкъ, но и не важная особа. Всѣ покупки онъ поставилъ въ счетъ рыжему подполковнику, разумѣется съ нѣкоторой надбавкой: не утвердить одного, покроешься другимъ. Рыжій все утвердилъ и даже не спорилъ: австрійское начальство сначала вымотало бы душу и затѣмъ кое-что ужъ навѣрное вычеркнуло бы изъ списка.

Поѣздка сошла благополучно. Судно шло подъ англійскимъ флагомъ, его не тронули хозяйничавшіе на морѣ турецкіе военные корабли. Вначалѣ и погода была хороша. Ёсть хотѣлось такъ, что отъ съѣстныхъ припасовъ скоро ничего не осталось; пришлось докупать у матросовъ разную дрянъ. На третій день начало качать. Къ берегу они пристали въ сумерки, послѣ особенно мучительнаго дня.

Шель проливной дождь. Впечатлѣніе отъ городка было самое неблагопріятное. Матросы перенесли изъ шлюпки вещи на берегъ. Мастеръ-мѣсяцъ остался на пристани одинъ. Явокъ онъ отъ рыжаго никакихъ не получилъ: тонъ у подполковника вообще былъ такой, будто у англичанъ въ Миссолонги рѣшительно никого нѣтъ. Остановивъ наудачу рыбака, мастеръ-мѣсяцъ сунулъ ему монету и сталъ спрашивать: есть-ли гостиница или хоть постоялый дворъ? Оказалось, что постоялый дворъ есть, но тамъ сейчасъ всѣ четыре комнаты забиты людьми архистратега, спятъ въ коридорахъ, чуть только не въ конюшнѣ. — «Гдѣ же тутъ у васъ остановиться?» — спросилъ мастеръ-мѣсяцъ гнѣвно. Рыбакъ сказалъ, что уголь можно найти въ одной избѣ, близко отъ пристани, и согласился отнести туда вещи.

Изба, повидимому принадлежавшая кому-то изъ семьи рыбака, была скверная и грязная. Мастеру-мѣсяцу отвели именно уголь, правда, отдѣленный перегородкой. Онъ кое-какъ умылся, переодѣлся и спросилъ, нельзя ли поѣсть. Подали рыбу, оставшуюся отъ обѣда, маслины, вино. Рыба оказалась жареная на дурномъ оливковомъ маслѣ, а вино кислое. Въ самомъ

скверномъ настроеніи духа онъ вышелъ на улицу, или на то, что здѣсь называлось улицей. Освѣщенія почти никакого: отъ фонаря къ фонарю идти пять минутъ. Дождь прекратился, но грязь была непролазная. Мастеръ-мѣсяцъ погулялъ, стараясь не слишкомъ удалиться отъ своей избы: запомнилъ ея отличительные признаки, — у воротъ сломанная бочка. — «Какой же это городъ?» — съ негодованіемъ думалъ онъ, точно получилъ обѣщанія и гарантіи отъ своего начальства, — «это не городъ, а рыбацье село, и скверное!»... Вездѣ была вода: не то лужи, не то ручейки, не то каналы, и нельзя было понять, гдѣ лужи, гдѣ ручейки, еще утонешь! Ни единой кофейни онъ не видѣлъ. — Нѣкоторые дома были освѣщены, и какъ будто оттуда доносились веселые голоса, но какъ зайти? «Можно попасть и въ разбойничью берлогу!» Ему казалось, что на этой проклятой лагунѣ разбойниковъ должно быть очень много: можетъ, у разбойниковъ и остановился! «Отчего другіе люди живутъ какъ люди, и есть у нихъ домъ, семья, свой уголь, а я попалъ въ эту проклятую дыру, гдѣ жить придется долго, если не повѣсятъ, не зарѣжутъ, не посадятъ на колъ, и если не умрешь отъ какой-нибудь болотной лихорадки? Здѣсь, должно быть, лихорадки не переводятся»...

Вдругъ вдали послышалось нестройное пѣнье, кто-то испуганно бросился въ ворота, раздавался топотъ, мимо фонаря пробѣжали люди огромнаго роста, свирѣпаго вида, вооруженные такъ, что, казалось, больше ничего, кромѣ пушки, добавить нельзя: въ рукахъ у нихъ были мушкеты, на боку кривыя сабли, за поясомъ пистолеты, кинжалы. Мастеръ-мѣсяцъ замеръ: неужели грабители орудуютъ здѣсь средь бѣла дня? Однако ничего какъ будто не случилось. Спрятавшійся грекъ снова показался на улицѣ. — «Что это за люди?» — спросилъ мастеръ-мѣсяцъ. Грекъ отвѣтилъ, что это суліоты, принятые на службу архистратегомъ для готовящагося похода на Лепанто. — «На Лепанто?» — сокрушенно переспросилъ мастеръ-мѣсяцъ. Онъ зналъ,

что суліоты — албанское племя. Слово архистратегъ онъ слышалъ уже во второй разъ. Вначалѣ подумалъ было, что это какое-то мѣстное должностное лицо, и только теперь догадался, что такъ, очевидно, называютъ здѣсь полоумнаго лорда. «Архистратегъ такъ архистратегъ», — рѣшилъ онъ и направился домой: завтра съ утра надо будетъ устроиться получше, а затѣмъ начать поиски работы. По инструкціи онъ долженъ былъ найти себѣ въ Миссолонги какое-нибудь занятіе, не вызывающее ни у кого подозрѣній. — «Это вамъ будетъ легко», — пояснилъ рыжій подполковникъ, — «тамъ теперь люди на вѣсь золота».

Спалъ онъ плохо: жесткая постель, скверный воздухъ, оленья шкура отнюдь не спасала отъ клоповъ, — все врутъ люди. Голова была тяжелая. Ему казалось, что у него жаръ: «Такъ и есть! Въ первый же день заболѣлъ маляріей! Еще издохнешь здѣсь, и похоронить будетъ некому!» Раза два мастеръ-мѣсяцъ вставалъ, принималъ, больше наудачу, лѣкарства изъ аптечки. За перегородкой храпѣли люди. Онъ чуть не заплакалъ, думая о своей жалкой, бездомной жизни. Все же въ третьемъ часу онъ заснулъ.

Съ утра настроеніе у него стало лучше. День былъ солнечный, почти какъ въ Италіи. Мастеръ-мѣсяцъ провѣрилъ себя: нѣтъ, кажется, не заболѣлъ. Рѣшилъ, что позавтракаетъ въ городѣ: не можетъ все-таки быть, чтобы не было ни кофеенъ, ни кабачковъ, — вѣрно, вечеромъ, при плохомъ освѣщеніи, не нашелъ, или не былъ на главной улицѣ. Ему и не хотѣлось еще ѣсть. Онъ снова прошелся по городу: въ самомъ дѣлѣ, какая-то скверная Венеція, вездѣ вода! Спросилъ, гдѣ живетъ архистратегъ, — очень бойко выговорилъ это слово. Байронъ жилъ въ домѣ Капсали (17), стоявшемъ меж-

---

17) На мѣстѣ дома, въ которомъ умеръ Байронъ, теперь, по словамъ писателя-очевидца, находится «a public and very promiscuous latrine «Англійскій туристъ испытываетъ чувство позора», — говоритъ Никольсонъ.

ду площадью и каналомъ, или лагуной, или чортъ знаетъ чѣмъ еще: вездѣ вода.

Мастеръ-мѣсяцъ еще погулялъ, стараясь ориентироваться въ городкѣ. Кое-гдѣ на заборахъ висѣли объявленія: люди приглашались на работу. Въ большинствѣ предложенія были неинтересныя. Только одно показалось ему заслуживающимъ вниманія. Въ арсеналѣ требовались счетоводы, надсмотрщики, пріемщики, грузчики, рабочіе. Онъ задумался. Ему не очень хотѣлось работать въ арсеналѣ. Однако случай былъ заманчивый: пунктъ для наблюденія за экспедиціей Байрона какъ будто прекрасный. — «Гдѣ тутъ арсеналъ?» — нерѣшительно спросилъ онъ прохожаго. — «Въ сералѣ, вонъ тамъ», — отвѣтилъ тотъ и ткнулъ въ воздухъ пальцемъ. Мастеръ-мѣсяцъ направился къ большому, окруженному высокими стѣнами строенію. У воротъ стоялъ часовой съ огромнымъ мушкетомъ. — «Это какое зданіе?» — для вѣрности справился мастеръ-мѣсяцъ у проходившей старухи. — «Сераль паши». — Часовой засмѣялся. — «Былъ сераль паши, а теперь нѣтъ ни паши, ни сераля. Это арсеналъ», — сказалъ онъ и, поставивъ мушкетъ къ стѣнѣ, сталъ раскуривать трубку. — «Экая скотина!» — подумалъ съ искреннимъ возмущеніемъ мастеръ-мѣсяцъ, — «хороши порядки у архистратега!»

Ему все меньше хотѣлось работать въ арсеналѣ, въ которомъ курятъ трубку часовые. Однако онъ вошелъ во дворъ. Никто ни о чемъ его не спрашивалъ. Пропуска не требовали. Грязь на дворѣ была невообразимая. Старательно обходя огромныя лужи, мастеръ-мѣсяцъ вошелъ въ первое строеніе. Тамъ за столомъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ очкахъ, очевидно принимавшій на работу. Передъ нимъ выстроилось нѣсколько простыхъ людей испуганнаго, просительскаго вида. Мастеръ-мѣсяцъ смиренно занялъ мѣсто въ очереди. Молодой человѣкъ всѣмъ говорилъ на ломаномъ греческомъ языкѣ: — «Намъ сейчасъ нужны счетоводы, надсмотрщики, пріемщики, грузчики, рабочіе. Вы по-

англійски понимаете?» Получая неизмѣнно отрицательный отвѣтъ, произносилъ тоже какъ заученный урокъ: «Тогда въ рабочіе. Работать отъ шести до шести, два часа на обѣдъ. Работа начнется 4 февраля. Плата»... Плата здѣсь, очевидно, считалась хорошей: всѣ тотчасъ съ видимымъ облегченіемъ соглашались. «Народъ бѣдный», — думалъ сочувственно мастеръ-мѣсяцъ. «Чѣмъ отъ турокъ освободить, ихъ бы накормить».

Когда дѣло дошло до него, онъ сказалъ, что говорить немного по-англійски, и хотѣлъ было объяснить правдоподобнѣе, откуда такія познанія: «Я уроженецъ»... — но молодой человѣкъ, не слушая, радостно переспросилъ: — «Говорите по-англійски?» — и тотчасъ перешелъ на англійскій языкъ, на которомъ, впрочемъ, объяснялся не очень хорошо, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. — «Люди, владѣющіе англійскимъ языкомъ, намъ очень нужны, очень. Надо работать спѣшно: готовится походъ на Лепанто. Считайте себя принятымъ». — «На какую же работу? Я въ рабочіе не желаю идти», — сказалъ внушительно мастеръ-мѣсяцъ. — «Мы васъ, конечно, и не возьмемъ въ рабочіе. Знаете что: не будемъ сейчасъ сговариваться точнѣе. Скоро пріѣдетъ начальникъ арсенала, сэръ Вильямъ Парри. Онъ съ вами сговорится. Не будемъ пока уславливаться и о жалованіи. Мы васъ не обидимъ. Но считайте, что съ настоящей минуты вы приняты къ намъ на службу. А если вамъ нужны деньги, то я могу вамъ дать задатокъ». — «Нѣтъ, зачѣмъ же? Когда условимся», — сказалъ съ достоинствомъ мастеръ-мѣсяцъ, удивляясь все больше: «Хоть бы о чемъ спросили: можетъ, я шпионъ? можетъ, я хочу взорвать арсеналь?» — «А не согласились ли бы вы поселиться здѣсь въ сералѣ?» — освѣдомился молодой нѣмецъ, видимо чрезвычайно обрадовавшійся говорящему по-англійски человѣку, — «изъ насъ, кромѣ меня, никто по-гречески не говоритъ, и постоянная нужда въ переводчикѣ. Я просто не могу отлучиться ни на минуту. Если бы вы согласились переѣхать, мы могли бы вамъ выдать экстренную сумму, подъемныя, что ли?

Комната, разумѣется бесплатная. Здѣсь у насъ уже есть и кантина». Мастеръ-мѣсяцъ на минуту задумался: жить въ этомъ зданіи несомнѣнно лучше, чѣмъ въ избѣ, но все-таки арсеналь — вѣчная опасность взрыва, или чего-нибудь такого? Онъ сообразилъ, однако, что рискъ одинаковый ночью и днемъ, — ночью, пожалуй, даже меньше риска. Съ другой стороны, платить не надо. Сразу, кромѣ жалованія отъ рыжаго, выходилъ дополнительный заработокъ, вѣроятно, порядочный, да еще бесплатное помѣщеніе. «Если подъемныя, то можетъ быть, я переѣхалъ бы, хотъ это связано для меня съ немалыми расходами. Но разрѣшите прежде взглянуть на комнату». — «Вамъ сейчасъ покажетъ *маркитантка*», — радостно сказалъ нѣмецъ.

Онъ три раза хлопнулъ въ ладоши и вопросительно уставился на дверь, — не вошелъ никто. Похлопалъ еще, — по прежнему никого не было. Молодой нѣмецъ разсердился, вышелъ, оставивъ новаго служащаго въ своемъ кабинетѣ. «Всѣ секреты могу узнать», — съ удовольствіемъ подумалъ мастеръ-мѣсяцъ, бѣгая глазами по комнатамъ: «Какіе тутъ у нихъ, впрочемъ, могутъ быть секреты!» За дверью послышался гнѣвный голосъ нѣмца. Затѣмъ онъ появился въ сопровожденіи маркитантки. Это была молодая, невысокая, полная женщина, съ очень пріятнымъ, матового цвѣта лицомъ, съ вздернутымъ носомъ, съ широко разставленными черными глазами. На ней былъ цвѣтной халатъ не первой свѣжести; черезъ плечо было переброшено цвѣтное полотенеце. «Миленькая», — подумалъ мастеръ-мѣсяцъ. Инстинктъ, почти никогда его не обманывавшій, сразу ему подсказалъ, что можетъ выйти дѣло, хотъ надо соблюдать должную осторожность. Онъ вѣжливо поклонился. Маркитантка улыбнулась, — улыбка у нея была тоже очень пріятная, — и повела его. — «Мы пройдемъ черезъ мастерскія, такъ ближе», — сказала она, направляясь въ главное зданіе. Мастеръ-мѣсяцъ пошелъ за ней, осанисто переваливаясь. — «Да, особыхъ предосторожностей въ этомъ арсеналѣ не принимаютъ»...

Онъ ахнулъ: такая грязь была въ мастерскихъ. — «Здѣсь жили суліоты», — пояснила съ улыбкой маркитантка. Они прошли черезъ большой залъ, куда-то свернули, вышли въ другой дворъ и направились къ небольшому строенію. — «А тутъ что такое, милая?» — спросилъ мастеръ-мѣсяцъ, — «вѣдь это, кажется, бывшій сераль?» — «Тутъ былъ гаремъ паши», — отвѣтила стыдливо маркитантка. — «Ай, ай, ай, гаремъ?» — игривымъ тономъ переспросилъ мастеръ-мѣсяцъ, — «а какъ васъ звать, красавица?»

Бесѣда, начавшаяся такъ хорошо, продолжалась и въ зданіи гарема. Маркитантка давала объясненія. Оказалось, что большая часть комнатъ заказана для ожидающейся въ Миссолонги англійской миссіи. Въ другихъ комнатахъ уже поселились офицеры, служащіе арсенала, греки, шведы, нѣмцы. «Скоро станетъ свободнѣе, будетъ походъ на Лепанто», — сообщила маркитантка. Сама она служила тутъ еще при пашѣ, — по ея словамъ, прачкой. «А можетъ, и не прачкой?» — подумалъ мастеръ-мѣсяцъ, приглядываясь къ ея рукамъ. — «Вотъ это была комната начальника евнуховъ», — пояснила она стыдливо. — «А тутъ жила кіаджи-хатунъ, начальница гарема... А вотъ здѣсь комнаты одалисокъ». — «Одалисокъ?» — нѣжно улыбаясь, переспросилъ мастеръ-мѣсяцъ. Слово это подѣйствовало на него какъ музыка. И хотя комнаты были самыя обыкновенныя, грязныя и пустыя, онъ съ особенно пріятнымъ чувствомъ выбралъ свободную комнату одалиски. Маркитантка обѣщала поставить все необходимое. «Мебели у насъ было довольно, но потомъ тутъ была суліотская казарма!» — «Отлично, тогда я сейчасъ же перевезу сюда свои вещи. Милая моя, а гдѣ тутъ можно позавтракать? Можетъ, и вы со мной закусили бы?» — спросилъ мастеръ-мѣсяцъ съ самой игривой улыбкой, какъ нельзя лучше подходившей для бывшаго гарема. — «Когда перевезете вещи, все будетъ. И недорого», — сказала маркитантка. Они поговорили, и многое было сказано еще при первой ихъ встрѣчѣ.

Остальное было сказано въ тотъ же день, послѣ того какъ онъ привезъ свои пожитки. Въ комнатѣ уже стояли недурная кровать, шкафъ, столъ , два стула. На полу лежалъ коврикъ, а на столѣ были хлѣбъ, масло, маслины, колбаса, рыба , сыръ и графинъ вина. Мастеръ-мѣсяцъ глотнулъ: очень недурное, хотъ немного пахнетъ мѣхомъ. У него заблестѣли глаза. Судьба снова ему улыбалась. Въ эту ночь онъ больше не думалъ ни о смерти, ни о маляріи, ни о своей собачьей жизни.

XVIII.

Вскорѣ въ Миссолонги прибыла изъ Лондона артиллерійская миссія. Городскія власти устроили ей на пристани торжественный пріемъ. Было молебствіе, произносились рѣчи. Мастеръ-мѣсяцъ всего этого не видѣлъ и не слышалъ: дѣла у него въ арсеналѣ не было, но онъ счелъ неудобнымъ отлучиться въ служебныя часы. Говорили, что угощеніе отъ городскихъ властей было очень хорошее, что выпито было большое количество санторинскаго *vinо santo* и сладкаго мускатнаго вина. Къ вечеру матросы привезли въ сераль большое число мѣшковъ и ящичковъ. Мастеръ-мѣсяцъ поглядывалъ подозрительно, предполагая, что это ракеты Конгрева. Все сложили на дворѣ.

Съ утра пошелъ проливной дождь. «Если въ мѣшкахъ порохъ, то плохо ихъ дѣло: не сожгутъ, пожалуй, Лепанто», — весело подумалъ мастеръ-мѣсяцъ, заглянувъ во дворъ. Спросилъ себя даже, не проявитъ ли усердіе. — «Нѣтъ, не мое дѣло. Такъ будетъ спокойнѣе». Однако и безъ него одинъ изъ англичанъ обратилъ вниманіе на то, что ракетный составъ мокнетъ. Послали собирать рабочихъ, но въ этотъ день былъ праздникъ: греки отказались убирать мѣшки, сколько ихъ ни убѣждалъ молодой нѣмецъ, не очень понятно взывавшій къ ихъ патріотизму. — «Вѣдь это нужно для вашего освобожденія!» — говорилъ онъ, какъ ему казалось, по-гречески. Вдругъ у воротъ послышался страшный крикъ. Какой-то воинственнаго вида человѣкъ въ тужуркѣ военнаго образца, хоть безъ эполетъ, оралъ по англійски дикимъ голосомъ. «Мерзавцы! Негодяи! Я вамъ покажу праздники! Пропалъ ракетный составъ! Испортили ракетный составъ!...» Мастеръ-мѣсяцъ до-

гадался, что это самъ глава артиллерійской миссіи, онъ же начальникъ арсенала, Вильямъ Парри (сэромъ молодой нѣмецъ его называлъ, чтобы выходило звучнѣе). Нѣсколько грековъ со сконфуженнымъ видомъ стали носить мѣшки подъ навѣсь. — «Подлецы! Проклятое племя! Освободить ихъ надо... Мой другъ генераль Конгревъ повѣсилъ бы васъ всѣхъ за такое дѣло!» — кричалъ глава миссіи. Мастеру-мѣсяцу показалось, что онъ сильно выпилъ.

Кто-то испуганно сообщилъ, что въ сераль ѣдетъ самъ архистратегъ. Вильямъ Парри немедленно успокоился, принялъ видъ служаки и вышелъ къ воротамъ для рапорта. Въ ворота вбѣжали суліоты съ мушкетерами. За ними на прекрасномъ конѣ во дворъ вѣхалъ человекъ въ красномъ англійскомъ полковничьемъ мундирѣ. Мастеръ-мѣсяцъ тотчасъ узналъ лорда Байрона, хоть онъ сильно измѣнился со времени ихъ встрѣчи у Флоріана: очень исхудалъ и посѣдѣлъ, лицо у него было усталое, изможденное. «Какъ бы и онъ меня не узналъ?» — подумалъ мастеръ-мѣсяцъ, не суюсь впередъ, — «да нѣтъ, гдѣ же? мы люди маленькіе, и пять лѣтъ прошло, и я сталъ вдвое толще»... Байрона сопровождалъ графъ Гамба. Дальше ѣхалъ грумъ-негръ, и бѣжали еще суліоты. Позднѣе мастеръ-мѣсяцъ узналъ, что суліотская гвардія архистратега постоянно слѣдуетъ за нимъ пѣшкомъ и не отстаетъ даже тогда, когда архистратегъ скачетъ: суліоты ходитъ какъ люди не умѣютъ — бѣгутъ лучше любой лошади.

Архистратегъ принялъ рапортъ и, не сходя съ коня, заговорилъ съ Парри вполголоса. На лицѣ его вдругъ изобразилась тревога. Ему подали мѣшокъ съ ракетнымъ составомъ. Подошелъ нѣмецкій офицеръ Киндерманъ, повидимому, вступившій въ споръ съ начальникомъ артиллерійской миссіи. Парри кипятился. Нѣмецъ пожалъ плечами. — «Могу увѣрить вашу свѣтлость, что большой бѣды нѣтъ, — сказалъ онъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, — къ тому же промокли только верхніе мѣшки». Байронъ ничего не отвѣтилъ,

видимо не желая становиться ни на ту, ни на другую сторону. Онъ соскочилъ съ коня у самага крыльца и быстро вошелъ въ арсеналь, скрывая свою хромоту.

Тамъ онъ оставался минутъ десять. Затѣмъ снова вышелъ, — лошадь подали къ крыльцу, — пожалъ руку Парри и громко сказалъ: «Благодарю васъ, майоръ». Начальникъ артиллерійской миссіи просіялъ. — «Это онъ, что, чинъ ему пожаловалъ?» — спросилъ себя весело мастеръ-мѣсяцъ. — «Впрочемъ, если самъ онъ полковникъ, то почему пьяницѣ не быть майоромъ?» Байронъ рысью выѣхалъ на улицу. Впереди и сзади его бѣжали суліоты съ мушкетами. И какъ мастеру-мѣсяцу ни хотѣлось найти смѣшное въ архистратегѣ, — кромѣ чина, ничего не нашелъ. Военный мундиръ Байронъ носилъ прекрасно, точно носилъ всю жизнь: такъ, по крайней мѣрѣ, казалось штатскимъ людямъ; бывшій же въ Миссолонги англійскій офицеръ слегка улыбался. Держалъ себя архистратегъ съ большимъ достоинствомъ: очень просто, безъ чрезмѣрнаго величія, но и безъ фамильярности.

Послѣ отъѣзда Байрона, майоръ Парри собралъ на дворѣ всѣхъ служащихъ и произнесъ краткую, энергичную рѣчь, которую тутъ же переводилъ какой-то неизвѣстный мастеру-мѣсяцу грекъ, — какъ оказалось, личный переводчикъ архистратега. Майоръ сказалъ, что готовится походъ на Лепанто, что Лепанто долженъ быть взятъ и, чортъ возьми! будетъ взятъ. Для этого въ Миссолонги прислано все необходимое и въ частности то, что нужно для изготовленія ракетъ.

— Слышали объ этой хитрой штучкѣ, а? Не слышали? Изобрѣлъ ее мой другъ, генераль Конгревъ, недурной воинъ: самому Бонапарту отравилъ жизнь. Такъ вотъ эта штучка насъ всѣхъ выручитъ. И не насъ, а васъ! Англию мы, что ли, освобождаемъ? Нѣтъ, Англія, слава Богу, всегда была свободна. Мы освобождаемъ вашу страну, вашъ народъ. Это для васъ сюда пріѣхалъ его свѣтлость лордъ Байронъ. Ему и безъ васъ было хорошо жить. Онъ, можетъ быть, первый писатель

въ мірѣ! — заявилъ майоръ нѣсколько менѣе убѣжденнымъ голосомъ. — И вотъ онъ для васъ все бросилъ: жену, дѣтей, родину, пріѣхалъ освободить Грецію, чортъ васъ возьми! Поэтому намъ надо взять Лепанто! Это я вамъ говорю! Поняли? И мы Лепанто возьмемъ! Вотъ при помощи этихъ ракетъ и возьмемъ. Онѣ обращаютъ въ бѣгство самую лучшую кавалерію... И пѣхоту тоже, да. Онѣ сжигаютъ корабли непріятельскаго флота, производятъ взрывы и разрушенія въ крѣпостяхъ, и чортъ знаетъ что еще! Самъ Бонапартъ — знаете, что былъ за человѣкъ, а? — самъ Бонапартъ ничего не могъ подѣлать противъ ракетъ, а? Какъ только мой другъ генераль Конгревъ изобрѣлъ эту штучку, сейчасъ же ничего отъ Бонапарта не осталось. Ну, такъ вотъ передаю вамъ приказъ архистратега: вы должны работать съ величайшимъ усердіемъ! Я сейчасъ все вамъ объясню, какая это штука...

Майоръ Парри развернулъ большой листъ съ чертежомъ ракеты Конгрева. Онъ бѣгло объяснилъ ея устройство, велѣлъ подать изъ ящика составныя части, приложилъ одну къ другой: — «Это поддонъ. Это хвостъ. Это гильза... Теперь понимаете? Ну такъ, маршъ. Всѣ по мѣстамъ!»

Служащіе и рабочіе покинули дворъ, но едва ли кто понялъ объясненія. Мастеру-мѣсяцу показалось даже, что самъ майоръ Парри давалъ ихъ не очень увѣренно и что шведскій офицеръ слушалъ майора съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. «По мѣстамъ» же рабочіе разойтись не могли, такъ какъ не знали, гдѣ ихъ мѣсто и что они должны дѣлать. Пріѣхавшіе съ майоромъ англичане прошли по мастерскимъ и только разводили руками. — «Въ такой грязи невозможно работать!» — сказалъ одинъ изъ нихъ рѣшительно. — «Первымъ дѣломъ надо заняться уборкой! Тутъ работы на три дня!»

Начальникъ арсенала сначала слышать не хотѣлъ ни о какой отсрочкѣ работъ. Но пройдя по мастерскимъ, и онъ долженъ былъ признать, что такъ работать нель-

зя. Съ криками, съ ругательствами, съ проклятьями онъ разрѣшилъ потратить два дня на очищеніе серала.

Мастеръ-мѣсяцъ былъ вызванъ къ начальнику арсенала. Майоръ поговорилъ съ нимъ минуты три, тоже ни о чемъ не спросилъ и предложилъ должность счетовода и пріемщика снарядовъ; тутъ нуженъ человѣкъ, говорящій по-гречески. — «Но это собственно двѣ должности?» — полувопросительно сказалъ мастеръ-мѣсяцъ. «А гдѣ же взять людей, понимающихъ по-англійски, чортъ васъ всѣхъ побери!» — отвѣтилъ майоръ и назначилъ полуторное жалованіе. Принимать снаряды мастеру-мѣсяцу не хотѣлось, но онъ подумалъ, что, судя по всему, снаряды, въ этомъ арсеналѣ появятся не скоро. «Рыжій будетъ очень доволенъ».

По должности пріемщика работы не было почти никакой, такъ какъ арсеналъ еще ничего не изготовлялъ: ни ракетъ, ни снарядовъ. Больше времени отнимали занятія счетовода. Мастеръ-мѣсяцъ каждый вечеръ расплачивался съ рабочими. Хотѣлъ было платить разъ или два въ недѣлю, но греки запротестовали: по своей бѣдности, они не могли ждать ни одного дня. Выдача денегъ занимала ежедневно часа полтора; отчасти онъ умышленно затягивалъ дѣло, чтобы проявить усердіе; кромѣ того, боясь ошибиться въ греческихъ деньгахъ и передать лишнее, по три раза провѣрялъ счетъ каждаго рабочаго.

Платили рабочимъ по мѣстнымъ цѣнамъ очень хорошо. Нанято было немало лишнихъ людей. Вообще денегъ въ Миссолонги не жалѣли. Мастеръ-мѣсяцъ не сомнѣвался, что почти всѣ тутъ крадутъ, хоть ни малѣйшихъ данныхъ для такихъ предположеній у него не было. «Деньги у лондонскаго комитета, вѣрно, шалыя: шутка ли сказать, сколько дураковъ въ Англии! Контроля никакого. Кто просто кладетъ въ карманъ, кто наживается на поставкахъ: онъ заказываетъ, онъ, вѣрно, и комиссію получаетъ». Относительно того, воруетъ ли самъ Байронъ, мастеръ-мѣсяцъ все же не имѣлъ твердаго мнѣнія: можетъ, этотъ полоумный и не воруетъ.

На такомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, было бы скорѣе позоромъ не наживаться. Чѣмъ дольше мастеръ-мѣсяцъ находился въ Миссолонги, тѣмъ яснѣе ему становилось, что ничего тутъ не будетъ — ни ракетъ Конгрева, ни снарядовъ, ни похода на Лепанто: развѣ только появится на свѣтѣ нѣсколько новыхъ богатыхъ или зажиточныхъ людей. Эта мысль его раздражала: почему они разбогатѣютъ, а онъ — дай Богъ вывезти какія-либо крохи?

Начальству онъ, разумѣется, ничего этого не сообщалъ, хорошо зная свое дѣло. Напротивъ, въ первомъ же докладѣ рыжему подполковнику написалъ, что приготовленія въ Миссолонги дѣлаются огромныя, что походъ противъ Лепанто назначенъ на 14-ое февраля (такъ дѣйствительно говорили всѣ въ городѣ), что турецкой крѣпости грозитъ очень серьезная опасность: ракеты Конгрева. Давалъ понять, что въ мѣру возможнаго онъ затягиваетъ производство: безъ него дѣло шло бы гораздо скорѣе. Впрочемъ зналъ, что рыжаго обмануть не такъ просто.

Въ арсеналѣ онъ старался все время попадаться на глаза майору, ходилъ по мастерскимъ, которыя, послѣ пріѣзда англичанъ, стали, наконецъ, принимать приличный видъ, часто предлагалъ свои услуги для перевода (поэтому зналъ почти всѣ дѣла). Такимъ образомъ за день утомлялся порядкомъ и даже похудѣлъ, хоть ѣлъ, какъ всегда, много и со вкусомъ: греческая кухня сначала ему не понравилась; потомъ онъ къ ней привыкъ, а кое-что даже очень оцѣнилъ, особенно рыбныя блюда. Недурна была и мѣстная фруктовая водка, подкрашенная жженымъ сахаромъ. И вино было вполне сносное, хоть, разумѣется, не марсала. Пилъ онъ нѣсколько больше, чѣмъ слѣдовало, но ужъ очень было скучно въ арсеналѣ. Мастеръ-мѣсяцъ былъ человѣкъ весьма общительный. Между тѣмъ по своей должности онъ почти не имѣлъ на службѣ равныхъ: съ одними не могъ болтать потому, что они были гораздо выше его по рангу, а съ другими — потому, что они были гораздо ниже.

Въ арсеналѣ была устроена кантина, ставшая чѣмъ-то вродѣ клуба. Въ виду установленнаго въ Миссолонги демократическаго духа, въ нее разрѣшалось входить и лицамъ средняго персонала (такъ они именовались въ штатахъ). Мастеръ-мѣсяцъ пользовался своимъ правомъ съ достоинствомъ, но скромно, какъ лицу средняго персонала полагалось: выпивалъ у стойки наскоро, по возможности незамѣтно, рюмку-другую, заѣдалъ масляной и тотчасъ уходилъ, — развѣ только велись интересные разговоры, тогда старался немного задержаться. За единственный столикъ кантины онъ никогда не садился, зная свое мѣсто. Тѣмъ не менѣе офицерамъ появленіе пріемщика, видимо, не нравилось, хотъ онъ всегда почтительно имъ кланялся и никогда не пробовалъ разговаривать. Пріѣхавшій освободить Грецію офицеръ одной изъ нѣмецкихъ армій Киндерманъ, человекъ видимо очень гордый, несмотря на незнатную фамилію, не замѣчалъ низшихъ служащихъ и не отвѣчалъ на ихъ поклоны ни въ кантинѣ, ни въ мастерской, ни въ коридорѣ гарема. Ихъ комнаты находились почти рядомъ. Въ коридоръ выходила и комната шведскаго офицера Засса.

Это было очень удобно мастеру-мѣсяцу. Офицеры говорили между собой обычно по-нѣмецки, не стѣсняясь его сосѣдствомъ. Онъ никому и вида не подавалъ, что знаетъ, кромѣ англійскаго, еще другіе иностранные языки, — азбука ремесла. Въ первый день послѣ пріѣзда Парри мастеръ-мѣсяцъ, медленно проходя по коридору, слышалъ обрывокъ разговора; — «Да онъ не офицеръ! Голову на отсѣченіе даю, что не офицеръ!» — сердито говорилъ Киндерманъ. — «Мнѣ сказали, что майоръ служилъ низшимъ клеркомъ въ гражданскомъ отдѣленіи Вульвичскаго арсенала», — съ усмѣшкой отвѣтилъ Зассъ, — «умники Лондонскаго Комитета, очевидно, признали, что это достаточный артиллерійскій цензъ. Во всякомъ случаѣ о ракетахъ Конгрева онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія». — «Ungehört!» — сказалъ съ возмущеніемъ нѣмецкій офицеръ.

Съ маркитанткой же вышло пріятное недоразумѣніе. Мастеръ-мѣсяцъ былъ увѣренъ, что придется платить, и ничего противъ этого не имѣлъ: онъ любилъ деньги, но скупъ не былъ — на что другое жалѣлъ, а на себя, на радости жизни, нѣтъ. По своему правилу, онъ въ первый же вечеръ — чтобы уважала — сунуль кое-что въ шелковый мѣшочекъ, служившій маркитанткѣ кошелькомъ: не очень много, однако прилично, — почти столько, сколько заплатилъ бы въ Венеціи или въ Веронѣ дамѣ такого ранга. При этомъ на лицѣ у него была веселая улыбка, говорившая, что дѣло житейское, ясное: между порядочными людьми тутъ спорить не приходится. Она нисколько не обидѣлась, но видимо была изумлена: въ чемъ дѣло? зачѣмъ деньги? На слѣдующій день едва ли не на всю полученную сумму купила лакомствъ, вина, рахатъ-лукума.

Маркитантка вообще не придавала деньгамъ ни малѣйшей цѣны. Получала она, какъ всѣ служившіе въ сералѣ люди, вполне достаточное для жизни жалованіе: мастеръ-мѣсяцъ зналъ точно, такъ какъ самъ ей эти деньги выдавалъ. Но дня черезъ два послѣ получки у нея уже ничего не оставалось. Говорила, что много даетъ семьѣ: въ дѣйствительности у нея бралъ всякій кто хотѣлъ: давала тому, кто первый попросить, и назадъ не требовала, хотя всегда нѣсколько удивлялась: какъ это, обѣщали отдать и не отдають? Мастеръ-мѣсяцъ не безъ труда навелъ тутъ порядокъ. Не было у нея и жадной любви къ вещамъ, свойственной, какъ онъ зналъ, многимъ женщинамъ нестрогой жизни. Подарки она принимала съ дѣтской радостью, особенно сласти. Но о своемъ туалетѣ заботилась мало: не все ли равно, старый ли халатъ или новый? Пришлось навести порядокъ и тутъ. Хозяйство въ кантинѣ она вела очень честно: на базарѣ торговалась, точно покупала для себя; между тѣмъ деньги были казенныя, и никто ихъ особенно не считалъ.

Удивлялся ея наивности мастеръ-мѣсяцъ и во всемъ другомъ. Она въ первый же вечеръ созналась, что была

у паши не прачкой, а одалиской. Да собственно и соврала для начала лишь по традиціи: такъ полагалось, — можетъ, у иностранца есть противъ одалисокъ предразсудокъ? Когда оказалось, что предразсудка нѣтъ, охотно стала рассказывать о своей прежней жизни и рассказывала весело, безъ малѣйшей горечи. — «Что же, онъ былъ жестокой человѣкъ, паша? Мучилъ тебя?» — Она изумилась. — «Зачѣмъ мучилъ? Онъ былъ добрый, очень добрый! Если и наказывалъ кого, то за дѣло. Отличный былъ паша! Его убили на войнѣ, я всегда за него молюсь»... — «Ну вотъ! За турка молишься?» — «А я не говорю, за кого». — «Этакъ ты, можетъ, не хочешь освобожденія Греціи?» — «Отчего не хотѣть? Хочу, конечно», — отвѣтила она, зѣвая. Политика ее не интересовала, — горестно говорила, что пора прекратить эту гадкую войну. — «Да какъ же прекратить, если турки не желаютъ давать вамъ свободу?» — спрашивалъ, забавляясь, мастеръ-мѣсяць. Она, вздыхая, умолкала. Видъ ея какъ будто говорилъ: «ну, что-жъ дѣлать, если они не хотятъ? А можетъ, какъ-нибудь ихъ убѣдить, чтобы захотѣли?...»

Черезъ нее мастеръ-мѣсяць ознакомился съ настроеніемъ другихъ грековъ въ городкѣ. Турокъ всѣ, кромѣ нея, терпѣть не могли. Но не очень любили и иностранцевъ, пріѣхавшихъ для освобожденія Греціи. — «Архистратега любятъ, это правда. Онъ настоящій баринъ! А другіе нѣтъ, при немъ кормятся». — Отражая общее мнѣніе, она признавала, что дѣла со времени пріѣзда англичанъ идутъ хорошо. Цѣны на рыбу поднялись, лавочники дѣлаютъ золотыя дѣла, всѣ разбогатѣли. «Англичанинъ дуракъ: онъ все покупаетъ и не торгуется, развѣ у насъ такъ можно? Архистратегъ любитъ кинжалы и сабли, ему нарочно подсовываютъ: гдѣ онъ проходитъ, тамъ выставляютъ. Купить лавочникъ за грошъ, а говорить, что старое, — архистратегъ любитъ старое, и платитъ въ десять разъ дороже. А ѣды что на нихъ идетъ! Всѣ крестьяне въ деревняхъ богатѣютъ.

Одни суліоты съѣдаютъ возы мяса, рыбы, хлѣба. Да и иностранцы тоже. Архистратегъ — нѣтъ, онъ мало ѣсть, боится разжирѣть, а пѣть отлично, хоть и говорятъ люди, будто онъ переодѣтый турокъ»... — «Какъ турокъ?» — изумился мастеръ-мѣсяць. — «У насъ такъ говорятъ; онъ и Маврокордато хотятъ насъ продать Англїи». — «Очень ты нужна Англїи! Станетъ она тебя покупать. И все ты, голубушка, врешь!» — сказалъ мастеръ-мѣсяць, чтобы ее подзадорить. — «Зачѣмъ мнѣ врать?» — «Да ты его, вѣрно, и въ глаза никогда не видѣла». — «Это я-то? Сто разъ». — «Гдѣ же? Въ сералѣ?» — «И въ сералѣ, и на улицѣ, и въ домѣ у него была». — «Ну, ужъ это ты навѣрное врешь! Пустятъ тебя въ его домъ!» — «А почему не пустятъ? У меня тамъ сестра служитъ прачкой! Десять разъ къ ней ходила». — «И сестры у тебя никакой нѣтъ, ты сама тоже «служила прачкой», знаю я тебя, все врешь», — твердилъ мастеръ-мѣсяць, очень заинтересовавшись сообщеніемъ, — «покажи мнѣ ее, твою сестру, вотъ сведи меня къ ней въ гости, тогда я повѣрю. Тебя въ тотъ домъ и на порогъ не пустятъ!» — «Да кто не пуститъ? Чуть только архистратегъ съѣзжаетъ со двора, суліоты садятся за карты». — «Этакъ и я могъ бы, значить, пойти? Врешь, врешь». — «Дашь коробку рахатъ-лукума, если я тебѣ покажу домъ?» — «А зачѣмъ мнѣ его домъ? Развѣ такъ, изъ любопытства, взглянуть, какъ онъ живетъ? Коробки рахатъ-лукума мнѣ не жалко». — «Ну такъ вотъ, въ любой день, часовъ въ одиннадцать: онъ тогда уѣзжаетъ изъ дому». — «Еще стоитъ ли терять время? А впрочемъ, пойдѣмъ. Пожалуй, хоть завтра, я завтра утромъ свободнѣе». — «Можно и завтра, если будетъ хорошая погода». — «При чемъ тутъ погода?» — «Въ дождь онъ кататься за городъ не поѣдетъ. Рахатъ-лукумъ купи въ той лавкѣ, за церковью, у нихъ самый лучшій». — «Куплю, куплю. Хоть экая невидаль: домъ архистратега!»

На слѣдующій день они въ самомъ дѣлѣ туда отправились. По дорогѣ какъ разъ встрѣтили Байрона:

онъ ѣхалъ по каналу въ *моноксилъ*. — «Къ городскимъ воротамъ ѣдетъ, тамъ садится верхомъ и катается», — объяснила маркитантка. — «Отчего же онъ садится не у своего дома?» — «Да тутъ себѣ шею сломишь, такая дорога. Иногда, впрочемъ, ѣздить и по городу». Маркитантка смѣло вошла въ домъ по черной лѣстницѣ. Мастеръ-мѣсяцъ нерѣшительно послѣдовалъ за ней. Внизу, въ большой комнатѣ, дверь въ которую была открыта настежь, на полу сидѣли суліоты изъ личной гвардіи архистратега и играли въ карты. Стоялъ сильный смѣшанный запахъ крѣпкаго табаку, кожи, спирта. — «Когда онъ тутъ, они стоятъ на часахъ. А какъ только онъ со двора, часовые садятся играть. Здѣсь я ихъ не боюсь, здѣсь они не посмѣютъ напасть», — сказала маркитантка, поднимаясь по лѣстницѣ. — «Что ты, милая, вѣдь я съ тобой», — неувѣренно-галантно отозвался вполголоса мастеръ-мѣсяцъ и ускорилъ шаги. Они поднялись по лѣстницѣ, никого не встрѣтивъ. — «И тутъ хорошъ контроль, въ домѣ главнокомандующаго!» — подумалъ мастеръ-мѣсяцъ, пожимая плечами. — «Ты куда же? Къ сестрѣ? А онъ гдѣ живетъ!» — «Вотъ тутъ», — прошептала она, остановившись на площадкѣ второго этажа, пріотворила дверь и, увидѣвъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ, поманила своего друга. — «Войди. Не бойся».

Мастеръ-мѣсяцъ, волнуясь, заглянулъ въ комнату и обвелъ ее быстрымъ опытнымъ взглядомъ полицейскаго: сразу все запомнилъ. Мебели и вещей въ кабинетѣ было немного: столъ, два стула, низенькій диванъ, вродѣ матраца на короткихъ ножкахъ, и по стѣнамъ всевозможное оружіе: карабины, пистолеты, сабли, кинжалы, ятаганы. На столѣ, рядомъ съ чернильницей, тоже лежалъ пистолетъ. Ничего другого не было. Если-бъ были бумаги, мастеръ-мѣсяцъ пошелъ бы на рискъ, постарался бы заглянуть или незамѣтно стащить: присылка рыжему подполковнику документа, собственноручно написаннаго лордомъ Байрономъ, была бы, конечно, большимъ служебнымъ успѣхомъ. Еще

были полки съ книгами, шедшія чуть не до потолка. «Вотъ онъ что привезъ сюда, архистратегъ», — подумалъ мастеръ-мѣсяцъ. — «Такъ гдѣ же твоя сестра? Что намъ тутъ болтаться», — небрежно сказалъ онъ, — «она красивая, твоя сестра?» Маркитантка погрозила ему пальцемъ.

Въ воскресенье они поѣхали за городъ: была хорошая погода. Далеко ѣхать было невозможно: миляхъ въ десяти отъ Миссолонги шалили разбойники атамана Карайскаха. Но въ сосѣдней деревушкѣ маркитантка знала избу, гдѣ хозяинъ удивительно жарилъ рыбу и къ ней подавалъ отличное мускатное вино. — «Очень ты, миленькая, любишь поѣсть и выпить», — говорилъ мастеръ-мѣсяцъ безъ укора: самъ это любилъ. — «А ты меня пьяной видѣлъ?» — «Нѣтъ, пьяной пока не видалъ». — «И не увидишь». — «А глазки у тебя, когда ты выпьешь, дѣлаются маленькіе и веселенькіе, это я видѣлъ». — Она засмѣялась. — «Чему ты, дура?» — «Чему? Паша мнѣ говорилъ то же самое. Самъ не пилъ, а намъ позволялъ, если не мусульманка. Иногда, впрочемъ, и самъ пилъ. Потомъ каялся и ругался такъ, какъ только турки умѣютъ... Знаешь, ты похожъ на пашу. Ты баринъ, даромъ, что конторщикъ»... — Онъ былъ очень польщенъ. Не безъ огорченія спросилъ себя: что, если бы она знала, каково его настоящее ремесло? Вѣрно, просто не поняла бы, и было бы чрезвычайно трудно ей объяснить.

Къ собственному своему удивленію, онъ искренне къ ней привязался. Мастеръ-мѣсяцъ зналъ на своемъ вѣку много женщинъ, но такая попалась ему въ первый разъ. Понималъ, что онъ нравится ей, какъ легкой, веселый человѣкъ (это въ немъ еще оставалось, хоть шло на убыль). Однако себя не обманывалъ: попался случайно, а былъ бы кто другой, тоже легко добился бы успѣха: она изъ тѣхъ женщинъ, что и мѣсяца не могутъ прожить безъ хозяина, — удивительно, какъ не воспользовался ни одинъ изъ офицеровъ. «Вѣроятно, имъ было неловко: освобождаютъ Грецію!»

Свое дѣло она знала, но не увлекалась имъ. Больше всего на свѣтѣ она любила рахатъ-лукумъ. И еще любила пріятно проводить время: чтобы не одной, а съ хозяиномъ, и чтобы на столѣ стояла закуска, и чтобы было сладкое вино, — выпивала бокаль-другой, не больше. Любила съ пріятнымъ человѣкомъ пріятно поговорить: и о простыхъ вещахъ, и о возвышенныхъ — на примѣръ, что будетъ въ томъ мірѣ? Только о войнѣ старалась не говорить: безъ толку калѣчатъ людей, вернется человѣкъ безъ ноги, вотъ ему и будетъ свобода! «Зачѣмъ имъ Лепанто? Да я въ жизни въ этомъ Лепанто не была и не буду». — «Отчего ты не вышла замужъ?» — однажды спросилъ ее онъ. — «А за кого?» (она обычно отвѣчала вопросомъ на вопросъ). «За рыбака, что ли, идти? Онъ будетъ бить. Пьяный, грязный. За хорошаго человѣка я пошла бы»... Хотя она въ мысляхъ его не имѣла, онъ понялъ, что подъ хорошимъ человѣкомъ разумѣется человѣкъ вродѣ него. — «Вотъ былъ бы странный конецъ!» — усмѣхаясь, подумалъ мастеръ-мѣсяцъ. Но, къ еще большому его удивленію, мысль эта не показалась ему дикой. Онъ минутъ десять думалъ — не серьезно, разумѣется, но и не вполне шутливо: что въ самомъ дѣлѣ, если бы бросить проклятое ремесло и поселиться гдѣ-нибудь въ хорошей, теплой, солнечной странѣ, гдѣ нѣтъ ни войнъ, ни революцій, ни добрыхъ родственниковъ, и зажить по новому, обзаведясь семьей? Послѣ Миссолонги сбереженія все-таки будутъ. Не открыть ли какое дѣло? Дѣла ему представились разныя, и честныя, и сомнительныя, вродѣ веселаго заведенья. — «Нѣтъ, не заведеніе, конечно, а кофейня съ музыкой, съ дамами? Или хорошій магазинъ? Гдѣ же? Въ Константинополѣ?» Какъ всѣ долго жившіе въ этомъ городѣ, мастеръ-мѣсяцъ былъ имъ навсегда отравленъ. Вспомнилъ Золотой Рогъ, базаръ, камни Стамбула, Галату, немощеную лѣстницу Перы — и вздохнулъ. Нѣтъ, куда же Константинополь? Добрыхъ родственниковъ тамъ нѣтъ, а война есть: султанъ-то больше всѣхъ теперь и воюетъ. «Что за ерунда?

Не жениться же на бывшей одалискѣ! Но милая, очень милая!» — съ улыбкой думалъ мастеръ-мѣсяцъ.

ХІХ.

Байронъ вставалъ въ девять часовъ утра, завтракалъ какъ полагалось человѣку съ склонностью къ полнотѣ, — чай безъ сахара, сухари, — затѣмъ принималъ доклады. Докладчиковъ было немного. Обычно по утрамъ являлся Вильямъ Парри и сообщалъ о ходѣ работъ въ арсеналѣ. Говорилъ онъ самоувѣренно, рѣзко, пересышая рѣчь заправскими военными словечками и ругательствами. Этотъ стиль стараго рубаки отнюдь не вводилъ Байрона въ заблужденіе. Онъ догадывался, что Парри не рубака, на войнѣ едва ли когда былъ, можетъ быть даже не офицеръ и врядъ ли видѣлъ хоть разъ въ жизни генерала Конгрева. Грубая поддѣлка его немного раздражала, — въ человѣкѣ болѣе образованномъ показалась бы ему нестерпимой, — и онъ сердился на Лондонскій Комитетъ за присылку такого специалиста, но не очень сердился. Начальникъ артиллерійской миссіи ему нравился. Поддѣлка, — ну что-жъ, поддѣлка! Все въ Миссолонги въ сущности было фикціей, — было фикціей и это, а по существу Парри человѣкъ весьма неглупый, живописный, бывалый и пріятный. Разговаривать съ нимъ было просто, не утомительно или не такъ утомительно, какъ съ Маврокордато, со Стэнгопомъ, съ графомъ Гамба. Вѣроятно, изготовленіе ракетъ не столь ужъ сложное дѣло, какъ увѣряютъ артиллеристы. Опытные рабочіе справятся и безъ штабныхъ офицеровъ, а рабочихъ изъ Англіи прислали. Майоръ отлично и весело пилъ, выше всего на свѣтѣ ставилъ брэнди и отъ всѣхъ болѣзней, непріятностей, огорченій лѣчилъ этимъ напиткомъ, убѣждая и Байрона не обращать ни малѣйшаго вниманія на предписанія и запреты врачей.

Послѣ докладовъ Байронъ провѣрялъ счета, дѣлалъ это вполне толково. Близкіе люди и прежде удивлялись: великій поэтъ, демоническая душа, а практическія дѣла понимаетъ отлично! счетоводство велъ графъ Гамба, велъ плохо, надо было слѣдить за нимъ и держать его въ рукахъ. Впрочемъ, слѣдить надо было за всѣми въ Миссалонги. Заходилъ врачъ Бруно, вѣрнѣе не врачъ, а студентъ. Онъ понималъ въ медицинѣ еще гораздо меньше, чѣмъ Парри въ военномъ дѣлѣ, но, въ отличіе отъ майора, не обладалъ ни малѣйшей самоувѣренностью и при всякомъ затрудненіи плакалъ. Тревожно спрашивалъ у больныхъ совѣта, какъ ихъ лѣчить; если же болѣзнь не проходила, начиналъ горько рыдать. Этотъ человѣкъ въ экспедиціи былъ явнымъ недоразумѣніемъ, которое вначалѣ казалось очень досаднымъ, — зачѣмъ взяли мальчишку? — а теперь давно стало забавлять: вѣдь заболѣешь, такъ и съ настоящимъ врачомъ умрешь.

Въ хорошую погоду Байронъ долго катался верхомъ. Въ плохую игралъ съ собакой Лайономъ, съ пажемъ Лукасомъ или стрѣлялъ въ цѣль изъ пистолета: дѣлалъ большіе успѣхи и до четырехъ разъ изъ пяти попадалъ въ яйцо съ двѣнадцати ярдовъ, хоть рука нѣсколько дрожала. Послѣ обѣда (овощи, сыръ, фрукты, рѣдко кусокъ рыбы или мяса) занимался своей арміей: выходилъ на площадь и слѣдилъ за упражненіями солдатъ. Иногда самъ принималъ участіе, чтобы подать примѣръ другимъ, но при этомъ чувствовалъ неловкость, точно при чтеніи своихъ раннихъ поэмъ: какъ въ тѣхъ поэмахъ, было противно *байроническое*, окончательно испошленное подражателями, такъ въ этихъ упражненіяхъ на плацу съ ружьемъ коробило нѣчто дѣланно-королевское, *гарунъ-аль-рашидовское*. Затѣмъ онъ выслушивалъ жалобы и доклады по случаю разныхъ неприятностей, — ихъ было великое множество, просто не хватало силъ. Закончивъ трудовой день, онъ поднимался въ свой кабинетъ.

Иногда подолгу лежалъ на диванѣ съ закрытыми глазами, и кое-кому изъ входившихъ въ его комнату людей казалось, что лежитъ мертвый человекъ: такъ блѣдно было лицо его. Другіе шутили: великій поэтъ лежа сочиняетъ стихи. Онъ въ самомъ дѣлѣ нерѣдко думалъ о литературѣ: какъ надо писать? какъ писать по новому? «Донъ Жуанъ» опротивѣлъ, хотъ и слѣдовало бы все-таки кончить. Писать безъ фабулы, безъ фальшивыхъ и не-фальшивыхъ страстей, совершенно просто, какъ еще никогда никто не писалъ, не съ рифмами — астроному и есоному, безъ наряда, — разумѣется, въ прозѣ. Ему казалось, что еще никто въ мірѣ не подходилъ вплотную къ *такому* искусству, но оно носится въ воздухѣ, — жалѣлъ, что достанется другому. Случалось впрочемъ, ловилъ себя на мысляхъ: есть ли рифма къ *Лепанто*, къ *Миссолонги*? И съ раздраженіемъ, съ профессиональной завистью, вспоминалъ нѣкоторые стихи Шелли: «жаль, что не я это написалъ».

Немало думалъ о своемъ прошломъ, о своихъ любовницахъ, — особенно о первыхъ, — вспоминалъ ошибки, обманъ, развратъ, — почти все теперь вызывало у него отвращеніе. О графинѣ Гвиччіоли думалъ почти равнодушно, — слава Богу, что не взялъ ее сюда, только ея здѣсь не хватало! Былъ ли когда-нибудь влюбленъ дѣйствительно, по настоящему? Да, раза два, мальчикомъ. Это были даже не тяжелыя мысли, а просто очень скучныя, утомительныя. Ихъ отогнать было сравнительно легко. И приходили онѣ ему въ голову больше въ связи съ нынѣшнимъ его дѣломъ, и съ его близкой смертью: что эта думаетъ о Миссолонги? Упадетъ ли въ обморокъ та, когда прочтетъ, что подъ Лепанто убитъ лордъ Байронъ? Встрѣтится же снова ему ни съ одной изъ нихъ не хотѣлось.

Онъ писалъ много писемъ и самъ себѣ удивлялся: пріѣхалъ сюда умирать и беспокоится о томъ, что скажутъ въ Лондонѣ члены Комитета, дамы, журналисты. Еще больше читалъ, — тоже съ удивленіемъ: все не могъ вытравить въ себѣ писателя, даже хуже, — ли-

тератора. Когда уѣзжалъ, думалъ, что не будетъ ни одной свободной минуты: армія, политика, администрація, — гдѣ ужъ тутъ, казалось бы, читать книги! Оказалось, однако, что свободнаго времени очень много: армія времени почти не отнимала, къ вечеру она ложилась спать. Онъ читалъ до поздней ночи.

Думалъ, что, ужъ если писать, то надо бы оставить послѣ себя двѣ книги объ одномъ и томъ же: въ одной изобразить показную сторону жизни, въ другой — ея изнанку. Такъ можно было бы написать и о Миссолонги, обо всемъ этомъ дѣлѣ, объ освобожденіи Греціи. Здѣсь на мѣстѣ изнанка была гораздо виднѣе, и книга объ изнанкѣ ему удалось бы легче. Но не состоитъ ли истинная мудрость въ томъ, чтобы поддерживать показную сторону жизни?

Отъ тяжелыхъ мыслей въ безсонныя ночи (спалъ все хуже) онъ и спасался книгами. Читалъ ученые труды по тактикѣ, хоть плохо вѣрилъ въ такую науку. Читалъ романы съ волшебными приключеніями. Вальтеръ-Скоттъ скрашивалъ дни и былъ, пожалуй, полезенъ для поддержанія душевной гигиены, но ужъ очень было смѣшно и непохоже на жизнь, даже на ея показную сторону: «Какъ почтенному, старому чело-вѣку не совѣстно такъ врать! Неужели онъ можетъ относиться серьезно къ своему дѣлу, — если я не могу къ моему?»

Читалъ Библию, — было изданіе небольшого формата, подарокъ сестры, — читалъ безъ предубѣжденія въ ту или другую сторону, но воспринималъ какъ *литераторъ*, читалъ какъ романы или поэмы. Многое казалось ему просто скучнымъ. Поэтическія достоинства псалмовъ очень преувеличены, — больше пяти подрядъ нельзя прочесть (иногда впрочемъ вздрагивалъ: какъ хорошо!). Іовъ казался величайшимъ стилистомъ, но понять трудно: точно перепутаны переписчикомъ страницы, и одному изъ собесѣдниковъ приписано то, что долженъ былъ бы сказать другой. Изъ притчей Соломона какъ *литераторъ* вычеркнулъ бы три четвер-

ти. Въ разговорахъ съ Парри за брэнди (хоть было совѣстно) онъ цитировалъ: «Не царямъ, Лемуиль, не царямъ пить вино и не князьямъ сикеру. Дайте сикеру несчастному и вино огорченному духомъ». Или, когда гости засиживались, напоминалъ: «Рѣдко ходи въ домъ ближняго твоего, чтобы ты не надоѣлъ ему и чтобы онъ не возненавидѣлъ тебя»... Но порою читалъ съ истиннымъ волненіемъ и Ветхій и Новый Завѣтъ, больше дивясь, впрочемъ, необычайной силѣ выраженій. «...Добра я ждалъ, а пришло зло. Я надѣялся на свѣтъ, но пришла тьма. Кипѣло неустанно нутро мое, и встрѣтили меня дни скорби. Братомъ я сталъ шакаламъ и другомъ страусамъ. Рыданіемъ стала цитра моя и свирѣлъ голосомъ плачущихъ»... Дружба со страусами, пожалуй, давала и тутъ возможность настроиться на насмѣшливый ладъ, — «нѣтъ, ни одна книга не выдерживаетъ испытанія двухъ тысячелѣтій, — мои собственные не выдержать и пятидесяти лѣтъ», — но Байронъ на насмѣшливый ладъ не настраивался.

Однажды, въ постели, очень поздно, далеко за полночь, онъ раскрылъ «De Brevitate Vitae» Сенеки и прочелъ: «Тѣ живутъ всего меньше и всего хуже, кто забываетъ прошлое, кто пренебрегаетъ настоящимъ, кто боится будущаго. Въ свой послѣдній часъ замѣтятъ слишкомъ поздно эти несчастные, что всю жизнь были заняты пустымъ дѣломъ. И не обращай вниманіе на то, что они часто призываютъ смерть. Эти люди желаютъ смерти, ибо боятся ея»... Онъ положилъ книгу на кровать и спросилъ себя: «Обо мнѣ ли это? «Mortem saepe ideo optant quia timent»? Да, это какъ будто обо мнѣ. Но когда же я забывалъ прошлое? И такъ ли ужъ боялся будущаго? Что такое будущее? Я скоро умру, но жизнь стала мнѣ такъ тяжела, что я не могу бояться смерти. И если пустыя непріятности вызываютъ у меня желаніе умереть возможно скорѣе, если люди, — почти всѣ люди, начиная съ меня самого, — стали мнѣ противны до отвращенія, то мудрость и должна заключаться

въ томъ, чтобы умереть какъ слѣдуетъ, какъ подобаетъ воину. Это не значитъ бояться»...

Онъ спрашивалъ себя, повѣрятъ ли его *энтузіазму* потомки (если вообще вспомнить): какъ это былъ развратный, недобрый, сумасшедшій человѣкъ и всерьезъ, совсѣмъ всерьезъ, увлекся освобожденіемъ Греціи! «Но вѣдь кто не повѣритъ, тотъ ошибется еще грубѣе. Сенека увѣряетъ, что поэты все искажаютъ своими баснями, и это вѣрно, и я искажалъ больше всѣхъ, но это вѣрно лишь отчасти. Да, конечно, что мнѣ до конституціи Маврокордато? Что мнѣ до Лепанто?»... *Второй* Байронъ услужливо подсказывалъ: «У Лепанто звучное названіе, здѣсь когда-то происходило знаменитое сраженіе, о которомъ помнитъ всякій школьникъ, и можно будетъ вернуться въ Лондонъ въ новомъ ореолѣ, и въ «Морнингъ Постъ» появится статья: «Лордъ Байронъ взялъ Лепанто», и эта музыкальная фраза ласкаетъ слухъ»... *Первый* Байронъ съ отвращеніемъ провѣрилъ: «Нѣтъ, неправда, клевета, не для «Морнингъ Постъ» мнѣ нужна могила воина, — кто *только* это увидитъ, тотъ изменный, пошлый человѣкъ. Впрочемъ, это говорили и говорятъ обо мнѣ самомъ. Но я то свой счетъ съ жизнью уже свелъ и въ поддержаніи легенды теперь для меня и есть одинъ изъ разныхъ видовъ мудрости».

— «Главное», — думалъ онъ, — «не въ моей судьбѣ, не въ моей жизни, не въ моей смерти. Главное, конечно, и не въ томъ, что на окровавленномъ мундирѣ воина было пятно или оказалось смѣшная прорѣха. Что-жъ дѣлать, по свойствамъ моей природы я вижу преимущественно пятна и прорѣхи. Можетъ быть, и выпало ихъ мнѣ на долю здѣсь, да и вообще въ жизни, больше, чѣмъ я могу вынести. Но исторія найдетъ настоящую перспективу и все поставитъ на мѣсто»... Онъ вспоминалъ то, откуда все пошло: карбонарскую венгу, смѣшныхъ мелкихъ людей, рѣчь одесскаго грека. Императоры, короли, министры, собиравшіеся на конгрессы, могли относиться съ презрѣніемъ и насмѣшкой

къ этимъ людямъ. Но сами-то они кто, и чѣмъ могутъ похвастать? Они въ Веронѣ доказали, что ничего не знаютъ, ничего не понимаютъ, ничего не умѣютъ: все это — сплошной лордъ Кэстльри! Не скоро, поздно, случайно исторія выясняетъ, кто изъ государственныхъ людей былъ сумасшедшимъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Иногда она и вовсе этого не выясняетъ. Подъ общій свистъ со сцены уходятъ наиболѣе талантливые артисты, а остаются и пользуются огромнымъ успѣхомъ клоуны. Теперь уходитъ самый талантливый, императоръ Александръ. Другіе, тоже не худшіе, никуда, къ счастью, и не суются. Господь Богъ послалъ имъ хорошее мѣсто съ хорошимъ жалованіемъ, они и принимаютъ съ благодарностью, стараясь никуда не лѣзть, какъ та недалекая пріятная женщина, которая была женой Наполеона и совершенно объ этомъ забыла. Такъ кто же по *настоящему* былъ правъ въ ихъ спорѣ съ карбонаріями? За кѣмъ будущее, — если оно что-либо доказываетъ? И какое будущее: двадцать лѣтъ? пятьдесятъ лѣтъ, сто лѣтъ? Быть можетъ, очень скоро ничего не останется ни отъ веронскихъ, ни отъ карбонарскихъ идей, — кто же захватитъ большій кусокъ исторіи? — а если не въ продолжительности дѣло, то въ чемъ?... Казалось ему, что побѣдитъ долженъ онъ. Но увѣренности у него не было.

Однажды утромъ Парри, явившійся съ докладомъ, принесъ ему модель ракеты Конгрева, впервые составленную въ арсеналѣ. Хотя это была только модель, и до настоящихъ ракетъ было еще очень далеко, Байронъ обрадовался какъ ребенокъ. — «Вотъ это гильза, милордъ», — объяснилъ майоръ, — «сюда закладывается ракетный составъ... Это снарядъ, онъ прикрѣпленъ штифтами къ головной части гильзы... Вотъ мѣдная трубка для воспламененія разрывнаго заряда... Занятная штука, милордъ, правда? Мой другъ генералъ Конгревъ, былъ, чортъ возьми, умный человекъ, а?» — «Каково разрушительное дѣйствіе этой ракеты?» — «Очень большое, ваша свѣтлость... Въ день бомбарди-

ровки Копенгагена)... — «Нѣтъ, ради Бога, безъ историческихъ примѣровъ: каково разрушительное дѣйствіе? Или какъ это у васъ называется?...» — Парри пустился въ сбивчивыя объясненія. «Онъ ничего не знаетъ», — утомленно, со вздохомъ, подумалъ Байронъ. — «Вы говорите: сѣра, селитра и уголь. Но вѣдь обыкновенный порохъ тоже состоитъ изъ этихъ веществъ. Чѣмъ же ракетный составъ отличается отъ пороха?» — «Угля, ваша свѣтлость, здѣсь много больше, чѣмъ въ порохѣ. Поэтому разрушительное дѣйствіе газовъ на стѣны гильзы меньше, и она не разрывается. Но ваша свѣтлость не можете себѣ представить, какой огромный моральный эффектъ имѣетъ эта штука, чортъ ее побралъ! Подъ Лейпцигомъ»... — «Моральный эффектъ?» — началъ было съ раздраженіемъ Байронъ и остановился. Онъ почувствовалъ, что нашелъ образъ: то, въ чемъ сливаются *объ* книги. «Да, развѣ *дѣло* въ томъ, чтобы мои суліоты взяли Лепанто! Я не могъ правдиво, послѣдовательно, логично себѣ отвѣтить, зачѣмъ сюда пріѣхалъ: освободить ли часть человечества или отдавать неудавшуюся, никому ненужную жизнь. Но неудавшуюся жизнь и надо отдавать *на дѣло*, нѣтъ ничего глупѣе и постыднѣе вульгарнаго самоубійства. Этотъ майоръ — комическая фигура, и, можетъ быть, я смѣшонъ самому себѣ въ роли Донъ-Кихота. Но Греція все-таки освободится, благодаря мнѣ, благодаря ему, благодаря этой ракетѣ, которая Лепанто не сожжетъ. Это символическая ракета, за ней придетъ *остальное*»...

XX.

О переменѣ службы можно было мечтать, но пока заниматься нужно было настоящимъ дѣломъ. Мастеръ-мѣсяцъ съ каждой оказіей посылалъ донесенія по начальству. Это было трудно. Онъ не очень любилъ политику, — дѣло скверное и опасное, хоть, при удачѣ, чрезвычайно выгодное, — однако по своей профессіи былъ обязанъ разбираться въ политическихъ дѣлахъ: иначе дальше филера не пойдешь. Передъ отъѣздомъ въ Миссолонги мастеръ-мѣсяцъ какъ слѣдуетъ во всемъ разобрался. Греки борются съ турками за свою независимость, — это совершенно понятно. Въ Лондонѣ образовался комитетъ помощи грекамъ, собравшій немало денегъ, — тоже можно понять: въ Англіи дураковъ достаточно, и деньги легко получить на какой угодно вздоръ. Одновременно съ комитетомъ, греческими дѣлами заинтересовался лордъ Байронъ, — на то онъ и полоумный. Все было ясно. Но Миссолонгскихъ дѣлъ мастеръ-мѣсяцъ понять не могъ.

Городокъ самъ по себѣ, очевидно, большого военного значенія не имѣлъ. Греки издавна точно уговорились съ турками вести борьбу изъ-за этого рыбацьяго села. Зачѣмъ оно понадобилось Байрону и Лондонскому Комитету, — было непостижимо. Если же имъ такъ нужно Миссолонги, то почему отправлена столь слабая, жалкая экспедиція? На морѣ господствуетъ турецкій флотъ, слѣдовательно, турки въ любое время могутъ прислать сюда нѣсколько фрегатовъ съ десантомъ. «Что тогда? Очень просто. Ихъ всѣхъ возьмутъ въ плѣнъ. Байрону, конечно, не бѣда: за него заступится англійское посольство, будь онъ тамъ какая угодно оппозиція. А грековъ перевѣшаютъ или посадятъ на колъ. И

надо будетъ очень стараться, чтобы заодно въ суматохѣ не посадили на колъ и меня».

Еще непонятнѣе былъ предполагавшійся походъ на Лепанто. Этотъ городъ тоже никому не нуженъ. Захватятъ ли его или нѣтъ, ничего въ дѣлѣ освобожденія Греціи не измѣнится. Но во всякомъ случаѣ, зачѣмъ заранѣе трубить о походѣ на всѣхъ перекресткахъ? Ужъ прямо бы напечатали въ своей дурацкой газетѣ, что такого-то числа двинутся на врага! Люди, которые не понимаютъ, что здѣсь, въ Миссолонги, на пять человѣкъ одинъ навѣрное шпіонъ, должны мирно сидѣть дома, а не заниматься политикой и военнымъ дѣломъ. А главное, кто будетъ брать Лепанто? Майоръ Парри со своими ракетами? Или архистратегъ съ суліотской гвардіей? Да вѣдь суліоты грековъ терпѣть не могутъ еще больше, чѣмъ турокъ! Они воюютъ, пока имъ платятъ деньги. Если султанъ не дуракъ, то онъ и эскадры сюда не пошлетъ: онъ пришлетъ эмиссара съ деньгами, и тогда эти суліотскіе черти съ удовольствіемъ перерѣжутъ всѣхъ грековъ во главѣ съ архистратегомъ. А вѣдь денегъ у султана все-таки побольше, чѣмъ у Лондонскаго Комитета.

Забавнымъ казалось мастеру-мѣсяцу еще и то, что люди, собравшіеся освободить Грецію, острой ненавистью ненавидятъ другъ друга. По его наблюденіямъ, весь городъ дышалъ злобой, раздорами, интригами. Ссорились между собой суліотскіе атаманы, ссорились греческіе вожди, ссорились съѣхавшіеся въ Миссолонги иностранцы. Самъ архистратегъ, правда, стоялъ какъ будто въ сторонѣ отъ ссоръ, или, вѣрнѣе, стоялъ *надъ* ссорящимися. Но по разговорамъ иностранцевъ мастеръ-мѣсяцъ чувствовалъ, что они не очень любятъ и архистратега: какъ будто на него сердятся, что вовлекъ ихъ въ гиблое дѣло. «Нѣтъ, дурацкая, дурацкая затѣя!» — думалъ мастеръ-мѣсяцъ.

Потомъ до него дошли слухи, что въ Лепанто гарнизонъ тоже состоитъ изъ суліотовъ и что съ ними изъ Миссолонги ведутся какіе-то переговоры: оттуда дали

будто бы понять, что если хорошо заплатить, то крепость не прочь сдать. «Вотъ это другое дѣло! Такъ бы и говорили! Такъ можно *взять* и Лепанто, и что угодно. Хотя для этого собственно не стоило снаряжать экспедицію въ Миссолонги: сторговаться о *штурмѣ* можно было бы и изъ Лондона», — думалъ онъ съ обычнымъ удовольствіемъ: вотъ и еще прохвосты.

Затѣмъ войскамъ было объявлено о походѣ официально. Ракетъ Конгрева все не было: не хватало какихъ-то штифтовъ. Но нѣкоторое число снарядовъ арсеналь уже изготовилъ: «Для штурма ихъ маловато, если же къ снарядамъ добавить деньги, то, пожалуй, достаточно»... Мастеръ-мѣсяцъ былъ въ недоумѣніи: что сообщать? Представить рыжему подполковнику дѣло въ болѣе тревожномъ видѣ, — потомъ, если ничего не выйдетъ, рыжій скажетъ: дуракъ, энтузіастъ. Представить въ менѣе тревожномъ видѣ, — вдругъ возьмутъ Лепанто, тогда совсѣмъ бѣда. Ему пришла въ голову мысль: не сообщить ли правду? не описать ли какъ есть? Эта мысль сначала его удивила своей неожиданностью. Потомъ рѣшилъ, что, пожалуй, такъ въ самомъ дѣлѣ будетъ всего лучше. Черезъ два дня ожидалась оказія для отправки донесенія.

XXI.

Въ послѣдніе дни передъ походомъ на Лепанто работы въ арсеналѣ оказалось больше обычнаго. Мастеръ-мѣсяцъ суетился на глазахъ у майора Парри, кричалъ на рабочихъ и вообще проявлялъ волненіе. У него на лицѣ было написано, что наступили великіе дни.

Время выступленія *авангарда* не было установлено вполне точно, или же въ послѣднюю минуту что-то произошло. Мастеру-мѣсяцу по незначительнымъ признакамъ казалось, что какъ будто вышла какая-то заминка. Майоръ былъ еще сердитѣй обычнаго. Подъ его наблюденіемъ мастеръ-мѣсяцъ весь день усердно работалъ въ главной мастерской: сдавалъ артиллеристамъ снаряды. Подъ вечеръ сторожъ доложилъ, что графъ Гамба проситъ господина начальника арсенала пожаловать въ кабинетъ по неотложному дѣлу. — «Переведите, что говоритъ этотъ дуракъ», — гнѣвно приказалъ мастеру-мѣсяцу майоръ и, услышавъ о визитѣ графа, выругался: не любилъ состоящихъ при Байронѣ *штатскихъ*. «Скажите ему, что я сейчасъ приду. Работы у меня и безъ него достаточно... Неотложное дѣло, знаю я ихъ неотложныя дѣла», — бормоталъ майоръ. Онъ отправился въ кабинетъ, примыкавшій къ главной мастерской. Черезъ минуту оттуда послышался его яростный крикъ. — «Да что вы рассказываете! Быть этого не можетъ!...» — Всѣ рабочіе притихли, хотя большинство по-англійски не понимало. Начальникъ арсенала вышелъ изъ кабинета. Лицо у него было багровое, бѣшеное. «Мерзавцы! Перевѣшать ихъ всѣхъ!» — закричалъ онъ, не объясняя, кто мерзавцы и кого перевѣшать. На этотъ разъ майоръ едва ли изображалъ стараго рубаку. У дверей онъ остановился съ проклятьемъ,

вернулся въ кабинетъ и снова появился съ плоской карманной фляжкой въ рукѣ. — «Если-бъ не брэнди, я издохъ бы въ этой проклятой дырѣ!» — съ яростью сказалъ онъ графу. Они покинули арсеналь. За ними скоро уѣхалъ въ домъ Капсали шведскій офицеръ Зассъ, очевидно тоже туда вызванный.

Очень скоро въ сералѣ все стало извѣстно. Суліоты отказались выступить въ походъ на Лепанто и предъявили архистратегу какія-то требованія: не то, чтобы командованіе было избрано изъ ихъ среды, не то, чтобы ихъ произвели въ офицеры съ назначеніемъ всѣмъ офицерскаго жалованія.

Мастеръ-мѣсяцъ былъ въ восторгѣ. «Просто домъ умалишенныхъ»... На радостяхъ онъ купилъ въ кантинѣ бутылку мускатнаго вина и коробочку рахатъ-лукума. Зашелъ къ маркитанткѣ, но ея не было: ушла навѣстить сестру и долго не возвращалась. Онъ уже началъ было беспокоиться. Вернулась она довольно поздно, очень взволнованная. Сообщила, что съ архистратегомъ случилась бѣда. — «Къ нему пришли эти головорѣзы»... — «Какіе головорѣзы? Суліоты?» — «Ну да, а кто же? Пришли чего-то требовать. Пьяные, страшные, сейчасъ зарѣжутъ», — рассказывала она испуганно, — «а онъ хоть бы что! сидитъ у себя на диванѣ какъ ни въ чемъ не бывало и говоритъ: — «Ничего вамъ не будетъ»... Переводчикъ струсилъ, боялся переводить: убьютъ! Они орать, и архистратегъ орать: «Мерзавцы, вонъ, чтобы духа вашего здѣсь не было!...» — «Да что ты врешь! Ты при этомъ была, что ли?» — «Нѣтъ, я при этомъ не была, они еще до меня были... Ты думаешь, люди врутъ?» — удивленно спросила она, точно никогда объ этомъ не слышала, — «а вотъ падучая была съ нимъ при мнѣ, это я своими глазами видѣла». — «Какая падучая?» — «Ну какая же бываетъ падучая? Упалъ на полъ, забился въ судорогахъ, сбѣжался весь домъ, сестра туда, я за ней. Смотрю: онъ лежитъ на полу, бьется, бѣдный, лицо такъ и дергается, на губахъ пѣна! Смотрѣть страшно!» — «Да ты врешь!»

— говорилъ изумленно мастеръ-мѣсяцъ. — «Зачѣмъ мнѣ врать? Я правду говорю». — «Поклянись памятью матери, что сама своими глазами видѣла». — Маркитантка поклялась, очень довольная успѣхомъ своего разсказа. — «Падучая! Я знаю, что падучая! У насъ родственникъ былъ такой, ужъ я это знаю!» — «Ну, и что же?» — «Чего-жъ еще? Перенесли его четыре человека наверхъ. Я видѣла какъ несли. Лицо бѣлое вотъ какъ эта стѣна, и ротъ весь въ пѣнѣ. Сейчасъ помретъ!...»

Мастеръ-мѣсяцъ былъ очень взволнованъ. Забывъ о винѣ, подсунувъ маркитанткѣ рахатъ-лукумъ, онъ сѣлъ за новое донесеніе: старое, очевидно, не годилось. Сообщилъ, что, по совершенно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, только что имъ полученнымъ отъ близкихъ извѣстнаго лица, извѣстное лицо вдругъ опасно заболѣло. «О степени серьезности его болѣзни ничего пока не могу сказать, врачъ еще не высказался».

Онъ не боялся писать при маркитанткѣ, такъ какъ зналъ, что она ничего такого не понимаетъ, да и занята рахатъ-лукумомъ. Но для донесенія нужны были все же болѣе толковыя свѣдѣнія. «Вѣрно, въ кантинѣ сейчасъ есть народъ. Пойти послушать, что говорятъ люди», — подумалъ онъ и сослался на головную боль. — «Поужинаемъ, миленькая, позднѣе. Я немного пройду. А ты жри пока рахатъ-лукумъ», — ласково сказалъ онъ.

За столикомъ кантины дѣйствительно сидѣли Зассъ и Киндерманъ. Въ отвѣтъ на почтительный поклонъ пріемщика шведъ разсѣянно-привѣтливо сказалъ: «Добрый вечеръ». Нѣмецкій офицеръ не отвѣтилъ никакъ: что-жъ отвѣчать пустому мѣсту? Мастеръ-мѣсяцъ подошелъ къ стойкѣ и скромно спросилъ пива.

— ... Нѣтъ, пожалуйста, вы мнѣ подробнѣе сообщите, что именно нашелъ врачъ? Вы понимаете, какое это имѣетъ значеніе, — говорилъ по-нѣмецки Киндерманъ.

— Ахъ, врачъ! Развѣ этотъ мальчишка врачъ? Просто стыдъ и позоръ! Ничего путнаго онъ не сказалъ

и не могъ сказать, — отвѣтилъ шведскій офицеръ. — Онъ только, какъ всегда, плакалъ и говорилъ, что не знаетъ, какая болѣзнь у его свѣтлости. Очень желалъ узнать мое мнѣніе! Я ему заявилъ, что по вопросамъ артиллеріи никогда къ нему не обращаюсь. Мое мнѣніе, — да тутъ двухъ мнѣній и быть не можетъ: у лорда Байрона былъ эпилептическій припадокъ, — сказалъ Зассъ чуть понизивъ голосъ, несмотря на нѣмецкій языкъ.

— Но... Вы когда-нибудь слышали, что его свѣтлость эпилептикъ?

— Не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Вѣроятно, его потрясла эта сцена съ суліотами.

— Говорятъ, онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ?

— Мало сказать: съ достоинствомъ! Онъ былъ выше всякихъ похвалъ! Наполеонъ не могъ бы держать себя лучше. Былъ совершенно спокоенъ, хотя достаточно ясно, какой это для него ударъ. Мало того, вѣдь онъ подвергался серьезной опасности. Дѣло по существу шло не только объ отказѣ отъ похода: эти дикари могли тутъ же зарѣзать и отослать его голову султану. Говорятъ, что они еще вчера послали къ нему своихъ шантажистовъ съ угрозами. Онъ категорически во всемъ отказалъ: жалованья не прибавилъ, офицерами ихъ не назначилъ, объявилъ, что увольняетъ ихъ отъ службы. Можетъ быть, я ошибаюсь, но думаю, что жизнь его въ эти минуты висѣла на волоскѣ.

— Удивительно! Вѣдь онъ никогда не былъ офицеромъ!

— Скажу вамъ правду, я никакихъ его книгъ не читалъ. Пробовалъ читать, когда выѣхалъ сюда, и не могъ: мнѣ показалось, что все это, прежде всего, очень скучно. Охотно признаю свою полную некомпетентность, я вообще человѣкъ не ученый: свое артиллерійское дѣло знаю и больше ничего. Скажу больше: у меня было противъ него нѣкоторое предубѣжденіе, — вы знаете, какія легенды о немъ ходятъ, среди нихъ есть легенды довольно скверныя. И тѣмъ не менѣе всякій разъ, какъ

я съ нимъ встрѣчался здѣсь, въ Миссолонги, у меня неизмѣнно было впечатлѣніе, что я нахожусь въ обществѣ великаго человѣка. Книги его, говорятъ, странныя, а онъ самъ необыкновенно простъ и уменъ. Я не видалъ Наполеона, но представлялся разнымъ высокимъ особамъ. Развѣ только Александръ I производилъ такое обаятельное впечатлѣніе королевской простоты и королевскаго величія...

— Вы никогда не видѣли принца Шаумбургъ-Липпе?

— Не видалъ, — съ досадой сказалъ Зассъ. — Но возвращаюсь къ дѣлу. Теперь наше положеніе катастрофическое. Вотъ тебѣ и походъ на Лепанто! Хороши наши войска!

— Unerhört! — воскликнулъ Киндерманъ, ударивъ кулакомъ по досчатому столу. — Однако, вы мнѣ не сказали, какъ же случился этотъ припадокъ?

— Онъ спустился изъ своей комнаты въ кабинетъ Стэнгопа, знаете, въ первомъ этажѣ. Тамъ уже былъ нашъ красавецъ: майоръ. А гдѣ онъ, тамъ и брэнди, это вы тоже знаете. Лордъ Байронъ налилъ себѣ полстакана и выпилъ пополамъ съ сидромъ...

— Я знаю: это ужасная вещь.

— Выпилъ, всталъ, улыбаясь, хотѣлъ что-то сказать и грохнулся на полъ въ конвульсіяхъ!

— Unerhört! — повторилъ не совсѣмъ кстати Киндерманъ.

Офицеры скоро ушли. Мастеръ-мѣсяцъ еще постоялъ у стойки, обдумывая случившееся: какъ все это отразится на походѣ, на экспедиціи, на его собственной судьбѣ. Дежурный поглядывалъ на него съ неудовольствіемъ и, наконецъ, демонстративно погасилъ одну изъ двухъ горѣвшихъ въ комнатѣ сальныхъ свѣчей. Въ другое время мастеръ-мѣсяцъ остался бы послѣ этого нарочно, чтобы отстоять свои права лица средняго персонала. Но теперь мысли его были заняты важными дѣлами. Онъ вздохнулъ и вышелъ изъ кантины. Де-

журный заперъ дверь на замокъ, пробормотавъ что-то неприятное.

Сторожъ вбѣжалъ въ ворота и закричалъ, что суліоты идутъ на арсеналь. — «Спасайся кто можетъ!» — заоралъ пьяный часовой. Извѣстіе мгновенно распространилось по сералю. Началась паника. Офицеры выбѣжали во дворъ съ пистолетами въ рукахъ. Кто-то пронесся съ факеломъ по второму двору. Мастеръ-мѣсяць растерялся: «Зарѣжутъ! Его не зарѣзали, такъ все выместятъ на насъ!...» Хотѣлъ было броситься во второй дворъ, — тамъ была калитка, — но вспомнилъ, что маркитантка ждетъ его, что ее защитить будетъ некому. Онъ тоже выхватилъ пистолетъ и побѣжалъ въ гаремъ. «Самъ издохну, а ее не позволю тронуть!» — думалъ онъ на бѣгу. Она лежала на его кровати и медленно жевала послѣдній кубикъ рахатъ-лукума, стараясь продлить наслажденіе. Вытаращила глаза, увидѣвъ его съ пистолетомъ.

Тревога оказалась ложной: суліоты на арсеналь не шли. Узнавъ, что онъ вернулся ради нея, пошелъ на вѣрную смерть, маркитантка зардѣлась отъ любви, восхищенія и благодарности. Мастеръ-мѣсяць самъ ничего не понималъ: что съ нимъ случилось? И ему въ первый разъ пришла въ голову мысль: влюбленъ! Влюбился въ нищую женщину, въ отставную одалиску турецкаго паши! «Дуракъ! Идіотъ! Энтузіастъ!» — говорилъ онъ себѣ, замирая отъ восторга.

XXII.

«... Теперь *все* кончено, ужъ *совсѣмъ* кончено... Значить, прежде было не *все* и не *совсѣмъ*?... Да, прежде еще выпадали добрыя минуты: минуты почти веселыя, минуты почти счастливыя. Ихъ было мало, ихъ становилось все меньше. Но на что рассчитывать *теперь*? Эпилепсія, т. е. безуміе: зачѣмъ называть это другими именами? Прошлое? Свое? Грѣхи отцовъ? Наслѣдье злого лорда? наследье убійцы Чаворта? Или подарокъ рода Гордоновъ, вся исторія котораго — неправдоподобная цѣпь преступленій, убійствъ, казней. Все равно...

Ну, что жъ, это очень просто. Слишкомъ быстро? Можетъ быть. Это всегда слишкомъ быстро. Не успѣлъ ни какъ слѣдуетъ пожить, ни какъ слѣдуетъ подумать? Не первый, не послѣдній. Вотъ то же иными словами сказано въ этой книгѣ Сенеки: «*Omnis illis speratae rei longa dilatio est; at illud tempus quod amant breve est et praecipue breviusque multo, suo vitio; aliunde enim alio transfugiunt et consistere in una cupiditate non possunt. Non sunt illis longi dies, sed invisibiles...*» Подумать о показной сторонѣ смерти? Чего ужъ лучше въ смыслѣ повышенія въ историческомъ чинѣ! Символическая ракета сожжетъ символическое Лепанто, — не въ этомъ ли подлинная мудрость?...» И стихи о могилѣ воина, недавно, здѣсь въ Миссолонги, взволновавшіе почти до слезъ, какъ когда-то волновали первыя строфы «Чайльдъ Гарольда», — *теперь* принимали новый, тоже неожиданный, радостно-безнадежный смыслъ.

XXIII.

Потомъ событія пошли очень быстро, слишкомъ быстро: мастеръ-мѣсяць не успѣвалъ доносить рыжему подполковнику. Выяснилось, какъ произошелъ суліотскій бунтъ. Греческій вождь Колокотроносъ, опасаясь, что занятіе Лепанто можетъ увеличить авторитетъ работавшаго съ Байрономъ Маврокордато, послалъ своихъ суліотовъ подбивать къ бунту суліотовъ Миссолонги. — «Да, эти Грецію освободятъ!» — весело думалъ мастеръ-мѣсяць. Изъ разговоровъ въ кантинѣ онъ узналъ также, что Лондонскій Комитетъ посылаетъ не очень много денегъ; Байронъ немало докладываетъ изъ своего кармана. Мастеръ-мѣсяць укрѣпился въ мысли, что во главѣ миссолонгскаго дѣла стоитъ сумасшедшій.

Походъ на Лепанто естественно отложили, такъ какъ наступать было некому. Большая часть суліотовъ покинула городъ. Остались только тѣ, что обѣщали впредь строго соблюдать дисциплину. Но и отъ нихъ радости было немного. Черезъ нѣсколько дней послѣ бунта мастеръ-мѣсяць былъ посланъ въ деревню нанимать людей. Когда онъ вернулся въ арсеналь, марки-тантка выбѣжала ему навстрѣчу и со слезами сообщила, что случилась большая бѣда: убили шведскаго офицера. Мастеръ-мѣсяць ахнулъ: «Засса? Кто убилъ? Быть не можетъ!...» Оказалось, что убилъ суліотъ, не то по ошибкѣ, не то въ пьяномъ видѣ. — «Только что увезли тѣло. Пріѣзжалъ самъ архистратегъ, — на немъ лица нѣтъ: видъ такой, точно и самъ онъ не сегодня-завтра умретъ! А въ сералѣ никто больше не хочетъ служить. Англичане такъ прямо всѣмъ и заявили: ихъ наняли на мирную работу, а если тутъ какіе-то дикари

рѣжутъ людей, то они требуютъ, чтобы ихъ сейчасъ же на казенный счетъ отправили назадъ въ Англію». — «И совершенно правы!» — въ сердцахъ сказалъ мастеръ мѣсяцъ. Происшествіе въ арсеналѣ было скорѣе выгодно, какъ все, что вредило успѣху дѣла, но ему было жаль Засса. «Ужъ лучше бы тотъ разбойникъ зарѣзалъ Киндермана»..

И точно убійство шведскаго офицера было сигналомъ для общаго развала, несчастья посыпались одно за другимъ. Дня черезъ два, въ десятомъ часу вечера, мастеръ-мѣсяцъ ужиналъ со своей подругой, какъ вдругъ раздался страшный, непонятно откуда шедшій ударъ, все со звономъ посыпалось на землю, за окномъ слышались крики — «Это взрывъ! Бѣги, бѣги, дура, не подбирай тарелокъ!» — заоралъ мастеръ-мѣсяцъ. Онъ подумалъ, что взорвался ракетный составъ. Рванулся было въ коридоръ, ахнулъ, вернулся за ней и потащилъ ее на улицу. — «Взрывъ! Пожаръ! Горимъ!» — вопилъ онъ по-итальянски, забывъ, что никакими иностранными языками, кромѣ англійскаго, не владѣетъ. Однако, огня нигдѣ не было видно. Въ воротахъ образовался заторъ. Работая локтями изо всей силы, мастеръ-мѣсяцъ прорвался на улицу и выволокъ полумертвую маркитантку. Только черезъ нѣсколько минутъ, уже далеко на улицѣ, онъ понялъ, что дѣло не въ арсеналѣ, что взрыва не было, что бѣжать некуда. Неслось страшное слово: «землетрясеніе!» Женщины и дѣти голосили, одни бросались на землю, другіе кричали, что не надо бросаться. Вдругъ раздалась выстрѣлы, паника еще усилилась. Въ концѣ шедшей къ сералю улицы показался бѣгущій отрядъ суліотовъ. Они на бѣгу палили вертикально верхъ изъ мушкетовъ. Позднѣе мастеру-мѣсяцу стало извѣстно, что это у нихъ обычный способъ борьбы съ землетрясеніемъ. Затѣмъ онъ увидѣлъ архистратега. Байронъ, безъ обычной свиты, быстро проскакалъ верхомъ къ арсеналу.

Назадъ архистратегъ проѣхалъ шагомъ минутъ черезъ пятнадцать. Суліоты все палили вверхъ. Узнавъ,

что стрѣльба ведется по небу въ цѣляхъ борьбы съ землетрясеніемъ, Байронъ ничего не сказалъ: тусклымъ взглядомъ посмотрѣлъ на небо, на суліотовъ, затѣмъ медленно поѣхалъ дальше.

Подземные удары не повторялись, разрушенія были не очень велики. Однако мастеръ-мѣсяцъ приунылъ: онъ отроду никакихъ землетрясеній не видѣлъ. Если въ этой дырѣ да еще землетрясенія, то чортъ съ ней совсѣмъ: пора убираться во свояси.

Онъ думалъ, что теперь можно отъ рыжаго добиться перевода въ другое мѣсто: ясно, что никакого толка изъ миссолонгскаго дѣла не будетъ. Мастеръ-мѣсяцъ заготовилъ было письмо, очень убѣдительно е и хорошо составленное, но не послалъ. Самъ себя ругалъ: энтузіастъ, конечно, энтузіастъ! Чувствовалъ, что въ концѣ концовъ все-таки пошлетъ письмо, однако оно все лежало у него въ карманѣ.

30-го марта, въ дождливый вечеръ, вернувшись къ себѣ въ мрачномъ настроеніи, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что вся его комната украшена цвѣтами, — такъ мило, такъ пріятно. Столъ былъ накрытъ цвѣтной чистенькой скатертью, со складочками отъ утюга (обычно они обѣдали безъ скатерти), и заставленъ всевозможной *парадной* закуской: были не только два сорта рыбы, — оба его любимые, — не только *арнаки* съ соусомъ изъ перца, но и какой-то паштетъ заморскаго вида подъ Страсбургъ. Посрединѣ стола стояли графинъ съ фруктовой водкой и двѣ бутылки темножелтаго вина. Бутылки были ему знакомы: марсала! настоящая марсала, совсѣмъ такая, какую подавали въ Трапани! Здѣсь она стоила бѣшеныхъ денегъ. Мастеръ-мѣсяцъ вытаращилъ глаза. — «Ты что, рехнулась?»... Она съ улыбкой протянула ему пакетикъ, перевязанный ленточкой: новенькій кошелекъ, — и нараспѣвъ объяснила, что сегодня его рожденіе. — «Помнишь, ты мнѣ сказалъ, что родился 30-го марта». Онъ совершенно забылъ: забылъ и что нынче день рожденія, и что сказалъ ей, какого числа родился. А она помнитъ! Это чрезвычайно

его растрогало: за всю его жизнь никто не украшалъ цвѣтами комнаты въ его честь, да и подарковъ, кажется никогда не получалъ, кромѣ денежныхъ отъ начальства за особыя заслуги. Ночью она признала, что онъ лучше самого паши.

Это былъ послѣдній ихъ радостный день. Дѣла въ Миссолонги пошли совсѣмъ худо. Суліоты, покинувшіе городъ, гдѣ-то по близости соединились съ отрядомъ атамана Карайскаха и вмѣстѣ съ нимъ двинулись на Миссолонги. Одновременно прошелъ слухъ, что къ лагунѣ приближается турецкая эскадра. И еще стало извѣстно, что раскрытъ большой заговоръ, во главѣ котораго стоялъ какой-то человѣкъ, жившій въ домѣ архистратега. Этотъ человѣкъ оказался измѣнникомъ: поддерживалъ связь съ турками. А жилъ онъ въ домѣ архистратега потому, что этотъ домъ принадлежалъ его роднымъ. Въ кантинѣ шопотомъ сообщали, что весь городъ наводненъ шпіонами: турецкими, англійскими, греческими, австрійскими. Мастеръ-мѣсяцъ слушалъ, ахалъ и даже *сжималъ кулаки*. Но про себя все больше думалъ, что пора, пора уѣзжать. Не то разстрѣляютъ греки, или повѣсить Карайскаха, или зарѣжутъ суліоты, или посадятъ на колъ турки.

Въ наиболее тревожный день, 6 апрѣля, онъ въ послѣдній разъ въ жизни видѣлъ архистратега. Мимо арсенала промчался отрядъ: лордъ Байронъ со своей немногочисленной гвардіей скакалъ вглубь страны, очевидно, навстрѣчу шайкамъ атамана Карайскаха. Отрядъ пронесся очень быстро. Мелькнули раззолоченные шлемы, обнаженные мечи, пышно развѣвающіяся мантии, — и на кровномъ конѣ мертвенно блѣдный человѣкъ, съ измученнымъ, изможденнымъ лицомъ. — «Вотъ зрѣлище, которое я буду помнить до своего послѣдняго дня!» — сказалъ въ воротахъ, обращаясь къ нѣмцу, одинъ изъ иностранныхъ офицеровъ, — «торжество духа надъ тѣломъ». Нѣмецкій офицеръ не отвѣтилъ, но пожалѣлъ, что этотъ человѣкъ не служитъ въ настоящей арміи.

Кончилось новое испытаніе благополучно. Турецкій флотъ ушелъ въ Коринфскій заливъ: неизвѣстно, зачѣмъ приходилъ, неизвѣстно, зачѣмъ ушелъ. Измѣнниковъ схватили. Суліотскіе вожди перессорились между собой и отступили отъ Миссолонги. Атаманъ Карайскахъ блъ арестованъ. Очень подвинулась и работа въ арсеналѣ. Ракеты Конгрева уже были почти готовы. Майоръ Парри повеселѣлъ, ходилъ по арсеналу съ видомъ Веллингтона послѣ Ватерлоо, и оралъ, что походъ на Лепанто состоится очень скоро. — «Дай Богъ только силъ и здоровья его свѣтлости, а я ихъ всѣхъ сожгу въ одинъ вечеръ! Будутъ они меня помнить!...» И еще что-то кричалъ о битвѣ при Лейпцигѣ, о своемъ другѣ генералѣ Конгревѣ, о Наполеонѣ, котораго погубили эти самыя ракеты.

Въ этотъ ли вечеръ или въ слѣдующій (мастеръ-мѣсяцъ позднѣе не могъ вспомнить) въ кантинѣ, въ арсеналѣ, по коридору гарема проползъ слухъ, что здоровье его свѣтлости очень худо. Говорили, что архистратегъ простудился при послѣдней своей поѣздкѣ верхомъ и схватилъ какую-то скверную лихорадку. Въ гаремъ пришла прачка, сестра маркитантки, и, вытирая слезы, сказала, что итальянскій докторъ цѣлый день плачетъ: архистратегъ плохъ, совсѣмъ плохъ. Тотчасъ горько заплакала и маркитантка.

Въ арсеналѣ наступила тишина. Никто больше не ссорился. Самъ майоръ Парри не шумѣлъ и вообще показывался мало: проводили почти весь день въ домѣ Капсали. Не было видно ни Маврокордато, ни графа Гамба, никого. Въ кантинѣ растерянно говорили, что надежды на выздоровленіе мало. Шли все болѣе мрачныя слухи. Вечеромъ 19-го апрѣля по городку съ необычайной быстротой пронеслось извѣстіе, что въ началѣ седьмого часа лордъ Байронъ тихо скончался.

XXIV.

На воротахъ сераля появилось длинное объявленіе въ плохо отпечатавшейся траурной каймѣ. То ли начали его набирать еще во время агоніи архистратега, или ужь очень быстро сдѣлали свое дѣло рабочіе, но скоро оно висѣло въ Миссолонги вездѣ, гдѣ только можно было его наклеить. Люди останавливались, блѣднѣли, крестились и читали все, отъ начала до конца, хотъ уже знали о смерти Байрона и хотъ объявленіе было длинное. Вѣсть быстро неслась по окрестностямъ: въ ту же ночь она дошла до турокъ.

Въ арсеналѣ изъ-за Пасхи работы не было. У висѣвшаго подъ фонаремъ объявленія стояла довольно большая толпа. Сначала о своихъ дѣлахъ не говорили; мысль о нихъ лежала камнемъ на душѣ у каждаго жителя Миссолонги. И только когда сѣдая старуха, служившая въ сералѣ уборщицей, сказала, что, вѣрно, теперъ иностранцы ихъ бросятъ, у людей развязались языки. — «Какъ бросятъ? Не могутъ бросить!» — «Не можетъ быть, чтобы бросили!» — «Вѣдь тогда турки придутъ!» — «Ну да, придутъ». — «Турки не поцеремятся!» — «Всѣхъ насъ перерѣжутъ, какъ на Хиосѣ!..» — Какая-то женщина съ ребенкомъ на рукахъ заплакала. За ней заплакали другія. — «И работа здѣсь прекратится», — угрюмо сказалъ кто-то, — «можетъ, турки и не придутъ, а хлѣба у насъ не будетъ»... — «Да быть не можетъ, вѣрно онъ оставилъ распоряженіе, чтобы не уходили». — «Надо бы узнать»...

Послѣ нѣкотораго колебанія рѣшили послать трехъ старшихъ справиться у начальства въ арсеналѣ. Часовой-грекъ, понимая общую бѣду, пропустилъ делегатовъ въ ворота, но сказалъ, что, кажется, никого изъ

начальства нѣтъ: всѣ уѣхали въ домъ Капсали. Правда, майоръ уже вернулся, но злой какъ собака, не подступись! По двору шелъ мастеръ-мѣсяцъ. Видъ у него былъ не располагавшій къ разговорамъ. Делегаты робко его остановили: онъ былъ неважное начальство, а все-таки начальство. — «Чего лѣзете? Не знаете, что ли, что арсеналь закрытъ?» — угрюмо спросилъ онъ. Рабочіе смиренно объяснили, что всѣ очень волнуются: случилось такое несчастье, будетъ ли дальше работать арсеналь? Ходитъ слухъ, будто кончится работа. — «Если кончится, то вамъ объявятъ расчетъ, только и всего». — «Да вѣдь тогда турки придутъ! Что же намъ дѣлать?» — «А я почему знаю?» — сказалъ мастеръ-мѣсяцъ и самъ пожалѣлъ о своей рѣзкости. — «Нечего волноваться. Можетъ быть, работа будетъ продолжаться и дальше. Зачѣмъ туркамъ сюда лѣзть? Да и войска у насъ остались. Жили до архистратега, будете жить и дальше? Назначать другого главнокомандующаго».

Нѣсколько успокоившись, делегаты ушли, за воротами тотчасъ послышался радостный гулъ. Мастеръ мѣсяцъ вздохнулъ. Онъ тоже былъ разстроенъ. Узнавъ о кончинѣ Байрона, онъ вскользь сказалъ маркитанткѣ, что теперь, вѣрно, придется отсюда уѣзжать. Не объяснилъ, какъ и почему, — она ни о чемъ не спросила, только измѣнилась въ лицѣ и черезъ минуту заплакала. Въ большомъ смущеніи мастеръ-мѣсяцъ спустился во дворъ арсенала, взялъ у дежурнаго ключъ и въ кантинѣ выпилъ рюмки четыре водки. Вопреки своему правилу, онъ сѣлъ за столъ (въ праздникъ никто въ кантину придти не могъ) и гумблотовскимъ карандашемъ написалъ донесеніе о кончинѣ извѣстнаго лица.

Онъ самъ удивлялся: ему было жаль лорда Байрона. Вспомнилъ ихъ первую встрѣчу пять лѣтъ тому назадъ у Флоріана и подумалъ, что все-таки это былъ очень замѣчательный человѣкъ, какихъ на свѣтѣ не много. «И книги, говорятъ, писалъ замѣчательныя. Изъ за какихъ-то грековъ погибъ! Чортъ его угораз-

диль пріѣхать въ эту проклятую дыру! И я здѣсь тоже издохну какъ собака. Если здѣшняя чепуха будетъ продолжаться, то, вѣроятно, рыжій велитъ остаться въ Миссолонги». Несмотря на соображенія о томъ, что и онъ здѣсь издохнетъ, эта мысль была почти пріятна мастеру-мѣсяцу. Онъ понималъ, что не можетъ жениться на бывшей одалискѣ, не имѣющей ни гроша за душой. Но ему было очень грустно съ ней разставаться, — правда, теперь какъ будто уже не такъ грустно, какъ было бы недѣли три тому назадъ. «Ничего не подѣлаешь» — думалъ онъ со вздохомъ, соображая, куда могутъ его послать. «Ясно, что должны дать повышеніе. Въ Петербургъ, что ли, все-таки къ императору Александру? Но газеты сообщаютъ, что онъ *впалъ въ мистицизмъ*»... Несмотря на немалый опытъ, ему было неясно, какъ мистицизмъ расцѣнивается въ вѣдомствѣ рыжаго подполковника: можетъ быть, за такими именно и нужно наблюдать? а можетъ, наоборотъ, если ты впалъ въ мистицизмъ, то иди къ чорту, никто тобой не интересуется?

Мастеръ-мѣсяцъ поднялся къ себѣ съ тяжелымъ чувствомъ. Маркитантка все сидѣла на стулѣ въ той же позѣ, какъ полчаса назадъ (вообще сидѣла рѣдко: либо бѣгала по дѣламъ, либо валялась на постели). — «Милая», — сказалъ онъ самымъ обыкновеннымъ тономъ, точно ничего не случилось, — «вотъ что, намъ надо туда пойти». — «Куда?» — «Туда, въ его домъ. Всѣ служащіе пошли». — «Зачѣмъ?» — «Какъ зачѣмъ? *Отдать послѣдній долгъ*», — сказалъ онъ. Эти торжественныя слова и его интонація испугали ее. «Ты иди, а я не пойду. Мнѣ не надо идти, я простая маркитантка. Ты — счетоводъ, это другое дѣло». — «Всѣ идутъ. Весь городъ тамъ». — «Весь городъ? Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду, я *ихъ боюсь*», — сказала она съ ужасомъ въ голосѣ, разумѣя умершихъ. Онъ немного подумалъ. — «Ну, какъ знаешь. Тогда я пойду одинъ, такъ, можетъ быть, и приличнѣе. Приготовь на ужинъ чего-нибудь такого», — добавилъ онъ, разумѣя такое, что умиротворило бы омраченную душу.

Выйдя из гарема, мастеръ-мѣсяцъ отправился въ кабинетъ майора Парри. Несмотря на праздникъ, на этотъ вечеръ была назначена первая проба ракетъ. Онъ предполагалъ, что теперь проба не состоится, но слѣдовало для порядка спросить. Дверь была полуотворена. Майоръ сидѣлъ, наклонившись къ столу, положивъ голову на руки; плечи его тряслись отъ рыданій. На столѣ лежала карманная фляжка. Мастеръ-мѣсяцъ смущенно попятился назадъ, вышелъ въ коридоръ, погулялъ немного и постучалъ въ дверь. — «Что вамъ надо?» — «Господинъ майоръ, я пришелъ узнать насчетъ пробы ракетъ генерала Конгрева. Какъ вы изволили приказать, я велѣлъ артиллеристамъ прійти въ девять часовъ»... — «Идите ко всѣмъ чертямъ съ вашими проклятыми ракетами!» — закричалъ майоръ. Мастеръ-мѣсяцъ выскочилъ изъ кабинета. «Старый болванъ! Совсѣмъ его развезло отъ водки!»

Къ дому Капсали, дѣйствительно, шло чуть не все населеніе городка. Знакомый лавочникъ вышелъ изъ лавки и сталъ ее запирасть. Мастеръ-мѣсяцъ его окликнулъ. — «Какая сегодня торговля! Все закрыто!» — нехотя сказалъ лавочникъ, но сдѣлалъ исключеніе для постояннаго покупателя. Купивъ большую коробку рахатъ-лукума, мастеръ-мѣсяцъ вернулся въ сераль, поднялся къ себѣ, — она все сидѣла такъ же. — «Миленькая, я тебѣ что-то принесъ», — сказалъ онъ ласково и сунулъ ей въ ротъ мягкій, липкій кубикъ съ осыпающейся пудрой. «Какъ можно ѣсть эту дрянъ?» — подумалъ онъ. Она просіяла, не то отъ рахатъ-лукума, не то отъ его вниманія. — «... Такъ ты уже тамъ былъ? Ужинъ еще не готовъ, будетъ только черезъ полчаса, я еще ничего не сдѣлала, прости меня!» — «Нѣтъ, нѣтъ, я пока и не ходилъ. Приду не раньше чѣмъ черезъ часъ. Развѣ ты уже голодна?»... Они нѣжно поцѣловались. И, цѣлуясь, онъ подумалъ, что навѣрно ее бросить: ничего не подѣлаешь. Сердце у него обливалось кровью.

У воротъ дома стояли часовые, опустивъ ружья дулами къ землѣ. На рукавахъ у нихъ была черная повязка. «Это хорошо. Молодцы!» — съ искреннимъ одобреніемъ подумалъ мастеръ-мѣсяцъ, — «успѣли распорядиться, и повязки достали». На лѣстницѣ горѣли свѣчи. Пахло спиртомъ. Слышались негромкіе удары молоткомъ. Графъ Гамба съ заплаканнымъ лицомъ стоялъ на площадкѣ и всѣмъ говорилъ вполголоса: «Второй этажъ. Тамъ»... Среди поднимавшихся многіе плакали, — кто изъ приличія, а большинство искренне. Толпу пропускали быстро. Мастеръ-мѣсяцъ оставался въ комнатѣ не болѣе полминуты. При блѣдномъ свѣтѣ свѣчей, онъ увидѣлъ на небольшой высотѣ отъ пола измученное, восковое, окровавленное на вискахъ лицо. — «Кровь? Почему кровь?» — съ ужасомъ подумалъ онъ. Не сразу понялъ, что кровь была отъ пьявокъ. Кто-то плакалъ въ углу.

Въ конецъ разстроенный мастеръ-мѣсяцъ спустился внизъ. Заглянулъ въ комнату, откуда слышались удары. Тамъ сколачивали гробъ изъ грубыхъ неотесанныхъ досокъ, вѣрно отъ распиленныхъ ящиковъ. — «Все чтобы было ровненько обложено жестью, и, главное, смотрите, чтобы нигдѣ не пропускало спирта... Я думаю, 180 галлоновъ хватить?» — спросилъ вполголоса одинъ изъ распорядителей другого, показывая на бочку. Мысль, что тѣло повезутъ въ спирту, была почему-то особенно неприятна мастеру-мѣсяцу. — «Гдѣ будутъ хоронить? Не здѣсь?» — спросилъ онъ распорядителя шопотомъ. Тотъ только бросилъ на него презрительный взглядъ: лорда Байрона хоронить *здѣсь!* — «Еще не рѣшено, либо въ Акрополѣ, либо въ храмѣ Тезея. А можетъ быть, придется отвезти въ Англію», — отвѣтилъ другой распорядитель.

Пошелъ дождь. Мастеръ-мѣсяцъ, ежась, застегнулъ плащъ и ускорилъ шаги. Мысли его стали совершенно мрачными. Онъ рѣшилъ, что надо, надо уѣхать, уѣхать возможно скорѣе, все равно куда ни пошлютъ. «Какъ ни больно, придется съ ней разстаться. Можетъ,

я позднѣе ее выпишу туда, куда назначать?» — нерѣшительно подумалъ онъ, но тутъ же почувствовалъ, что никогда этого не будетъ, что никуда онъ ее не выпишетъ, что это конченное дѣло. — «Но тамъ, куда назначать, я найду другую, похожую на нее, совсѣмъ такую какъ она!...»

Хотя до оказіи оставались еще сутки, онъ сходилъ на пристань и сдалъ кому слѣдовало для передачи рыжему оба письма: старое и новое. Въ грустномъ настроеніи онъ довольно долго бродилъ по берегу. «Нехорошо? Я ей оставлю денегъ»... Мастеръ-мѣсяцъ задумался: сколько же ей оставить? «Много не могу, мало — неловко... Ну, еще будетъ время для рѣшенія: пока тамъ придетъ отвѣтъ отъ рыжаго!... Да, по хорошему на свѣтѣ не проживешь. Мудрые люди добродѣтельно не промышляютъ. При добродѣтели я давно издохъ бы отъ голода»... Мысли эти его не успокоили. Онъ испытывалъ все растущую странную, безпредметную злсбу.

У воротъ арсенала тотъ же часовой раскуривалъ трубку, какъ тогда, въ день его зачисленія на службу. — «Каналья! Мерзавецъ!... Ко всѣмъ чертямъ!» — вдругъ съ яростью закричалъ мастеръ-мѣсяцъ. Лицо его исказилось отъ душевной боли. Такъ не кричалъ и самъ майоръ Парри. Испуганный грекъ бросилъ трубку и вытянулся. — «Какъ держишь ружье? Негодяй! Дуломъ внизъ! Я тебѣ говорю, дуломъ внизъ!» — оралъ мастеръ-мѣсяцъ въ припадкѣ дикаго, безсмысленнаго бѣшенства.

XXIV.

На большомъ дворѣ арсенала собралось нѣсколько человекъ. При свѣтѣ фонаря майоръ подвинулъ станокъ, заложилъ ракету Конгрева, установилъ квадрантъ. — «Готово, ребята?» — хрипло спросилъ онъ. Артиллеристъ повернулъ трубу, закрѣпилъ и провѣрилъ зажимъ. — «Къ югу прикажете?» — «Да куда-нибудь туда: черезъ заливъ, къ Араксосу, къ Наварину!» — «До Наварина, пожалуй, не долетитъ», — съ усмѣшкой сказалъ нѣмецкій офицеръ. — «Я говорю: къ югу! Готово? Огонь!» — закричалъ Парри. Артиллеристъ поднесъ къ гильзѣ палительную свѣчу. Раздался оглушительный выстрѣлъ. Ракета взорвалась на огромной высотѣ, разсыпалась и упала въ лагуну.

ТОГО ЖЕ АВТОРА :

Девятое Термидора
Чортовъ Мостъ
Заговоръ
Св. Елена, Маленькій Островъ.

Ключъ
Бѣгство
Пещера, Т. I
Пещера, Т. II.

Десятая Симфонія
Бельведерскій Торсъ.

Современники
Портреты, Т. I.
Портреты, Т. II
Земли, Люди
Юность Павла Строганова
Загадка Толстого.

Начало Конца, Т. I.
Начало Конца, Т. II. (готовится къ печати).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ : «ДОМЪ КНИГИ»

MAISON DU LIVRE ETRANGER

9, Rue de l'Éperon, Paris (6e). Téléphone : Danton 10-60

	Долл.
АЛДАНОВЪ, М. — «Пуншевая водка» и «Могила героя»	1.25
АГЪБЕВЪ М. — «Романъ съ кокаиномъ», романъ	1.00
ВИХРОВСКАЯ. — «Время», романъ	0.60
ГАЗДАНОВЪ. — «Исторія одного путешествія», ром.	0.80
БЕРБЕРОВА. — «Безъ заката», романъ	0.80
ГАМОЛИЦКІЙ. «Аріонъ» (О зарубежной поэзи) . . .	0.40
ГОЛОВИНЪ, генераль. — «Наука о войнѣ»	1.00
ГУЛЬ. — «Джержинскій. Менжинскій. Ягода»	0.75
ГУЛЬ. — «Ораниенбургъ — Гитлеровскій концлагерь»	0.75
ЕМЕЛЬЯНОВЪ. — «Приключеніе Джима», романъ . .	0.60
ЗАМЯТИНЪ, Евг. — «Бичъ Божій»	0.75
ЗУРОВЪ. — «Поле», романъ	0.75
ИВАНОВЪ, Г. «Распадъ атома» (отпечатано 200 экз.)	1.25
ИВАНОВЪ, Вячеславъ. — «Человѣкъ»	0.40
КНОРРИНГЪ, Ирина. — «Окна на Сѣверъ», стихи . .	0.30
КРЫМОВЪ, Вл. — «Похожденія графа Азара», ром.	1.20
КУНИНА. — «Красная Феска»	0.80
ЛИФАРЬ, С. — «Дягилевъ и съ Дягилевымъ», илл. изд.	5.00
ЛИФАРЬ, С. — «Страдные Годы», автобіогр. романъ	1.00
КРЫМОВЪ, Вл. — «Въ царствѣ дураковъ», ром.	1.20
МАКСИМОВЪ, С. — «Чудо Рюмина», романъ	0.80
МОЧУЛЬСКІЙ. — «Великіе русскіе писатели» (19 вѣкъ)	0.75
ЛИТЕРАТУРНЫЙ СМОТРЪ (сбор. ред. Мережковскаго)	0.75
ОЦУПЪ, Н. — «Беатриче въ аду», романъ	1.25
ОСОРГИНЪ, М. — «Свидѣтель исторіи», романъ	1.00
ОСОРГИНЪ. — «Вольный каменщикъ», романъ	1.00
ПЛЕЩЕЕВЪ, А. — «Сергѣй Лифарь», съ иллюстрац.	0.60
ПЛЕЩЕЕВЪ. — «Подъ сѣнью кулисъ», воспоминанія	1.00
СИРИНЪ. — «Приглашеніе на казнь», романъ	1.00
СКОБЦОВЪ. — «Гремучій Родникъ», романъ	1.25
ФРАНКЪ, С. — «Непостижимое»	1.60
ЦЕТЛИНЪ, М. — «Декабристы»	1.00
ЧИЖЕВСКІЙ, Д. «Гегель въ Россіи»	2.00
ШЕСТОВЪ, Левъ. — «Киргегардъ»	1.60
ШИКЪ Ал., — Женатый Пушкинъ»	0.50
ШИКЪ, Ал. — «Одесскій Пушкинъ»	0.50

<p>«ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ». — Юбил. изд. стар. орф. съ комментар. проф. М. Л. Гофмана, 336 стр. на бумагѣ АЛЬФА . . . . . \$ 0.50</p> <p>ПУШКИНЪ. — Юбил. однотомяное собр. соч., стар. орф. 1100 стр., без пер. \$ 2.00 въ кол. пер. \$ 2.50, въ кож. пер. \$ 3 и . . . . . 3.50</p>
